Российская Академия наук
Институт философии

Ю.В.Олейников, А.А.Оносов

НООСФЕРНЫЙ ПРОЕКТ СОЦИОПРИРОДНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Москва
1999

ББК 15.56
УДК 300.36
0-53

Редактор:
доктор филос. наук *Ю.В.Олейников*

Рецензенты:
доктор филос. наук *Ю.К.Плетников*
кандидат биол. наук *Г.Г.Кривошеина*
кандидат филос. наук *А.Т.Шаталов*

0-53 Олейников Ю.В., Оносов А.А.
Ноосферный проект социоприродной эволюции. — М., 1999. — 210 с.

Работа очерчивает круг малоизвестных социально-мировоззренческих идей «*эволюционно-проективной философии*», разрабатывавшихся *П.Тейяром де Шарденом*, представителями русского космизма (*Н.Ф.Федоров, В.И.Вернадский, К.Э.Циолковский, В.Н.Муравьев, А.В.Сухово-Кобылин, Н.А.Умов* и др. мыслители).

Обращение к духовному наследию мыслителей-космистов вызвано, с одной стороны, их философскими исканиями «правды», с другой — научно точным определением тенденций социоприродного процесса, что в целом определяет практическую значимость космософии в создании современной концепции устойчивого развития — коэволюции природы и общества и выявлении объективных исторических перспектив человеческой цивилизации.

ISBN 5-201-02008-9 © Ю.В.Олейников, А.А.Оносов, 1999
© ИФРАН, 1999

Предисловие

С возникновением дарвинизма идеи эволюции стали быстро проникать в самые разные науки и философские представления. Уже к концу XIX — в начале XX вв. в результате синтеза естественных наук и гуманитарного знания сформировалось особое направление философского осмысления динамики бытия Универсума. Специфическим для этого направления стало не только признание всеобщего, глобального космопланетарного эволюционизма, но и убежденность в том, что перспективы цивилизации, культуры и в целом выживание и прогресс человечества все в большей мере определяются сознательной, целенаправленной — проективной — деятельностью людей.

Обращение к проблемам глобальной эволюции обусловило поиск определяющих факторов планетарной, а затем и космической эволюции. В качестве таковых стали рассматриваться: вся косная природа, живое вещество и социальная материя. Выход на рассмотрение предельных факторов космопланетарной эволюции стимулировал формирование новой картины мира, пересмотр всей совокупности традиционных мировоззренческих представлений о месте и роли человека в природе и обществе, выявление новых ценностей, приоритетов и норм бытия общества.

Идеи проективной эволюции социоприродного целого в наиболее четком виде определились в русском космизме и эволюционизме П.Тейяра де Шардена. Однако прививщееся в отечественной литературе понятие «русский космизм» отражает хотя и наиболее развитый, но частный компонент этого идейно-теоретического направления, не исчерпывает в полной мере теоретический арсенал и всю совокупность приверженцев идей проективной философии. В связи с этим *С.Г.Семенова* предлагает называть это философское направление *активно-эволюционным*. На наш взгляд, термин *«эволюционно-проективная философия»* может удачно объединить весь спектр отечественных и зарубежных исследователей и концепций, отстаивающих необходимость разумной регуляции мирового эволюционного процесса.

До тех пор пока эволюционно-проективная философия опиралась на прозрения лишь некоторых гениальных умов, раньше других уловивших скрытые от многих тенденции мирового эволюционного процесса, она оставалась непонятой и потому невостребованной. Только теперь, когда для большинства ученых и простых обывателей стал чувственно наглядным экологический и социальный тупик продолжения традиционного способа жизнедеятельности, сохранения свойственных эпохе индустриального общества социально-экономических, политических, нравственных и иных ценностей и приоритетов, т.е. выявился общий контекст современной глобалистики и глобальной эволюции, люди обратились к идеям эволюционно-проективной философии, в рамках которой впервые были осмыслены планетарные глобальные проблемы и намечены принципиальные направления их решения, разрабатывались социальные, политические, нравственные альтернативы бытия социума и его взаимодействия с природой.

К сожалению, теоретическое наследие эволюционно-проективной философии все еще в значительной мере является достоянием архивов. Идеи этого философского направления освоены современниками фрагментарно, без выявления их глубокого мировоззренческого значения.

Настоящая работа преследует цель дать синтез основных идей эволюционно-проективной философии, являющих собой суть концепции проективной эволюции социоприродного Универсума.

Авторы вполне отдают себе отчет в сложности реализуемой исследовательской задачи. Дело в том, что концепция проективной эволюции не есть последовательно развиваемая в рамках какой-то определенной философской школы, философского направления или мировоззрения теория. Она сформировалась как определенное умонастроение, как результат идейных исканий пути обеспечения дальнейшего бытия общества на основе разумной регуляции эволюции Универсума. Как философское направление, она представляет собой конгломерат идей, высказанных разными мыслителями: естествоиспытателями, теологами, философами, учеными (биологами, физиками, механиками), писателями и др. Однако, мы пола-

гаем, что с помощью введения идеи *социальной организованности* как некоего общего основания, стягивающего воедино всю совокупность кажущихся на первый взгляд совершенно разноречивых мнений о факторах, обеспечивающих управляемую эволюцию Универсума, можно вычленить философское ядро концепции проективной эволюции Универсума.

Данная монография состоит из двух частей. Первая (автор *А.А.Оносов*) посвящена реконструкции главным образом философских — мировоззренческих — идей русского космизма об управляемой эволюции социоприродного целого. Вторая — в большей мере иллюстрирует практическую сторону социоприродной эволюции — ноосферогенез, как его представляли и интерпретировали В.И.Вернадский и П.Тейяр де Шарден.

ЧАСТЬ I
КУЛЬТУРНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕКТОР ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОСМИЗМА

Глава 1
Естественнонаучные и философские основания ноосферного проекта

«Стройность» космоса жизни — механизм или организованность?

Одним из первых научно-теоретическую разработку понятия *«организованность»* предпринял А.А.Богданов — в начале нынешнего столетия оно было принято им в качестве исходного положения «всеобщей организационной науки» — тектологии [см.: 5]. Позже, в 30-х годах, в более специализированном значении оно использовалось В.И.Вернадским в учении о живом веществе для естественнонаучного описания и анализа явлений жизни в биосфере. Сам термин не получил широкого распространения в науке, но представление, связанное с ним, прочно вошло в концептуальную основу ряда теоретических, а позднее и математических, формальных компьютерных моделей; стало реально учитываться в построении научной картины биосферной и общепланетной целостности, неразрывно связанной в своем генезисе и метаморфозе с живым веществом.

Появление термина «организованность» связано с естественнонаучной перестройкой картины мира на основе понятия о живом веществе, т.е. с учетом вхождения процессов жизни «в атомную структуру Вселенной». Организованность в этом случае выражает *«определенное строение, сопряженное с явлениями жизни»* [17, с. 18]. В ходе изучения живого вещества Вернадский пришел к пересмотру некоторых традиционных научных представлений — он полагал, что «надо приспособлять в биосфере атомную модель мира к *организму, а не к механизму*» [17, с. 17].

Трансформация мировоззренческих представлений отразилась и на понятийном научном аппарате. Термин *«механизм биосферы»*, характерный для ранних рукописей Вернадского по гео- и биогеохимии и обозначавший динамическую структуру планетной области жизни, впоследствии был вытеснен *термином «организованность биосферы»*, как более удобным для анализа природных явлений.

Немногим ранее Вернадского с той же проблемой научного учета явлений жизни в концепции мира столкнулся физик-теоретик Н.А.Умов. Определяя фундаментальное свойство организованной материи — основной признак жизни — как *«стройность»,* он предполагал наличие закона, выражающего негэнтропийное возрастание стройности в природе, обусловленное процессами жизни. Происходящее в ходе эволюции живого вещества — *организованной* материи — увеличение *стройности* в мире, по существу, есть рост его *организованности.* Очевидно, понятия стройности и организованности по их методологическому значению в логическом охвате реальности можно принимать эквивалентными. При этом Умов уже связывал внешние проявления стройности с психическими: сознательная деятельность человека принималась им направленной «на борьбу с нестройностью... на создание новых стройностей» [80, с. 161]. В соответствии с этим представлением, по мысли Умова, есте-

ственным содержанием эволюционной истории Homo sapiens является то, что он «распространяет эти стройности на неорганизованную материю и борется во имя этих стройностей со случайным распорядком событий в природе» [80, с. 194] и, в конечном счете, — «за осуществление высших проявлений стройности — этических идеалов» [80, с. 200].

В целом, организованность выражает совершенно *определенный уровень организации* (самоорганизации), она отвечает точно установленному типу строения, свойственному биотическим объектам. В понятии организованности — *организации жизни* — отражаются особые свойства природной реальности.

Таким образом, организованность отражает не фиксированный уровень сложности произвольной системы, а процесс обеспечения самодостаточности динамически переменного, эволюционирующего объекта. Организованность глубоко коррелирована не столько с моментом, сколько с процессом развития, свойством самоорганизации. Очевидно, что для биокосных объектов способность к самоусложнению связана с проявлением и функционированием в их структуре живого вещества, которое является центром становления организованности этих объектов — их «эволюционным ядром». Из геологической истории Земли можно заключить, что все необходимые для организованности планеты процессы неразрывно связаны с проявлением в ее структуре живого вещества.

Организованность можно определить как неустойчивое динамическое равновесие, выражающее функциональный принцип эволюционного построения целостности системы на основе процессов жизни, или самоорганизации этой системы за счет живого вещества. Состояние организованности внутренне присуще самоорганизующейся и сложной эволюционирующей системе. Превышение известных количественных преде-

лов равновесия или, напротив, его устойчивая фиксация в статическом положении вызывает кризис системы, во время которого ее организованность, в узком и точном значении этого термина, нарушается, энтропия возрастает, что, рано или поздно, приводит к дезинтеграции целостного объекта. Системный монолит здесь возникает на зыбкой основе подвижного единства — меняющихся соотношений и «процессования» (выражение А.В.Сухово-Кобылина [см.: 74]). Неустойчивость таких систем сказывается в том, что параметры и характер самого равновесия эволюционно медленно меняется, его «центр» подвижен в ходе системного времени. Таким образом, говоря о *неустойчивом динамическом равновесии,* необходимо понимать состояние организованности в *эволюционном* аспекте. В *историческом* масштабе времени это состояние сохраняет черты примерного *равновесия* — постоянство основных параметров биосферы; в *геологическом* масштабе времени оно есть непрерывно идущее, *направленное изменение* характерных констант, перестройка качественного вида равновесности.

Исходя из такого определения, организованность следует отнести, прежде всего, к функциональным характеристикам системы: она, главным образом, отражает закономерность квазиравновесных противоэнтропийных переходов и смен качественных состояний как свойство динамического самовозобновления и модифицирования системной соразмерности. В целом, организованность выражает строение некоей целостности, обладающей потенцией развития, прогрессирующей эволюции. Бытийный принцип таких объектов — *существование-в-развитии*.

Другими словами, организованность есть функциональная, динамическая, системно-иерархическая упорядоченность — органическое соотношение свойств, а не формально-статистическая структура [см.: 93, с. 8]. В таком смысле организованность должна рассматри-

ваться «как неотъемлемое свойство материального мира, как внутренняя связь всего со всем или как потенциальное всеединство» [27, с. 4-5]. Представление об организованности, по сути, должно быть отнесено к ряду фундаментальных категорий общей теории эволюции.

Организованность среды неизменно указывает на идущий в ней эволюционный процесс; она параметрически определяет его в том виде, который возможен в среде с данной организованностью. Одновременно, эволюционирование объекта с необходимостью требует состояния его организованности; эволюция возможна при условии динамического строения своего субстрата. В сущности, и организованность, и эволюционность служат различными логическими формами выявления и охвата единого, необходимого в геологической реальности процесса развития.

Организованность системы задает градиент ее эволюции; в этом смысле она проявляется как *виртуальная эволюция* со свойственным ей функциональным и морфологическим пространством состояний системы. Вместе с тем совершенно ясно, что организованность имеет тенденцию к *росту* и *усложнению*, направленную на усиление эволюционного процесса.

Это следует из самой сущности организованности. В результате квазиравновесного функционирования системы *возникают закономерные колебания*, отклонения — невязки в точке разрыва цикла. При этом принципиально невозможно и статистически невероятно точное воспроизведение, матричное повторение прежнего состояния.

Такая динамика не представляет беспорядочный процесс, она реализует собой *закон эволюционной направленности* и отражает свойство неустойчивости равновесного строения и функционирования системы. За счет интегрального ряда колебаний, смещений, возникающих в условиях многофакторной обусловленности

поведения системы и непрерывного обновления ее элементов, т.е. благодаря организованности, постепенно происходит *перестройка фундаментальных свойств*, взаимосвязей и соотношений, вырабатываются новые необходимые системные качества.

Смена качественности неизбежно отражается на организованности, поскольку ее тип определен суммой динамических свойств, присущих системе. Организованность, представляя генеральное качество системы — функциональное равновесие подвижного множества ее элементов, — не остается *неизменной*; она также включена в эволюционный процесс. В системе равновесий «около точно выражаемого среднего», постоянно происходят «смещения или колебания этого среднего» [18, с. 23]. Центр равновесия подвижен в определенном направлении, так что характер организованности геологически медленно, но неизбежно меняется; *эволюция организованности выражается векторной величиной.*

Таким образом, в организованности заключена не только возможность динамического строения и развития системной целостности, но и более глубокая необходимость эволюционного *изменения самого характера* этой *динамики.*

В свою очередь изменение организованности, в условиях которой развертывается эволюция, также самым прямым образом сказывается на эволюционном процессе, существенно меняя его направленность, темп, характер в целом. Посредством изменения типа организованности санкционируются и запускаются ранее неэффективные факторы развития, инициируются до того «запрещенные» — объективно невозможные — направления стихийного геологического процесса. Системой в состоянии организованности непрерывно подготавливается и создается класс новых эволюционных возможностей собственного развития. Таким путем в *ходе эволюции неуклонно изменяется* не только ее *суб-*

страт, но столь же неизбежно — через усложнение и рост организованности — и *характер* самого *эволюционного процесса*. Это самое глубокое и существенное преобразование динамического порядка системы, которое открывает новые каналы ее самоорганизации, активирует некоторые потенциальные стратегии эволюции.

Идея организованности может быть эксплицирована посредством представлений синергетики, охватывающих ряд важных закономерностей самоорганизации и эволюции сложных систем. Прежде всего, это представление о *структуре-аттракторе*[1] эволюции: «если система (среда) попадает в поле притяжения определенного аттрактора, то она неизбежно эволюционирует к этому относительно устойчивому состоянию (структуре)» [29, с. 7]. Со структурой-аттрактором развития социоприродной системы связана возможность *проективного* отношения к ее будущему состоянию, понимание значения системных моделей с точки зрения развертывания объективного геологического процесса.

С другим важным представлением — понятием о *новом типе детерминизма* самоорганизующихся процессов — связана идея системного самоуправления, регулятивного отношения к тенденциям эволюционного развития. «Управление теряет характер слепого вмешательства методом проб и ошибок или же упрямого насилования реальности, опасных действий против собственных тенденций систем, и строится на основе знания того, что вообще возможно на данной среде. Управление начинает основываться на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развивающихся систем. Поэтому здесь появляется в некотором смысле высший тип детерминизма — детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и с возможностью выхода на желаемое будущее. Это детерминизм, который усиливает роль человека» [29, с. 20]. «Детерминизм на множестве» альтернатив делает не-

обходимым некоторый выбор со стороны управляющего ядра системы. В социальном измерении это имеет смысл исторического участия человечества в выходе глобальной эволюции на структуру-аттрактор. При этом сам выбор может осуществляться бессознательно, вне осмысленного отношения к развертывающемуся эволюционному процессу. Сознательный подход к этому явлению требует целесообразного структурирования социальных функций, соответствующего выстраивания жизнедеятельности общества «под цель», т.е. формирования мировоззренческой платформы и принятия некоторых идеологических принципов системного мироотношения. Вне этого подхода проявление структуры-аттрактора неизбежно будет носить стихийный и во многом противоречивый характер.

Еще одним принципиальным понятием, которое неявно интегрируется в представление об организованности, является *нелинейность* процессов развития системы. При этом ее значение не сводится к возможности сверхбыстрого, взрывного по темпам, развития за счет нелинейной положительной обратной связи. Высшим проявлением автокаталитического характера нелинейности следует считать также фундаментальное свойство самоорганизующейся системы изменять характер собственных эволюционных переходов, переключать режимы самоусложнения, т.е. «качественную нелинейность», функциональную неоднородность в ходе системного времени. Способность оптимизировать эволюцию, выбирая некоторую ее стратегию, связана с отмеченным выше типом составного — социоприродного — детерминизма.

Эти важные выводы теории синергетики, вместе с представлением о неустойчивом динамическом состоянии сложной планетной структуры, в полной мере приложимы и в области социоприродных и собственно социальных процессов, раскрываемых в представлении о *социальной организованности* — участии сознания в явлениях жизни.

Общество и эволюция биосферы: представление о социальной организованности

В биогеохимическом выражении картина биосферных взаимодействий представляет, по Вернадскому, определенную цикличность геохимических проявлений (функций) живого вещества. Характерным для них является миграционный ток биосферного вещества, энергии и информации, связанных с атомами, химическими элементами, породами, микроорганизмами, растительностью, животными. *«Организованность биосферы* — организованность живого вещества — должна рассматриваться как равновесия, подвижные, все время колеблющиеся в историческом и в геологическом времени около точно выражаемого среднего. Смещения или колебания этого среднего непрерывно проявляются не в историческом, а в геологическом времени. В течение геологического времени в круговых процессах, которые характерны для биогеохимической организованности, никогда какая-нибудь точка (например, атом или химический элемент) не возвращается в эоны веков тождественно к прежним положениям» [18, с. 23].

В этих условиях целостность биосферы сохраняется путем непрерывной регенерации структурных компонентов, обновляемых в процессе их возмещения. В целом эти процессы циркуляции и возобновления необратимы и имеют характер направленно-неустойчивой равновесности, отвечающей «эффекту жизни». «Каждое последующее состояние биосферы не повторяет предшествующее; вовлечение в миграционные циклы одних вещественно-энергетических потоков и выход из биогеохимических циклов других приводит к непрерывному обновлению биосферы, способствует ее прогрессивному эволюционному развитию, ее пульсации, усложнению живого вещества, возрастанию многообразия живых организмов» [50, с. 180].

Замещение структурных единиц биосферы на уровне организмов — эволюция биологических видов — сопровождается постепенным, очевидно более медленным, изменением всей структуры живого вещества, что неизбежно сказывается на его характерных функциях в биосфере. Организованность последней есть суммарная геологическая функция живого вещества в земной коре. Каждая из его конкретных функций и сама их совокупность строго определенным образом обуславливают совместимый со свойствами организованности характер эволюционного процесса, определенного на всем множестве необходимых функций живого вещества. Отсюда логически необходимо допускать возможность перестройки организованности биосферы и изменения характера эволюционного процесса при изменении основных проявлений живого вещества.

Такая зависимость обнаруживает себя в фактах действительности, особенно отчетливо — с появлением в биосфере культурных функций живого вещества, связанных с человечеством. При этом отражение живого вещества на среду жизни меняется, рано или поздно трансформируя ее организованность и, благодаря этому, сказываясь на эволюционном процессе. *Эволюция в биосфере* неизбежно проявляется *эволюцией самой биосферы*. Эмпирическим выражением такой логики развития служит становление ноо-структуры Земли — не обязательно гладкий, но неуклонно идущий переход биосферы в ноосферу — «последнее из многих состояний *эволюции биосферы* в геологической истории» [15, с. 510]. В результате, эволюция живого вещества, перестраивая, по-новому организуя биосферу, модифицируя ее организованность, расширяется до эволюционного процесса геологического масштаба и значения.

В основе данного явления лежит, по мнению Вернадского, особая форма биогеохимической энергии, связанная с психической активностью человека, с жиз-

недеятельностью общества и названная им энергией человеческой культуры, или культурной биогеохимической энергией. «Создание на нашей планете культурной биогеохимической энергии является основным фактом в ее геологической истории. Оно подготовлялось в течение всего геологического времени. Основным, решающим процессом здесь является максимальное проявление человеческого разума» [18, с. 133-134].

Культурная биогеохимическая энергия, быстро возрастая в историческое время, становится *основной*, характерной формой геохимической энергии человеческого организма, резко отличающегося в этом от других живых организмов. «Этот рост связан, возможно, с ростом самого разума, ...но главным образом с уточнением и углублением его использования, связанным с *сознательным изменением социальной обстановки*, и, в частности, с ростом научного знания» [18, с. 133] (курсив мой. — *А.О.*). Идя вглубь психических отличий, Вернадский сделал важный вывод, имеющий своим содержанием, по существу, идею социальной организованности: «разум есть сложная социальная структура, построенная как для человека нашего времени, так и для человека палеолита, на том же самом нервном субстрате, но при разной социальной обстановке, слагающейся во времени (пространстве-времени по существу). *Ее изменение является основным элементом, приведшим в конце концов к превращению биосферы в ноосферу явным образом*» [18, с. 133] (курсив мой. — *А.О.*).

Этот доминантный элемент резко выделяется в эволюционной истории биосферы. С ним связывается новый тип организованности, являющейся социальной по своей форме. Здесь открывается область социальных процессов организованности биосферы психозойского времени.

Учитывая эмпирически установленную культурную биогеохимическую основу переходной, критической биосферы (био-ноосферы реально, как транзитного состоя-

ния), а в более объемном виде — всю совокупность культурных биогенных процессов, вызываемых человеком и обуславливающих широкий спектр геологических явлений[2], уже следует считать основанием ее организованности *культурную функцию* человечества как однородного вида живого вещества. Эта интегральная культурная функция в земной коре, необходимо связанная с обществом, его жизнедеятельностью и ею обусловленная, может быть определена как функция в планетной реальности, охватывающая все формы выявления этой реальности и имеющая глобальный масштаб. *Человеческая культура*[3] *выявляется в структуре биосферы в эволюционно новой форме планетной организованности*, которую удобно обозначить как социальную организованность. *Социальная организованность* есть собственная *целевая функция культурного живого вещества биосферы* — человечества, или его совокупная *культурная функция*.

Вводя представление о социальной организованности, мы тем самым принимаем во внимание факт существенной *неоднородности* живого вещества, выделяем в его составе вид Homo sapiens. Общество, это совершенно ясно, не представляет совокупность исключительно органических соотношений. Здесь явления жизни связаны с культурным психическим организмом — человеком, т.е. они входят в структуру биосферы в разумной форме. Важнейшая планетная функция культурного — человеческого — организма заключается в материально-энергетическом и информационно-семантическом проявлении мышления в биосфере, в структуре планеты. Поэтому рассмотрение явлений социальной жизни с точки зрения организованности требует точного учета того существенно нового, что появляется в сознательной форме в организованности биосферы с начала психозойской эры и обусловлено мышлением.

Переход биосферы в ноосферу неразрывно связан, во-первых, с *целеполаганием* (идеальным, проективным отношением к будущему состоянию), или сознатель-

ным учетом в биосфере структуры-аттрактора ее эволюции; и, во-вторых, — *целенаправлением*, организацией функционирования для достижения идеальной цели, или свойством планетной структуры самоизменять свою организованность. Этого не было в биосфере допсихозойского и доисторического времени. Целевое проявление мышления — *участие сознания в явлениях жизни* — приводит к возникновению новой, небывалой в условиях организованности биосферы функции — управления, которая связана только с культурным видом живого вещества. Благодаря ей аттрактор био-ноосферы отражается на явлениях общественной жизни, он в целом мировоззренчески охватывается работой социальной мысли и в этом смысле отождествляется с идеалом человечества, собирающим в эволюционное целое геологические тенденции и социальные стремления. Исходя из этого единства, реальное проявление в биосфере структуры-аттрактора планетарного развития, идущее благодаря целенаправленной культуре, должно изучаться с позиций социальной динамики, дающей наиболее полное изображение переживаемого этапа эволюции планетной структуры. «Это будет торжеством социологической точки зрения на природу, согласно каковой... социальные отношения становятся идеалом и для отношений с природой» [44, с. 62]. Социальный критерий космо-планетных явлений сам по себе отражает логику эволюционного процесса и поэтому отчетливо выражен в проективной философии.

Совершенно очевидно, что с включением *идеала* в систему детерминант космо-планетного эволюционного процесса проявляются и вступают в действие отличные от природных закономерности развития системы, которые не реализуются стихийно-биосферными сценариями. Здесь мы имеем область проявления закономерностей, связанных с комплексом идеальных факторов социоприродного процесса.

Организованность биосферы вследствие действия этих мощных факторов в земной коре существенным образом, резко и необратимо меняется; она формируется, перестраивается по-новому и детерминируется общественными процессами, приобретает в целом *социальную форму организованности*, решающую для ноосферы.

Учитывая эти новые в геологической истории обстоятельства, социальную организованность можно определить как совокупность объективно необходимых в условиях Земли культурных функций, проявляющихся в процессах развития социоприродной структуры планеты.

Понятие социальной организованности позволяет *вводить в картину мира явления жизни* не в обычном для биосферы виде, а *в их культурной форме,* неразрывно связанной с социальным живым веществом. Другими словами, принимая во внимание психическую детерминанту жизнедеятельности общества, можно говорить о вхождении явлений мышления в глобальную структуру. Социальная организованность — область планетных процессов, посредством которых сознание участвует в биосферных циклах. Основной смысл данного понятия заключается в перестройке атомной и органической модели Космоса с учетом духовных свойств живого вещества. За счет этого становится возможным теоретический охват планетной реальности в едином — культурном — аспекте и, одновременно, использование глобального масштаба при научном подходе к обществу. При таком рассмотрении человечество выявляется как реальный физический компонент планетной системы, включенный множеством необходимых взаимодействий в ее динамику.

Подходя с глобальной мерой к обществу, нужно принимать в расчет взаимоиндуктивные контуры бионоосферных циклов: с одной стороны социум посредством изменений собственного строения реализует и выражает геологический процесс, социально оформляя

и проецируя его. С другой, одновременно, — социальные процессы протекают в планетной структуре; видоизменяясь и развиваясь, они получают биосферное продолжение вне социума, в окружающей его природе, отражаются в геологии и живом веществе. Связь человека с природой «распространяется на все стороны человеческого существа и имеет двусторонний характер в том смысле, что человек, испытывая разнообразные и сложные воздействия со стороны окружающей его природы, и сам в то же время может влиять и влияет на нее различными способами» [87, с. 45]. Коэволюционное бытие системы «Природа—Общество» определяется взаимовлиянием *социоплагенных* и *натуроплагенных* процессов. Охватывая их, социальная организованность представляет неуклонно расширяющийся сектор единой планетной организованности, принимающей вследствие этого социальную форму.

На определенном этапе эволюции общество, за счет геофункций, выступает как субъект организованности Земли. Процессы био-ноосферы, преимущественно в их социальной форме, коренным образом сказываются на структуре планеты, динамически определяют ее организованность. Это культурно освоенные ее геологически вечные процессы, измененные, окультуренные и вошедшие тем самым в социальное русло в качестве функций человечества. Их «вес» в планетной организованности исторически неуклонно и стремительно возрастает. Они придают новую форму всей организованности, резко доминируя в ней, вытесняя и замещая стихийно необходимые процессы. Центр активности геологической истории Земли смещается в область социальной истории, ею детерминируется. «Геология становится субстратом истории» [18, с. 424]. Образно говоря, общество берет на себя управление глобальным эволюционным процессом, не отрывая себя от него, не нарушая объективных тенденций и сохраняя присущий

ему полярный вектор, но каталитически воздействуя на него и изменяя его характер. Можно назвать это *культурной эволюцией* в биосфере, культурным детерминантом развития биосферы в целом. Характер эволюционного процесса таким образом меняется, он становится целевым и культурным по форме. Ноосфера в этом смысле есть *культурный тип биосферы*, отвечающий сознательному этапу коэволюции природы и общества.

Социальная организованность охватывает все процессы культурного воздействия, «давления» человека на биосферу, ее окультуривания. Понимание значения человеческой культуры было философски обобщено В.Н.Муравьевым в тезисе об «организации культуры»: перед ней должна быть поставлена «единая цель — целостное преобразование и обновление мира» [44, с. 88; см. также: 41, с. 128]. Мировоззренческим основанием этой идеи служила философия Н.Ф.Федорова, из которой Муравьев исходил и в рамках которой искал реальные начала общему делу.

Мысль о необходимости и неизбежности культурного типа среды жизни была ясно осознана в начале нынешнего столетия и Н.А.Умовым: «человек должен в интересах возможности своего существования творить для себя вторую природу, удобную для его жизни. Непрерывная эволюция человека связана с безостановочной эволюцией и второй природы» [80, с. 314].

Социальная организованность возникает на культурных биогенных процессах, вызванных сознательными организмами — проявлением их мышления. По своей природе это психогенные процессы социального характера, которые становятся преобладающими в динамическом строении био-ноосферы. Благодаря им в биосфере возникает новый тип — социально психогенного — равновесия, отвечающего генезису ноосферы.

При рассмотрении фактов растущей социальной обусловленности функционирования планетной структуры, необходимо отметить одно обстоятельство, кото-

рое должно учитываться при построении развернутой картины биосферы. Оно состоит в том, что организованность биосферы не сводится исключительно к классическим биогеохимическим процессам, к геохимическому значению живого вещества; т.е. биосфера не может быть адекватно описана в терминах исключительно геохимии и биогеохимии, — такого подхода явно недостаточно для создания многофакторной научной модели ее организованности. Наряду с биогеохимическим изображением она должна рассматриваться в иных, самостоятельно значимых аспектах, например биогеоэлектродинамики, биогеорадиологии, биогеоинформатики и т.д. Другими словами, для биосферы возможна не только атомная картина; она, в плане организованности, не представляет абсолютный химизм живого вещества.

Например, не может вызывать сомнения огромная роль явлений жизни *в изменении электромагнитного поля Земли*. Эта функция живого вещества, которую можно назвать *электродинамической* или электромагнитной, имеет преимущественно культурную форму, т.е. свойственна человеку и носит ярко выраженный социальный характер — электромагнитная функция отдельного организма, в том числе психического, пока точно не выяснена [см., напр.: 94].

То же самое можно утверждать относительно радиологической функции живого вещества и его культурного вида — и здесь социальный человек резко меняет радиоактивный фон биосферы, остававшийся неизменным и характерным в течение длительных периодов истории Земли, возможно на всем протяжении ее биосферного времени. Устойчивость радиационного фона, несомненно, сохранялась в социальное время, и только теперь, в последние десятилетия, нарушается человеком. Социальные по характеру и психогенные по своей обусловленности явления радиоактивности становятся особенно очевидными после аварии на ЧАЭС.

Кроме того, человечество вызывает целый ряд совершенно новых физико-химических процессов в земной коре. Например, оно осуществляет — пока варварски, в военных целях — реакцию термоядерного синтеза и постепенно подходит к возможности управления ею. А между тем, в обычных условиях биосферы (с ее температурными характеристиками) такой синтез происходить не может.

С точки зрения устойчивости термодинамического пространства биосферы роль человеческой культуры также не может вызывать сомнения [см., напр.: 56].

Последствия подобных культурно биогенных, или психогенных процессов, отличающихся от геохимической работы человечества и пока слабо изученных, неминуемо отражаются на живом веществе. «В биосфере могут существовать не всякие организмы, а только строго определенные ее структурой» [17, с. 59], т.е. их морфология определяется биосферными константами. Нарушение последних, а значит изменение постоянного поля жизни, с необходимостью сказывается на структуре живого вещества, жизнедеятельностью которого, в свою очередь, непосредственно создается характерный функциональный узор биосферы. В этом смысле и социоплагенное электромагнитное излучение, и аналогичные по своей причинности явления радиоактивности, вместе с процессами химической реактивности вторично и опосредованно, через идущие в органической структуре планеты биологические процессы, определяют организованность биосферы.

Электромагнитное поле Земли, ее радиационный фон есть геологически устойчивые элементы биосферы, *неотъемлемые константы ее организованности*. Их изменение, связанное с функциями живого вещества, должно находить свое отражение в исследованиях биосферы.

Особый класс явлений составляют культурные биологические процессы — изменение окружающей человека фауны и флоры, наконец, психофизических свойств самого Homo sapiens.

В целом не может вызывать сомнения, что социальные процессы прямо входят в функциональную основу динамического построения и поддержания глобальной целостности. Они отражаются на характере эволюционного процесса био-ноосферы, активно меняют и канализируют квазиравновесность ее строения, охватывают всю биосферу, иначе организуют, ускоряя и расширяя их область, планетные циклы, строят и усложняют организованность, вырабатывая новый ее тип. Сугубо социальные явления, далекие от биогеохимических или иных взаимодействий, в них не входящие, например политика, наука и иные, резко и определенным образом сказываются на всей геоструктуре. Социальные процессы и те, которые ими инициированы, катализированы в био-ноосфере, образуют функциональное ядро меняющейся организованности планеты.

Глава 2
Мир как всеобщее предприятие регуляции

Проективный синтез свойств социальной организованности в философии космизма

Интуиция причастности человека к единому мировому бытию, органической принадлежности его ко всем пластам природной реальности, исторической включенности общества в глобальные — планетные — и космические процессы с древних времен приводила к исканию «мировой космической связи», «космического общения». Эти искания, проникнутые «чувством всемирности жизни» [10, с. 308], веками выливались в формы социально ориентированных космических устремлений человечества, которые отражались в философском и научном творчестве разных мыслителей, стремившихся «выяснить роль человека в космосе и ближайшие перспективы его дальнейшей эволюции» [87, с. 54]. Во второй половине XIX — начале XX столетий они привели к возникновению *эволюционно-проективного* течения в философии; в отечественной культуре эти искания обусловили яркое ду-

ховное явление — русский космизм. Понимание планетарной функции социального человечества, основанное на признании геологического и космического значения общественной истории, ее глубокой связи с процессами становления, развития мира, явилось идейным стержнем проективной философии, послужило мировоззренческой призмой, через которую рассматривались вопросы общественного устройства и истории. В научной форме оно наиболее полно выражено в учении о биосфере-ноосфере. В условиях Земли объективный процесс эволюции социоприродного Универсума был понят и интерпретирован как переход биосферы в ноосферу.

Идея устроения бытия в доступной охвату человеческим трудом и мыслью действительности, организации гео- и космо-социального, подлинно всемирного исторического процесса — становления целесообразно устроенного общества и духовно обоснованной организованности области его творческой активности — несомненна для всех направлений идейной школы русского космизма и глубоко входит в «подсознание» проективной философии в различных логических формах.

В точной и логически законченной форме само понятие социальной организованности не было определено в русском космизме, проективно-эволюционной философии в целом. Это обстоятельство вынуждает к выяснению некоторых методологических подходов при исследовании космизма в социальном разрезе — решению вопроса о том, какие его концептуальные узлы наиболее точно по смыслу выражают принятое представление о социальной организованности.

В «Философии общего дела» Н.Ф.Федорова проект организованности приближен к Царству Божию, основан на нравственном долге всемирной регуляции неродственности, «ненавистной розни мира сего».

В работах Вернадского идея организованности представлена в учении о живом веществе, биосфере и связывается с естественнонаучным представлением о но-

осфере. К такому представлению об организованности социума и Универсума были близки *А.Бергсон*, *П.Т. де Шарден* и *Э.Ле Руа*.

Стержневым положением проективно-эволюционной философии, которое может служить наиболее общим критерием космической ориентированности мышления, бесспорно, является убеждение в необходимости сознательно-деятельного участия человечества в развертывании мирового эволюционного процесса. Последний, в таком случае, не является уже ни *объективным,* ни *субъективным;* он *проективен* — в той мере, в какой реализует проявление разумной воли, целеполагание общества в своем закономерном ходе. Исходя из такого понимания тенденций естественноисторического развития, космософия выдвинула мировоззренческую проблему пересмотра творческого статуса общества в космической онтологии и изменения на этой основе базовых принципов приведения в гармонический порядок социума и всего универсума. Признавая значение человечества в устроении мирового бытия, космисты, по сути, включили явления разумной жизни в логическую картину мироздания, философски поставили вопрос о перестройке научного понимания реальности вселенной. Методологически это соответствует более строгому представлению о социальной организованности, позволяющему с доступной на сегодняшний день точностью учитывать процессы мышления — роль сознания — в строении космоса.

Для того чтобы собрать взгляды космистов в целостную концепцию на базе этого определения, важно понимание логических особенностей анализа явлений общественной жизни в заданном контексте.

Рассмотрение общества с точки зрения его организованности ставит задачу выяснения культурных свойств-функций в био-ноосфере, раскрытия характерной динамики в пространстве-времени социальных яв-

лений, определения типа этой динамики и его трансформации в ходе исторического процесса. Наконец, стройность общества необходимо должна быть описана в конечных образах идеального состояния социума, и, в итоге, представлена структурой-аттрактором эволюции глобальной системы, поскольку организованность планетной структуры в значительной мере детерминируется социальными факторами.

Таким образом, содержание эволюционно-проективной философии должно быть рассматриваемо с учетом известной двойственности проблемы социальной организованности. С одной стороны это задача определения положительного, объективно выводимого *идеала* социального порядка, т.е. идентификации структуры-аттрактора. С другой, — задача нахождения или выработки *регулярных путей* обращения исходного состояния в должное, активного исторического отождествления системы со структурой-аттрактором ее эволюции. Здесь космизм решает вопросы открытия, создания некоего «естества» социокультурных каналов исхода из наличного бытия к должному. Это проблема выбора оптимальной стратегии активного эволюционирования общества, исторического «поступания конечного человечества в бесконечное, т.е. всемирное» [73, л. 97] через организацию культуры.

При входе в логическое русло космософских воззрений становится совершенно ясным отношение русского космизма к «чистому», пребывающему в платоновском божественном мире, идеалу: прагматическая ценность надмирного, высшего онтологического светила, обреченного оставаться без деятельного освоения в реальной жизни, ничтожна. Идеал русским космизмом мыслится проективно; он не дается в спекулятивно-рафинированном виде, в отрыве от дела, а задается нравственно, — как культура исторического восхождения к степеням совершенства. При этом сам образец строится на разных мировоззренческих основаниях —

научно выводится из естественной необходимости (*В.И.Вернадский, Н.А.Умов, Н.Г.Холодный*), социально-исторически обобщается религиозной мыслью из явления живой истины в лице Христа (*С.Н.Булгаков, В.С.Соловьев, Н.Ф.Федоров, П.А.Флоренский*), либо этически охватывается философской работой (*В.Н.Муравьев, А.В.Сухово-Кобылин, К.Э.Циолковский*). Все же, в любой исходной инстанции следует видеть объективное содержание — образ будущего строится с учетом некоторых реальных тенденций, уже обозначившихся в фактах современного мира.

В русском космизме целевой аттрактор представлен в виде *деонтологического проекта*, который указывает на его идеальный характер и, одновременно, подчеркивает стратегическую планомерность воплощения идеального задания, означает реальный путь человека, его судьбу, через которую опознается метафизика истории [2, с. 12-16]. Синтетическое единство идеала будущего состояния социоприродного универсума и стратегии его достижения пронизывает все учения русского космизма. «Идеал по самому смыслу есть крайнее, последнее и величайшее задание, к которому стремится человечество. С этой точки зрения всякий идеал эсхатологичен... Равным образом он, как всякое задание-задача, конкретен, т.е. требует определенного пути осуществления — однозначного решения, в зависимости от материала, с которым приходится оперировать и от которого деятель вынужден отправляться при попытке решения задачи» [67, с. 252].

Деонтологический проект — не просто должный мир, но должное действие, коим терпеливо, трудно и с напряжением общих сил строится должный мир. Содержание этого должного действия кратко определяется ключевым термином философии Федорова как *регуляция*, составляющая конкретное общее дело всех «сынов человеческих». Такого сосредоточенного, человеколю-

бивого вдумывания в реально возможную, «имманентную» (в отличие от «трансцендентной») стратегию управляемого перехода от стихийно-наличного бытия к сознательно-должному, спасающую *всех* и *каждого*, без какого-либо исключения (в этом полное и категоричное отличие «проекта» от господствующей парадигмы прогресса, закономерно истребляющего сотни людских поколений на пути к относительной вершине) для грядущего творческого преображения, духовного этапа истории планеты, нет, пожалуй, больше ни у кого из космософов. Выясняя проблему перехода биосферы в ноосферу, Вернадский также был уверен, что как практическая задача она должна быть в ведении государственной деятельности: «создание ноосферы в ее полном проявлении будет осуществлено; рано ли, поздно ли оно станет целью государственной политики и социального строя» [18, с. 92][4]. В целом для космософии характерно стремление сфокусировать полученные выводы и обобщения в культурологический поиск, суммировать их в своеобразные социальные «технологии» и исторические «алгоритмы» — практические приемы сознательного построения обоснованного высшего порядка бытия. Первой, наиболее общей и действенной формой активного мироотношения, признаваемой всеми космософами, служит научное познание, в его неотделимости от практического воплощения в реальной жизни.

Таким образом, космософия охватывает как структурную, так и функциональную сторону социальной организованности; она соединяет высшую проективную (в содержательном смысле) норму общества и напряженную историческую практику, *ургистику*[5]: «всякий идеал должен мыслиться как некоторый конкретный результат деятельности, как предел какого-то действия» [67, с. 245]. Каждое идеальное утверждение развертывается некоторой организационной цепочкой истори-

ческих актов, часто в научно не обработанном виде и потому остающихся гипотетическими. Такое проектирование, скорее, служит точной постановке проблемы.

В религиозно-философской части русского космизма ургическое начало служит становлению неортодоксального течения в христианстве — *«христианскому активизму»,* требующему *вероисполнения*; собственно, этот акцент не только не выводит активное христианство за церковную ограду, но, напротив, усиливает изначальный призыв к исполнению заповедей как практическому вероисповеданию. В философии общего дела Федоров точно выразил затертую временем и потускневшую в исторической конъюнктуре суть христианства, наполнил символ веры реальным делом.

В естественнонаучной части русского космизма проективное восприятие мира неявно выражается признанием ответственности человека как активного фактора космической жизни. Космическая ответственность «должна быть распространена на все, что может быть изменено и фактически изменяется в природе под влиянием человека» [87, с. 41]. Стихийность ограничивается, предупреждается историческим действием, социально охватывается им. Это связано с переосмыслением антропоцентрической традиции человечества и становлением *антропокосмизма*. Как мировоззренческая позиция антропокосмизм был сформулирован *Н.Г.Холодным* [87, с. 40-41, 44, 48]. Согласно ей, в определенном пространственно-временном объеме Универсума — в рамках явлений нашей планеты, Солнечной системы, области доступного человеческому охвату космоса — совершенно оправдано и, более того, — необходимо сознательное участие деятельного разума человека, проявление его свободной воли в развертывании эволюционного процесса космического масштаба и значения.

Научно подходя к пониманию характера детерминированности поведения системы, находящейся в состоянии организованности, следует признать логичес-

кую правильность и закономерность активного мироотношения и социального подвижничества. Благодаря мозаичному детерминизму, наличию расширяющихся зон свободного целеполагания человека эволюционный процесс (не ограниченный социальной средой) должен быть приведен к исторической проекции, т.е. поставлен как *проблема творчества*.

По существу, именно проективизм русской космософии целостно выражает ее идею социального порядка и служит комплексной логической основой для реконструкции и раскрытия космистского представления о социальной организованности. Проективное отношение к действительности можно принимать в качестве своеобразного философского аналога системного исследования проблем устроения общественной и планетной жизни. Вследствие этого, при рассмотрении русского космизма с точки зрения понятия о социальной организованности мы должны исходить из проективизма тех или иных его учений, обращать внимание на их проективный характер. Этим путем мы можем анализировать социальную парадигму космизма с необходимой глубиной и в аспекте культурных функций, прежде всего — управления.

Культурные проявления общества в глобальном процессе развития

Обобщенная стратегическая модель планетарного обустройства человечества задается планом «общего дела», который представляет как бы идейный каркас ноосферного проекта.

В результате осмысления действительности Федоров пришел к выводу, что мир пребывает в несвойственном ему — *неродственном* — состоянии. В.В.Зеньковс-

кий обнаруживает троякий смысл понятия неродственности в философии общего дела. Во-первых, это неродственность в социальном мире, выражающаяся *небратскостью*, которая есть холодная отчужденность в отношениях живых людей. Во-вторых, *сиротство* — разобщенность живущих сынов с их умершими отцами, отделенность живых от покойников. И мир живых, и мир мертвых замыкается каждый сам на себя. В-третьих, кроме неродственных отношений людей между собой не следует упускать из виду *неродственное отношение природы к людям* и наоборот [см.: 26, с. 137, 139].

Таково фактическое, но не должное оставаться неподвижной реальностью, текущее состояние бытия, критическое отношение к коему и служит основой для последующих социологических и социально-деонтологических выводов, составляющих не только человеческий, земной идеал, но и вселенский образ.

Неродственность во всех ее видах и проявлениях логически и этически требует регуляции. Именно в регуляции, «в управлении силами слепой природы и заключается то великое дело, которое может и должно стать общим» [82, т. 1, с. 5]. Основанием общности дела регуляции у Федорова является этический принцип *единства человечества* (единства, стремящегося к своей высшей форме — родственности), признание *всемирности истории,* — те обобщения, которые позже научным путем были получены Вернадским. «Ни в одном из идеалов, — отмечает С.Г.Семенова, — которые до сих пор выдвигало человечество как свой высший идеал, не призывались действительно *все* до одного, на единое дело, касающееся *всех*, и не только живущих, но и всех умерших, и всех тех, кому жить, и, наконец, *всего* в мире, всей природы и далее всей Вселенной. Говоря философским языком, у Федорова в субъекте *все*, а в объекте *всё*, с тем, чтобы всеобщим трудом и творчеством достичь *всего*, что представляется человеку наивысшим благом» [65, с. 227].

Идея регуляции центрирует все учения, развиваемые в русле русского космизма, а относительно проекта Федорова можно сказать, что его основные утверждения есть конкретные выражения и детализации неизменной мысли о единой, всемирной регуляции.

Стремительное ухудшение качества планетарного бытия в новейшее время делает совершенно очевидным требование безотлагательного регулятивного воздействия на окружающий мир. Обширный спектр биосферных процессов, самым прямым образом сказывающихся на экологических условиях жизни, с полной ясностью свидетельствует о неприемлемости установившихся норм отношения современной цивилизации к планетным явлениям. К концу XX столетия действие неблагоприятных факторов, достигшее небывалой ранее интенсивности, глубины и концентрации и проявляющееся на фоне других глобальных проблем, все отчетливее приобретает характер всестороннего бедствия, делает планету невыносимой для жизни. В этих условиях общество вынуждено ставить в практическую плоскость вопрос о совершенно ином, сознательном и волевом мироотношении — отношении управления. Без этого ни разрушительный эффект стихийных сил, ни прогрессирующий антропогенный некроз природы непреодолимы.

С другой стороны — резко нестационарная социальная динамика, связанная с многообразием общественных проблем: национальными и религиозными конфликтами, политическими несогласиями, острыми кризисами государственности даже в традиционно стабильных странах. В условиях революционных пертурбаций гибнут целые государства, теряют национально-традиционный облик этносы, интенсивно изнашивается личность.

Кроме того, зрима взаимоиндукция социальных и природных катаклизмов. В момент, когда в политическом мире возобладала тенденция к разделению и автономизации, окружающая среда более всего символизирует собой слепую силу, ждущую своей регуляции, а значит требует объединения всех в этом деле.

Кажется, никогда еще в истории разнородные факторы не соединялись в своем совокупном действии столь угрожающе и трагично, и не делали столь очевидным и настоятельным планомерное, централизованное «внесение стройности» в стихию взаимопересекающихся, глубоко коррелированных планетных процессов.

В то же время нельзя не заметить, что определенное управление со стороны человека уже осуществляется в мире: техногенная деятельность заметно влияет на тектонические и иные процессы (включая землетрясения, тайфуны, наводнения и проч.); практика дистанционного программирования психики (начиная с разнообразного репертуара всевозможных астрологических прогнозов, телесеансов психической настройки, и кончая прямой автоматизацией сознания) приобретает опасный размах. Положительные же примеры регулирования чаще всего — случайное произведение обстоятельств. В настоящий момент стихийное управление в биосфере входит в резкое противоречие с его планетной значимостью, и в этом явлении сказывается прежде всего характер реальной жизнедеятельности общества.

При подходе к анализу био-ноосферы из понимания психогенной основы ее организованности не вызывает сомнения закономерность регуляторной, или кибернетической, функции человека. Она есть исторически необходимый факт — на всем протяжении психозойской эры непрерывно в стихийной форме осуществляется управление со стороны общества, и с его развитием эта функция неуклонно расширяется. Регуляция — активный способ роста организованности, которым человек пользуется с начала социального времени, стремясь распространить его на всю охватываемую своим трудом и мыслью среду. Однако, к настоящему времени управляющее воздействие социума на внешний мир, большей частью негативное по своим последствиям, далеко вышло за круг чисто социальных проблем, о чем

наглядно свидетельствует экологическая экспертиза биосферных явлений. Сегодня вопрос о регуляции должен ставиться в научную плоскость как проблема строгого обоснования и выработки сознательных форм контроля, придания ему планомерного, целенаправленного характера. Другими словами, эмпирический факт должен быть обработан для понимания его социально-активной стороны.

Управление, как самостоятельный вид функции социального человека, а в конечном итоге — как *форма* известных его *планетных культурных функций*, есть наиболее эффективное и концентрированное проявление культурной биогенной энергии; оно структурирует саму организованность, перестраивая и определяя ее иначе. Направление и развитие неравновесности[6] био-ноосферы, находящейся в состоянии критической, переходной организованности, ставится в зависимость от функции управления. С точки зрения ее содержания переход биосферы в ноосферу становится *условным*.

Регуляция в плане общего дела предстает как универсальный принцип восстания сознания против существующего непрочного положения мира и человека в нем. Поскольку мировая реальность имеет различные онтологические проекции, постольку и дело регуляции охватывает собой относительно самостоятельные объекты: внешнюю природу — биосферу, планету, космос; «особую природу» — человека, общество; его высшую степень всеобщности можно определить как управление «в Бозе».

Управление материальным миром не может ограничиться познанием его законов и целенаправленной «утилизацией» выработанных знаний. Регуляция, т.е. оптимизация в каком-либо смысле и в заданных границах определенных свойств, неизбежно стремится расшириться до творчества, снимающего внешние ограничения и открывающего бесконечномерное пространство новых виртуальных состояний. Активно-преобразовательная

мощь не может мыслиться замкнутой и ограниченной в *данном* мире с характерными для его организованности фундаментальными свойствами, материальными, энергетическими и иными основами. Она глубоко и творчески входит в духовную, органическую и атомную структуру Вселенной, проникает во все пласты реальности — не моделируя, гносеологически охватывая мир, а сотворяя, онтологически задавая его.

Подобные догадки, философски выраженные, выходят далеко за современную область достоверных научных представлений, однако невозможно указать какие-либо логические ограничения для решения, например, психофизической проблемы в смысле выработки внефизиологической жизненной формы человеческого существа, в частности, в виде непротеиновой психобиополевой формации [36, с. 95], точно так же, как не может считаться логически невозможным творческое разрешение проблем социальной организованности в духовном строении объема-поля соборного сознания.

Нельзя считать логически недопустимым и внесение сознательных, в каком-либо смысле целесообразных, «стройностей» в соотношения микромира, затрагивающих наиболее тонкие его структурные принципы и иначе организующих основные взаимодействия, вплоть до самых слабых и гиперслабых. Это неизбежно должно сказываться в изменении фундаментальных свойств материального мира, по существу, — в создании иной материи, обладающей необходимой в новом порядке мироздания качественной определенностью.

Такая материя может мыслиться, например, «разреженной» — степень ее «плотности» в космической философии Циолковского служит критерием для отсчета «космических эр» [см.: 92], в которые господствуют «разнообразные породы совершенных» [88, с. 287].

В развертывании всемирной регуляции человек становится фактическим и реальным соучастником продолжающегося творения мира. Он призван стать со-

Творцом: «Бог ждет от человека свободного дерзновения творчества» [2, с. 158], поскольку «мир, по сотворении которого Бог мог почить от дел Своих, был создан только в основании своем, полнота же свершения может быть достигнута только с человеком, при его участии...» [6, с. 170].

Исходя из космистских представлений и их современного осмысления, управление, как сознательную форму глобальных культурных функций, при самом общем подходе можно свести к нескольким основным, условным видам.

1. *Природная регуляция,* обращенная на окружающую среду — как планетную, так и космическую данность. В рамках реальности Земли этот вид управления осуществляется, главным образом, в локальных биогеоценозах, в биосфере в целом, однако имеет тенденцию к проникновению и за ее пределы: с одной стороны, в глубинную геологическую структуру планеты, с другой — в «надбиосферный» слой, ближайшее космическое окружение Земли.

В биосфере регулирование природных циклов со стороны общества, помимо культурных геологических функций в земной коре, охватывает и процессы управляемого изменения живого вещества — окружающей человека фауны и флоры.

2. Особый класс сознательно осуществляемых культурных биологических процессов (функций), связанных с изменением природной конституции человеческого существа, может быть классифицирован как *психофизическая регуляция,* или *антропотехника*, посредством которой оптимально организуется дисперсная структура объема-поля, отвечающего личности. По своему существу это область управляемых психофизиологических явлений. В закономерной направленности и совокупном проявлении культурные жизненные процессы, отвечающие саморегулируемому человеческому организ-

му, определяют автоэволюционный путь целостного «восхождения и превосхождения» [6, с. 307] «натурального человека», оканчивающегося его последним рождением как «человека духовного» [69, с. 154]. Таким образом, природный психо-социальный индивид осуществляет полное физическое и нравственное торжество над «биологическим грехом» разумной жизни — делает «свою эмпирическую природу сверх-эмпирической» [85, т. 1(1), с. 259].

3. *Социальная регуляция*, включающая идеологические, политико-экономические и другие принципы целенаправленной перестройки социального объекта, *организации истории* мирового сообщества, направления жизнедеятельности всех текущих поколений каждого исторического момента; и *нравственную регуляцию*, утверждающую высшие этические нормы в обществе. В соответствии с ними всеобщее родство в братстве и творческое выражение нравственности в отношениях «сынов человеческих» к их покойным «отцам», по замыслу Федорова, обязывают к воскрешению умерших, их новому *явлению* — возвращению пращуров из *навного* мира в *явный*[7] и интеграции в единый геоэтнос. «Сократить и искоренить звериные приемы истории и политической жизни — вот что составляет высокую этическую задачу грядущих поколений. Осуществление этой задачи находится в тесной связи с вопросом о том, возможно ли успешное вмешательство человеческого разума в ход исторических событий, или же течение последних является результатом непреоборимых стихийных причин?» [80, с. 258].

4. *Теорегуляция*, означающая построение духоносной социальной соборности[8].

Таким образом, проективизм космософии в развернутом виде выражает важнейшее свойство социальной организованности — функцию управления; проективное восприятие окружающей реальности в практическом своем значении всегда есть регуляция. Содержательный анализ ее частных видов дает всестороннее

представление о характере и цели жизненных процессов общества, его состоянии и функциях. При этом более полно выясняются структура и направленность планетных явлений.

Глава 3
Социальная организованность как культурная форма геологического единства биосферы и человека

Стихийные факторы становления ноосферы

В результате социального охвата биосферы ее геологически начатый эволюционный переход в ноосферу из стихийно-природного трансформируется в социоприродный, сознательный процесс — как по своей обусловленности, так и направленности. Геологический процесс получает социально-историческое расширение до глобальной, а затем и космической полноты эволюционного закона. Это единство процесса самоорганизации есть в большей мере, нежели биосфера, явление космического характера. Оно проявляется, с другой стороны, тем, что происходит коренное изменение и самого социально-исторического процесса — он все отчетливее опознается по признакам геологических изменений в структуре Земли, также возрастает в масштабе до глобальной и вселенской величины. Синтез двух начал планетного эволюционного процесса — всемир-

ной истории человечества и стихийного природного явления — ясно указывает на то, что с проявлением в структуре биосферы нового фактора ее организованности, связанного с культурной функцией живого вещества, растет социальная выраженность истории Земли, идущей, главным образом, за счет и в интересах социального элемента планетной структуры. «Впервые в истории человечества мы находимся в условиях *единого исторического процесса, охватившего всю биосферу планеты*» [18, с. 88].

Неизбежно при этом космистски ориентированной мыслью ставился вопрос о формах единства человека, общества и природы.

Общество является закономерным компонентом биосферы, ее «живым естественным телом» [18, с. 157]. Одновременно это, в известном смысле, обособленная сложная самоорганизующаяся система, обладающая собственной структурой, исторически определенным строением. Это строение, или организованность, выражается совокупностью общественных процессов, отношений, социальных институтов.

Однако общество, явления социальной жизни в действительности никогда не могут рассматриваться автономно, изолировано от биосферы, вне их реального единства. «Человек... и все человечество, от которого он не может быть отделен, неразрывно связаны с биосферой — с определенной частью планеты, на которой они живут. Они геологически закономерно связаны с ее материально-энергетической структурой. ‹...› Стихийно человек от нее не отделим» [15, с. 5041. В истории русской мысли этот научно выраженный факт имеет глубокую традицию художественного и философского осмысления, особенно ясного в космизме.

Теоретический разрыв единства неизбежно приводил социальную философию к утопическим идеям прогресса социума, отчужденного от природного космоса,

вследствие того, что и человеческое существо мыслилось окончательно вырванным из монолита живого вещества. «Социальный утопизм всегда коренится в... изоляции общественности от космической жизни... Утопизм не желает знать связи зла общественного со злом космическим, не видит принадлежности общественности ко всему круговороту природного порядка или природного беспорядка» [3, с. 140]. Связь планетных — биологических и психо-социальных — явлений с космическими процессами была научно установлена А.Л.Чижевским. Его исследования космических влияний, в частности солнечной активности, на живое вещество заложили основы гелиобиологии. Являясь закономерным и непрерывным выражением «творческой динамики космоса» в биосфере Земли, «и человек, и микроб — существа не только земные, но и космические, связанные всей своей биологией, всеми молекулами, всеми частицами своих тел с космосом, с его лучами, потоками и полями» [91, с. 33, 326].

Подходя к анализу социальных явлений из естественнонаучного описания биосферы, необходимо иметь в виду не только чисто социальные процессы, но охватывать взаимодействие общества с природой, т.е. рассматривать биосферный контекст общественных отношений, включенность социальной системы в природную среду.

Это соответствует эмпирическому обобщению, ставшему развитием общеэволюционного подхода к живому веществу, о переходе биосферы в ноосферу. Можно считать его *принципом Вернадского.*

Факт эволюции биосферы требует исследования сложных процессов социального объекта в контексте планетной динамики. Организованность общества, с точки зрения проявившегося единства социального и геологического исторических процессов, выражает не столько собственное строение социума, сколько меру функционального соответствия последнего возникающей на планете организованности ноосферы, про-

грессирующей коэволюции природы и общества. Развитие общества необходимо и сознательно должно соответствовать геологическому процессу перехода биосферы в ноосферу, собственно, стать *сознательным геологическим процессом*. Общество становится особым психогенным центром, фокусом ноосферной планетной организованности. Вопрос о том, как организовано общество приобретает значение, далеко выходящее за рамки собственно социального мира. Если организованность биосферы представляет в целом организованность ее живого вещества, то организованность ноосферы связывается, главным образом, с организованностью общества. При этом она рассматривается не в смысле структуры, социальных институтов, а, преимущественно, в плане содержательного согласования истории общества с геологическим, стихийно начатым на Земле процессом, с целью его максимального проявления. Такой цели с необходимостью должна соответствовать и формальная структура общества. Это вопрос о целесообразном социальном устройстве для осуществления регулируемого перехода биосферы в ноосферу — обеспечения сознательного этапа ее становления и наибольшей действенности «разумной воли» в творческом постижении смысла человеческой и космической истории. «Все общественное устройство должно... служить определенной цели создания наилучшей организации общечеловеческого дела преобразования мира» [46, л. 11].

Вопрос о единстве сегодня должен быть поставлен в ноосферную плоскость — дальнейшее существование и развитие социоприродной структуры планеты вне ноосферы невозможны. Еще менее возможно природно-стихийное создание необходимой организованности, отвечающей ноосфере, невольная гармонизация взаимодействия в системе «Природа—Человек». Современные тенденции развития цивилизации свидетельствуют,

что человечество не может быть бездумно, а тем более вопреки его воле, приведено в гармоничное состояние, «войти в разум истины» — ноосферу.

Признавая *стихийность* становления ноосферы, в смысле *объективной закономерности* геологического явления, Вернадский отмечал, как важное условие, обязательность действия социальных его факторов. Эту мысль можно принимать за основу развиваемого в настоящее время представления о коэволюции человечества и биосферы — самоорганизации их единства. Последнее не может в дальнейшем ходе планетной истории обеспечиваться стихийным соответствием, установившимся в начале социального времени Земли, когда соразвитие осуществлялось, преимущественно, за счет природы, ее способности перестраивать собственный порядок без нарушения характерных констант своей организованности. В настоящее время модифицируемость биосферы, сохраняющая качественность жизни, достигла известного предела или близка к нему. Коэволюция, остающаяся по прежнему необходимой, может осуществляться за счет другого слагаемого планетного равновесия — человека и его сознательного мироотношения. Такая коэволюция по существу есть регуляция.

Человечество, как однородный вид живого вещества, на протяжении всей истории цивилизации стихийно стремится к максимальному проявлению своей биогеохимической энергии, главным образом в ее культурной форме. Очевидно, сегодня эта закономерность, выражающая биогеохимический принцип организованности, должна быть оценена с учетом экологического состояния биосферы. Неуклонно двигаясь этим путем — постоянного и несознаваемого количественного наращивания своего энерго-материального проявления — общество неизбежно изменяет параметры среды жизни. При этом следует принимать во внимание, что максимум — арифметическая абстракция — не может считаться дос-

тигшим своей абсолютной величины. Механическое, целесообразно неоформленное увеличение культурной биогенной энергии на поверхности Земли, несомненно происходящее в историческое время, нельзя считать достаточным условием сбалансированного развития природно-социальной геосистемы, ее перехода в ноосферу. Помимо тенденции наибольшего роста энергобюджета общества, очевидно, должна проявляться иная закономерность — стремление к возможно полному контролю этого роста. Совершенно ясно, что в таком случае устойчивость биосферы определяется не биогеохимическим, а социальным принципом организованности, выражающимся в анализе и коррекции той или иной формы культурного давления человечества на био-ноосферу с точки зрения глобальной целесообразности.

Таким образом, объективный характер перехода биосферы в ноосферу вовсе не означает автоматическое построение ноосферной геоструктуры; развертывание в целом естественно-детерминированного процесса ставится в решающую зависимость от микрокомпонентов — малых, но управляющих ходом всего процесса включений сознательного, проективного целеполагания. Сквозная детерминированность хода развития при этом сохраняется, однако ее «геометрия» меняется — она становится многосвязной, с вкраплениями разумной воли. Организованность общества представляет именно такой тип поведения системы, для которого характерна относительная свобода сознательного выбора из ряда возможных сюжетов развития благодаря составной детерминированности. Усложнение био-ноосферы сопряжено с неуклонным ростом сознательного компонента в единой «ткани» обусловленности ее функционирования, сопровождается стремлением к творчеству. Совершенно ясным становится из этого огромное значение регулятивных воздействий на ход геологического процесса в «монолите» объективно предписанной необходимости.

Социоплагенная *природная регуляция* — регуляция внешней природной данности со стороны человека — *как сознательная форма культурного единства* природы и общества полностью отвечает экологическому подходу к биосферной целостности, как наиболее актуальному в настоящее время, однако экологическим действием она не ограничивается. От техники коэволюции и экологического производства человек посредством регуляции должен перейти к практике духовного освоения области своего культурного проявления. Ноосфера как проект будущего состояния всей планетной реальности с еще большей, чем задача преодоления экологического кризиса, необходимостью требует включения в геодинамику социального целенаправления.

Переходя от природных к социальным моментам ноосферы, необходимо и здесь видеть случайную сторону. Она связана с характером современной организованности общества.

Идеологический императив

На протяжении всего исторического времени обществу присуща организованность в смысле динамического строения. Стихийно сложившееся, это строение продолжает носить преимущественно спонтанный характер и в наши дни, когда встает вопрос о ноосфере. В этом факте беспорядочного проявления сознания, свойственного социальной динамике, но не выражающегося в разумных формах организованности самого общества, на первый взгляд совершенно парадоксальном, нужно видеть историческую последовательность развертывания природного процесса, с присущей ему логикой постепенности, начатого цефализацией и принимающего вид сознательного управления.

Однако, такое положение не является строго необходимым для общества; оно во многом предопределено общественным самосознанием, отливающимся в исторические формы идеологии.

Стихийно проявляемое участие общественных процессов в динамике биосферы, на фундаменте организованности которой создалось общество, привело к разбалансированности самой биосферы. Общество традиционно поддерживает свою организованность, в ее материально-энергетической части, за счет биосферы, что со временем, в условиях прогрессирующей потребительской утилизации природного потенциала, вызвало вырождение естественной зависимости человечества от среды жизни в социальную форму паразитизма. Одновременно с этим, эмпирически достоверным фактом, которому резко противоречит современная цивилизованная практика, остающаяся иждивенческой по своим принципам, можно считать то, что социальный человек *не вмещается в естественные рамки биосферы*, он неизбежно в своей жизни выходит за эти рамки, ломая и по-новому определяя их своей культурой. При этом направленность такого действия не является точно соответствующей тому природному эволюционному процессу, которым оно вызвано. Данное противоречие целиком обусловлено социальной стихией. Последняя, войдя в резонанс с «дурной» природной стихийностью — «тенью» направленного эволюционного процесса, — выражает явно не ноосферную организованность.

Подходя к анализу социальной организованности с точки зрения процесса глобального развития, требующего сознательного динамического порядка в социуме, нужно констатировать, что это строение, в смысле его соответствия природной логике, беспорядочно. На современном историческом этапе социальная организованность не выражает целевым образом глубинную закономерность планетных явлений.

Очевидно, что степень несоответствия сегодня достигает предельной величины, которая может быть выражена количественно. В этом смысле «экологический императив» [см.: 39] может и должен быть выражен максимальными числами — мерами антропогенного давления на биосферу, превышение которых «запускает» необратимые процессы деградации и разрушения ее организованности [см.: 83; 23].

В настоящее время невозможно отрицать социоплагенную природу современных глобальных проблем, угрозы эко- и омницида. Все они также есть *следствие действенности сознания*, но не упорядоченного в своих проявлениях. Это характернейшее свойство современной, неориентированной и *нецеленаправленной организованности* не только не способствует ноосферному этапу коэволюции, а прямо служит активным фактором ее торможения, дезорганизации биосферы. Вместе с тем у общества, биосферы в целом, нет возможности прервать эволюционный процесс, прийти к статической гармонии.

Причины расстройства биосферной динамики на первый взгляд можно видеть в материально-технической основе человеческого прогресса, а в широком смысле — истории, до сих пор остающейся, по сути, случайным процессом. При этом многие наличные планетные кризисы представляются вызванными техногенной порчей материального субстрата биосферы.

Начало этого процесса, в глобальном масштабе его последствий, можно довольно точно установить в эпохе великих открытий и связать с промышленной и научно-технической революциями. Действительные же его корни, идущие в историческую глубину в огромной толще доиндустриального времени, связаны с совершенно иной социальной реальностью идеальной природы — господствующей идеологией общества.

Генезис и начальная история современной идеологии планетного общества, которую можно кратко охарактеризовать как идеологию материального сверх-

потребления, пока неясны и непостижимы. Можно лишь признавать факт мировоззренческого параллакса, крена целевых мироотношений еще разрозненных этносов или одного — станового — этноса, в сторону предпочтения материальных ценностей, произошедшего, быть может, в истории ранних цивилизаций. «Имея в себе как бы два центра бытия, духовный и тварный, человек сделал свой выбор, отклонившись в сторону плоти, подчинив свой дух ее зовам, а не овладев ими духовно» [6, с. 168]. Укоренившаяся в сознании обществ идеология материально-меркантильных предпочтений послужила основой реального исторического единства, принявшего экономические черты, которое проявилось значительно позже, с началом технического прогресса, т.е., по сути, в новой истории, и лишь в наше время вылилось в отчетливые формы социального паразитизма на структуре биосферы.

История последнего столетия убеждает, что идеология потребления имеет свои *естественные*, не говоря уже о нравственных, пределы, обусловленные возможностями биосферной репродуктивности. Однако, даже если бы такие пределы могли быть успешно превышены человеком в его прогрессе потребления, другими, более существенными, хотя и не столь наглядными и сознаваемыми, ограничениями являются собственно гуманитарные: идеология потребления не соответствует главной видовой сущности культурного живого вещества, выработанной всем ходом эволюционного процесса на Земле, — его психоактивности; она нарушает пропорции между психической и физиологической сущностями человека. Ценностным приматом этой идеологии, получившей технологическое выражение в индустриализме, а в широком формате — прогрессизме, является использование культурной функции общества не в области его собственных жизненных циклов, а в среде технических объектов. Произошло дегуманизи-

рующее смещение центра действенности энергии человеческой культуры от естественного к искусственному и от живого к косному. Технократическая цивилизация, отказавшись от духовной стратегии, не направила научный аппарат в сторону социальных изобретений и открытий, не занялась выработкой социальных технологий, подготовкой перерастания научно-технической революции в научно-социальную. Индустриализм в стремлении к техническому могуществу забыл о прогрессе человека и общества — прогрессе нравственности и духовности; в какой-то исторический момент он бросил их в полусознательном-полуобморочном состоянии, оставил человека в культурно-хищном облике. Технократизм надсмеялся над человеком, превратив его в техника потребления. Вместе с тем и культура нашла себе «эффективные» технические средства, стала технологией добычи и утилизации удовольствий. Технология вытеснила и подменила подлинную культуру, что с большой глубиной и ясностью высказал Н.А.Бердяев [см.: 1].

Многочисленные и неопровержимые факты негативного изменения материальной и духовной среды жизни, вносимого мышлением, требуют мировоззренческого переосмысления и переориентации исторических целей общества. Как «эмпирическое обобщение» этих фактов можно принять то, что дальнейшее развитие человечества, целостность биосферы, их коэволюция ставятся в прямую зависимость от сложных явлений социальной жизни — таких, как мировоззрение и мироотношение человека, которых техноориентированная наука едва касается. Стихийно создаваемого общественного строения недостаточно для соответствия, коэволюции в рамках глобальной системы; оно закрывает возможность исторического преодоления трагедии бездуховной материально-технологической цивилизации. Современное требование, предъявляемое в этом плане психическими свойствами социального челове-

ческого существа, с одной стороны, и текущим онтологическим состоянием био-ноосферы — с другой, заключается в *целенаправленном устройстве* общества, построении сознательной формы его организованности.

Это полностью отвечает принципу био-ноосферной организованности — стремлению к максимальному эффекту мышления. Частное выражение этого принципа заключается в «социальной рефлексии» — обращении мышления на организацию оптимальных форм своего проявления; его обобщение приводит к тому несомненному выводу, что активно-целенаправленная организация пространства-времени общественных явлений — области социальных процессов — становится приоритетным направлением действенного сознания, направлением, имеющим ключевое значение в сознательном этапе эволюции не только культурно объединенного живого вещества — общества, но и человеческого организма, биосферы и ее структуры в целом. Целенаправленную социальную организованность можно считать категорическим требованием планетного ноогенеза.

Способность Homo sapiens к глубокой психической переработке явлений жизни — его собственно разумная сущность, которую можно поставить в масштаб космических факторов, — а также возможность целесообразного поведения социальной системы должны значительно более точно и полно, чем это делается теперь, учитываться в прогностической картине исторического процесса. В нее должно войти представление, утвердившееся в теории самоорганизующихся систем, о структуре-аттракторе, являющемся параметром цели эволюции. В социальном значении это понятие выражает принцип мировоззренческого фундаментализма, или *идеологический императив.* Несомненно, идеология шире понятия цели, она охватывает еще и некоторую стратегию целевого действия, но именно в части целеполагания современная идеология должна быть скор-

ректирована в первую очередь, и главную роль в «общественном волеопределении» призваны сыграть не философские системы или религиозные догматы, а точные научные методы — цель не может задаваться произвольно, она необходимо должна отражать закономерности развития более обширных, нежели общество, систем. Идеологическая проблема, таким образом, представляет собой задачу организации знания — «объединения разрозненных наук в цельном мировоззрении, в четко разработанном общеприемлемом плане единого мировоздействия» [22, с. 228]. Такой постановке вопроса должно способствовать понимание того, что социум является исторической точкой вхождения сознания Homo sapiens в атомную и органическую реальность Космоса, его организованность.

Важно при этом иметь в виду, что мировоззренческий императив не является случайным и второстепенным фактором глобального эволюционного процесса; он внутренне присущ организованности общества всех исторических эпох и, кроме того, выдвигается естественнонаучным пониманием самоорганизации биосферной системы. Это понимание приводит к выводу, что реальное влияние ноосферного аттрактора на эволюционирующую структуру биосферы ставит вопрос о направленности, или цели процессов структуры-аттрактора, тенденциях их развертывания. В случае поляризованной социальной динамики, обуславливающей усложнение биосферы до уровня ноосферы, эти цели полностью охватываются человеческим идеалом и в этом виде входят в общественную идеологию.

Учитывая изложенные обстоятельства, необходимо подчеркнуть, что *природно-стихийная*, бессознательная ноосфера невозможна — ее нет вне деятельного разума человека, его сознательного отношения к природному универсуму и процессу глобального развития. Однако и проявление мышления еще не ведет автоматически к

росту ноосферной организованности. Его хаотичное, *социально-стихийное* и неупорядоченное проявление может создавать дезорганизованность социума (в узком смысле — как несоответствие геологическому процессу; однако это не означает тотальной дезорганизованности, дезинтеграции общества) и через него — всей биосферы, т.е. тормозить и осложнять переход этой геологической оболочки Земли в состояние ноосферы. Поэтому перед человеческой мыслью неизбежно ставится вопрос о целевой организованности общества, в условиях которой сознание направлено на выбор эволюционной стратегии, проектирование естественноисторического процесса; практическим критерием здесь служит регуляция. Такой акцент характерен для исторических оценок Федорова: «общее дело» служит санкционированным Богом доступом к планомерному «деланию истории» — переходу «от истории человечества, как факта естественного, к истории, как к нравственному деянию» [82, т. 1, с. 272]. Эта максима наиболее полно и точно по смыслу определяет содержательную часть задачи *«сознательного направления организованности ноосферы»* [18, с. 50]. Ее решение в определенной части осуществляется путем управления биосферными процессами.

Управление в биосфере. «Полная» экология

Природная неродственность, «ненавистная раздельность мира и все проистекающие из нее бедствия» [82, т. 1, с. 7] являются первопричиной неуверенного, а то и просто бедственного положения человечества, его зависимости от внешней среды в своем существовании; ее осмысление служит отправным моментом для дальнейших заключений философии общего дела.

Регуляция природы со стороны общества обосновывается исходя из признания недостаточности стихийной организованности биосферы, необходимости сознатель-

ного культивирования первозданной природной среды. Естественнонаучным основанием активизма здесь служит обобщение Вернадского о эволюционном переходе биосферы в ноосферу. Процесс ноосферогенеза, являясь социоприродным по своему характеру, неизбежно затрагивает геологически сложившуюся организованность биосферы и природного Универсума, он идет через природную регуляцию. В этом проявляется собственно ноосферное значение человечества в биосфере. «Вопрос о плановой, единообразной деятельности для овладения природой... стал на очередь дня» [18, с. 150].

Подчеркивая направленность этого вида регулятивного действия человечества *на природу,* необходимо понимать его *социально-преобразовательный потенциал*. Природная регуляция есть одна из функций общества (не ограниченного областью собственных процессов) в био-ноосфере. Социальная организованность, не имеющая биосферного расширения, не может выработать культурный эквивалент природных взаимодействий и нейтрализовать их «дурную стихийность». История при любых формах только социального устройства, не затрагивающего своего природного дополнения, при всевозможных политических реформах и революциях еще ни разу не привела к гарантированному жизнеобеспечению, не дала верных обязательств цивилизации в решении «продовольственного», «санитарного» [см: 82,. т. 1, с. 276, 296; т. 2, с. 316] и иных актуальных вопросов. Напротив, ряд проблем с ходом истории только обостряются, имеют тенденцию своей глобализации. «Никакими общественными перестройками судьбу человека улучшить нельзя — зло лежит гораздо глубже, зло в самой природе, в ее бессознательности...» [82, т. 1, с. 320].

В проекте Федорова вопрос о «слепоте» *внешних* природных сил положительно разрешается путем «вулканической», «метеорической», «космической» регуляции мира [см.: 82, т. 1, с. 111]. Это многоуровневое по-

ложение, пронизывающее весь проект и нацеливающее на превращение мировых смертоносных сил в живоносные, на творческое осваивание и духовное обустройство Космоса. План регуляции дробится на частные вопросы: «о регулировании атмосферных явлений, об управлении движением земли и об отыскании “новых землиц”» [82, т. 1, с. 285]; в него входят также овладение (в терминах современных знаний) тектоническими, геохимическими, биологическими и другими биосферными процессами, культурно охватываемыми конкретными типами управления.

Помимо изложенных смыслов регулятивной деятельности общества необходимо выделить еще и тот, значение которого может быть понято и акцентировано в эпоху экологических кризисов точнее, чем столетие назад. Не нарушая логическую канву представлений русского космизма, можно утверждать, что идея биосферной регуляции непосредственно сопряжена с экологически ориентированным мышлением. Чтобы сделать это вполне очевидным, достаточно предварительно уяснить, *какой мир* является объектом экологии.

В общем деле проективным образцом, достойным утверждения и последующего поддержания в неразрушимости, назначен отнюдь не нынешний мир с его распадающимися связями и в значительной степени энтропировавший, а «исходный» мир. «Падение мира» — один из опорных символов в русском космизме, в той его части, которая исходит из религиозных представлений. Корни его уходят вглубь христианской мифологии. Для религиозно-философской мысли характерно представление о том, что некогда человек и мир, изначально пребывавшие в надлежащем виде, отпали от Бога. Внебожность мира с человеком есть следствие неправедного отказа последнего от божественного предназначения. Причины же грехопадения, уклонения мира от канонического вида, остаются за кадром гипотезы о

его начальном состоянии. «Лишь мистически открывается, почему человек занял подчиненное положение в природном мире, в солнечной системе» [4, с. 311]: библейское предание о грехопадении человека и последующем изгнании его из Рая еще не открывает самой природы слабости первого человека — обусловлена ли она всецело его собственной волей — «свободным актом отпадения» [69, с. 137], или была предустановлена, скрыта в тварной сущности его, т.е. зависела от Творца [см.: 6, с. 393].

Экология «падшего» мира, каковым сегодня и является «природная твердь» Земли в условиях ожесточающегося экоцида, означает отказ от мира истинного и абсолютного во имя случайного и патологичного, лишает надежды на достижение им когда-нибудь состояния «невинности и чистоты», ибо узаконивает и увековечивает эту патологию. Такая экология — консервация и охранение редуцированной природной среды — статична, она поверхностно охватывает явления, что, в конце концов, ведет к ее свертыванию и прямой профанации.

С учетом энтропийных процессов полная задача экологии формулируется не только как оптимизация природопользования и природоохрана, но и как восстановление нарушенной организованности биосферы, воспроизводство ее качественности, определяемой и множественностью форм сущего, и, прежде всего, принципом саморазвития, самопорождения, — тем принципом известной самодостаточности бессознательной природы, который подлежит реставрации в первую очередь. Предусловием и технологией собственно экологии становится религия, поскольку именно построение связного мира, а не отвлеченный культ богов, и есть истинная религия[9].

В первородном смысле «религия» прочитывается как незамирающее, неутешное восполнение, возрождение, то есть имеет чисто федоровское звучание, означает *воскресение*, а в активном залоге — *воскрешение*. Пре-

ображающее воссоздание, служащее фундаментальным приемом для всех видов управления и для усмирения всякой вражды, конкретно в биосферной регуляции выступает в форме экологического отношения к миру, как способ экологической действенности религиозного сознания.

Таким образом, представляется совершенно правомерным указывать на явно, хотя неоднозначно и оригинально выраженный, экологический мотив русского космизма, в его религиозно-философской ветви, говорить о религиозно-экологическом характере проекта регуляции. Более того, в религиозной экологии происходит важная смена позиций: от ограничительной, запретительной функции экология переходит к режиму активной выработки связности мира, служащей мерой его организованности; а вместе с этим ветхозаветные заповеди уступают место христианской добродетели.

Полная экология, основанная на идее реставрации утерянного биосферного многообразия и полноты бытия, предполагает своеобразное «экологическое производство» [см.: 81], материализующее религиозный подход.

Такое производство, необходимость которого текущее состояние биосферы делает неизбежным, на начальном этапе направлено на искусственное восполнение потерянного, а после этой вынужденной и временной меры — всецело на коэволюционное обеспечение естественного и самостоятельного воспроизводства биосферы. Так, благодаря воскресительной технологии, изживается зло индустриальной цивилизации в отношении к природе. Обратная задача регуляции — окончательное решение вопроса о слепых силах злой по отношению к человеку природы. «Природа онтологически связана с человеком, она предназначена к очеловечению чрез опрозрачнение духом» [6, с. 174]. В конечном итоге, посредством религиозной реставрации падшему, растленному и агонизирующему миру предстоит принять вид единого, неделимого бытия, свободного от действия стихийных, неуправляемых сил.

В целом, в приложении к хозяйственной деятельности принцип регулируемых состояний означает транспонирование *производящей* экономики в *восстанавливающую*, религиозную. Она базируется не на монетаристских принципах политэкономии, а на естественнонаучном описании процесса выработки максимально устойчивой в мировой реальности жизненной формы планетарного общества как целого — его физического существования, развития и наибольшего проявления в пространстве-времени вселенной. Новая экономическая парадигма, которую на языке философии общего дела можно определить как «экономию спасения» [82, т. 1, с. 163], а в современных научных представлениях как «физическую экономику», знаменует степень не столько технической, сколько нравственной зрелости общества. Здесь вопрос управления внешними силами ставится в полную зависимость от регулирования внутреннего, психо-социального мира.

Не входя в детальное рассмотрение частных проектов регуляции, представленных русским космизмом, необходимо отметить, что они обнаруживают большое разнообразие взглядов, хотя в них и можно выделить некоторые «общеобязательные» элементы, представляющие наибольший интерес. Критическими для общей схемы являются поистине революционные представления К.Э.Циолковского. В них управление планируется как нейтрализация природы или, в еще более резкой форме, ее стерилизация — устранение, подавление всего ненужного или вредного с точки зрения человека-регулятора, уничтожение с корнем всей дикой природы, «изолировка и дезинфекция местностей» [см.: 89, с. 151]. Нетрудно видеть в таком подходе резкую противоположность действительной *регуляции* — устраиванию, приведению в порядок, в отличие от механического и скорого отсечения всего труднопреобразуемого. Однако невозможно и здесь не замечать элементы со-

знательного, хотя и извращенного в понимании конечных целей, управления силами природы, проявления культурной функции человечества.

Полное попрание всякого самодвижения природы, ее грубое покорение — перестройка и перекройка — по своим последствиям непредсказуемы и, строго говоря, никак не обоснованы. С другой стороны, совершенный отказ от регуляции природы означал бы одновременный отказ и от всякого развития, и вообще от гарантий физического, не говоря о нравственном, существования общества. Между этими полюсами следует мыслить область реального выбора — осуществление разумной, строго соразмерной и точно определенной регуляции, в которой разум проявляется не как достояние «схлопнутого» социального объекта, а как генеральное свойство всего мира. Более точно такую регуляцию можно понимать как направленное и программируемое со-развитие двух природ, ведущее к преодолению чуждости между бессознательной мощью стихийного «вне-человека» [80, с. 326] и творческой потенцией мыслящей натуры, вошедшей «в разум истины». В ходе такой коэволюции сознания и обуславливаемого им внешнего мира человек направленно возделывает данную природу: преобразовывает биосферу в ноосферу и создает себе мобильную органическую конституцию, становится, с переходом к новой психофизической организованности, существом из-природным и вне-природным, вообще не порождаемым, а воссоздаваемым — не природным и не присмертным, а самодеятельным и бессмертным. «Человек не только природное существо, но и сверхприродное существо, существо божественного происхождения и божественного предназначения, существо, хотя и живущее в “мире сем”, но “не от мира сего”...» [4, с. 310]. Психическое и физическое совер

шенствование человека — уязвимое звено и, в то же время, — императивное условие общемирового управления, свидетельствующее о многозначности и трудоемкости коэволюции.

Глава 4
Культурная эволюция человека

Явление смерти и его психическое значение

В глобальной целостности, выявляющейся в виде сложного, взаимопроникающего единства разнородных компонентов геоструктуры, природная реальность планеты не исчерпывается *внешним* для человека естественным окружением — *средой обитания,* — но включает в себя и *природу самого человека* — состояние биологического пространства-времени, отвечающего психическому организму, охватывает совокупность видовых свойств Homo sapiens. В этом смысловом расширении биологическая регуляция, составляющая закономерную часть регулятивных функций человека в природе, наряду с культурным изменением всей фауны и флоры Земли, осуществляет также контроль физических и психических состояний человека. По отношению к последнему регуляция заключается в усовершенствовании собственной, «внутренней» природы, преодолении ог-

раничений, накладываемых ею в выявлении духовных возможностей человека. Таковыми, в первую очередь, являются смерть, аннулирующая личность и обрывающая ее творческое развитие; природная немощь человека как существа биологического, физиологически узкий спектр степеней свободы организма из-за его неполноты; неотступная нужда, неизбывная зависимость в потребностях от стихии природных факторов, катастрофически и вмиг обесценивающей интеллектуальные достоинства и саму жизнь человека; психическая незрелость органического разума, ведущая к социальному несовершеннолетию. С точки зрения регуляции и преодоления этих естественных пределов «эмпирического» человека, последний представляет собой совершенно особую, в известном смысле граничную, область жизненных процессов, определенных на пересечении органической и социальной структур планеты. Такой переменный его статус дает основание для логически самостоятельного анализа гуманитарных проблем ноосферы.

Психофизическая регуляция является одним из функциональных проявлений социальной организованности, ее частной — антропологической — культурной функцией в био-ноосфере. Она направлена на организацию активной эволюции человека — сознательного этапа биологического эволюционного процесса, т.е. определяется в целом как *автоэволюция*.

Рост ищущей социальной мысли, мировоззренчески ярко оформленной в русском космизме, совершенно неслучаен для конца XIX — начала XX столетий. К этому времени в сознание — не только научное, но и религиозное — стала глубоко входить идея эволюционизма. Проективная философия в своем основании самым тесным образом связана с ней. Вернадский воспринимал биогеохимические идеи как другой подход к пониманию эволюции биологических видов, представленный языком точного знания — количественно, в

константах биогеохимической организованности области жизни. «Сознание, что в своей работе над живым веществом я создал новое учение, и что оно представляет другую сторону — другой аспект — эволюционного учения, стало мне ясным...» [13, с. 112].

Эволюция живого вещества, теснейшим образом связанного в своих проявлениях с биосферой, из нее никогда не выходя, получает продолжение в эволюции планетной реальности. При этом перестройка биосферы в ноосферу осуществляется суммарной культурной функцией, которая неизбежно и определенным образом охватывает всю органическую структуру Земли. Это выражается в антропогенном видоизменении живого вещества, закономерной частью которого является психический организм. *По существу, исходя из этого, уже нужно говорить о культурной эволюции человеческого существа. В* сознательной форме этого еще нет, однако несомненно, что уже сегодня человек в части своих жизненных явлений предстает как совокупность культурных биологических процессов.

Если научной мыслью биоэволюционная теория была принята и обобщена до учения о процессе геологического масштаба, то в религиозном сознании она разрушала фундамент веры — свод догматов о сотворении мира, богоподобии и богообразии человека. Своеобразное решение этой коллизии религиозно-философской мыслью привело не к отрицанию научной теории в пользу чистой веры, а к созданию самостоятельной, религиозно обоснованной деонтологической эволюционики. Принципиальные положения этого неклассического эволюционного учения, охватившего библейские каноны христианства и его нравственную аксиоматику, были наиболее последовательно изложены в «философии общего дела» Н.Ф.Федорова, работах П.Тейяра де Шардена, которые осмысливали эмпирические обобщения дарвинизма в атмосфере иного миропонимания.

В проекте Федорова примирение христианского мышления с научным фактом достигается не вероотступничеством, схизматическим отказом от незыблемых символов веры, а признанием дела верослужения, вероисполнения, созданием «супраморалистического» плана сознательной, активной эволюции человеческого существа. В проекте совмещается принцип эволюционизма с идеей о богочеловечестве. Если ныне человек, в силу мистических событий библейского времени и реальных исторических обстоятельств, не есть в полной мере существо богообразное, то он призван стать таковым путем «историрования христианства». В результате активно-исторического откровения христианского вероучения постулат о богоподобии, лежавший в основании религиозного представления о человеке, ставится в целевую точку исторического процесса. Не проявленное случайным ходом общественного развития, богоуподобление должно состояться — такова основа стремления к новому эволюционному взгляду, исходящему не только из точных данных естествознания, но и духовной аксиологии христианства. Научное представление о эволюции живого вещества было достроено религиозной мыслью до учения о полном совершенстве человека, его проявлении как абсолютной духовности. Такая синтетическая эволюционика восстанавливает в ином понятийном базисе прежние догматы о сотворении мира, о воле Божией и богоподобии человека — теперь уже не столько данном, сколько исторически заданном. Здесь новым критерием стихийного процесса является активное мироотношение человека, дающее высшую прагматическую оценку символам веры; одновременно, в этом нравственном измерении сами символы веры становятся символами дела, требующего исполнения догматов, реальной службы, а не символического обряда. Религия, благодаря плану Федорова, наполняется активным содержанием. Религиозное чув-

ство и научное знание активируют волю человека, требуют сознательного выхода в мировой — планетный и космический — процесс, который в социальном измерении становится «общим предприятием» исторического возделывания богообразия — *апотеозиса* человека. И естественнонаучная мысль русского космизма, учение Вернадского о био-ноосфере, по мнению С.Г.Семеновой, дают основания этим надеждам [см.: 64, с. 3—33].

Так или иначе, русский космизм включил психику в эволюцию человеческого существа в качестве нового типа природной причинности, отведя биологическим факторам стартовую роль; он поставил глобальную эволюционную перспективу в общественные рамки как учение о социальной форме всемирного движения к высшей организованности.

Проблема сознательно направляемой эволюции человека возникает при точном понимании процесса усложнения живого вещества. Она решается в русском космизме путем психофизической регуляции — «антропоургии» [41, с. 131]. По сути, это переход от стихийной цефализации к самостоятельному развитию человеком своей нервной ткани и организма в целом. При этом важно понимание отличия культурной формы эволюционного процесса, развертывающегося в условиях социальной организованности, от биологической, отвечающей организованности биосферы.

С точки зрения биогеохимии организованность биосферы определяется биогенной миграцией атомов. В структуре живого вещества она сказывается как в непрерывно идущем обновлении дисперсного организма в ходе его биологического времени (жизненного цикла), так и в смене организмов и их поколений, при которой невозможно воспроизведение идентичных особей в пространстве-времени биосферы. При этом их геохимическая функция в биосфере остается практически неизменной на протяжении значительных пери-

одов геологической истории Земли. Словом, «в ходе геологического времени происходила смена разных организмов, замещавших друг друга в исполнении данной функции без изменения самой функции» [17, с. 290].

Учитывая это постоянство геохимической функции живого вещества, можно говорить о *биогеохимической равноценности* замещений организмов, смен целых поколений в истории видов; другими словами — о примерном функциональном тождестве организмов, которое нарушается очень медленно даже в геологическом масштабе времени, а в историческом его постоянство у Вернадского не вызывало сомнения.

Организованность общества также выражается непрерывным изменением его состава — привносом и уносом из его среды человеческих организмов; она «проявляется для нас в *личности*, в отсутствии двух тождественных индивидуальностей, не отличимых друг от друга» [18, с. 24]. Влияние этой нестационарности на функциональные свойства человечества в биосфере может быть прослежено в двух направлениях, между которыми есть глубокое и принципиальное отличие. Это отличие, одновременно, есть коренное отличие, которое существует между геологической функцией живого вещества и ее культурной формой, связанной с человечеством.

Не принимая пока в расчет *культурных форм* биогенной энергии, можно утверждать, что в биологическом аспекте общество представляет собой однородный вид живого вещества; замещение организмов, отличающихся химически, происходит в нем при сохранении примерного тождества их функций.

Однако с человеческим организмом связывается энергетика иного рода — *культурная форма* биогенной энергии, причем культурная функция становится его отличительным видовым признаком. Со времени выступления в биосфере цивилизованного общества, человек оказался способным вызывать разнообразные

биогенные процессы, «но он достигает этого разумом и техникой, а не физиологической работой своего организма» [17, с. 290]. Значение общественного индивидуума — *личности* — измеряется, прежде всего, его культурной функцией, которая определяется его сознанием.

Принимая принцип *Д.Дана* — процесс цефализации в живом веществе, — следует признать, что человеческий организм выявляется в геологической истории как *психическое* неделимое био-ноосферы. С точки зрения энцефалоза личность есть, прежде всего, квант сознания, а не биологическое неделимое. Подходя с этим критерием к обществу, мы не наблюдаем в нем той примерной функциональной равноценности отдельных особей, которая свойственна живому веществу в аспекте его геохимических свойств. С точки зрения культурной функции человеческие личности, являющиеся историческими современниками и биологически, быть может, малоотличимые, могут быть резко не тождественными по своему значению и влиянию в био-ноосфере и самом обществе.

Кроме того, эмпирически достоверным является неуклонный рост энергии человеческой культуры в *историческое* время, т.е. расширение культурной функции от поколения к поколению. Смена человеческих организмов в историческое время сопровождается направленным изменением их культурной функции; здесь в еще более яркой форме обнаруживается нетождественность замещений, характерных для организованности живого вещества. Культурная функция непрерывно меняется в историческое время — количественно, за счет роста биогенной энергии, связанной с психическим организмом, и качественно, — благодаря расширению, все большему проникновению человеческой культуры в геодинамику, охвату ею планетной организованности, всех явлений биосферы.

Принимая во внимание функциональный аспект, следует признать, что в обществе нет той обязательной равноценности в замещении его «неделимых», какая наблюдается в целом для организмов, в организованности внекультурного живого вещества. Культурная функция, принимая в организованности общества некоторые необходимые формы, при смене индивидов является направленно неустойчивой в своем конкретном психическом содержании. Последнее связано с индивидуальным сознанием, соответствующим отдельному культурному организму. В этом аспекте социальная организованность, создаваемая процессами жизни в их разумной форме, не может быть полностью редуцирована к органическим круговоротам. Вместе с током организмов в нее входит «миграция» материально-энергетически и информационно своеобразных объемов-полей сознания, отвечающих этим организмам. Этот вихрь, «поток сознания» построен не на принципе примерных тождеств в замещении психических единиц; он здесь не выполняется ни в историческом, ни тем более в геологическом масштабе времени. В этом проявляется одно из резких отличий социальной организованности от той, которая присуща досоциальному живому веществу.

Другая важная особенность связана с положением психического организма в эволюции биологических видов. Прежде всего она состоит в том, что биологический эволюционный процесс не дает непосредственного роста главного видового признака человека — его разума; он не ведет к заметному физическому усложнению мозгового аппарата. Данное утверждение можно принимать точно установленным фактом только в рамках известных антропометрических данных, свидетельствующих о неизменности мозга современного человека на протяжении нескольких последних десятков тысячелетий. Возможно, со временем эти данные будут уточнены. Едва ли можно понимать это обстоятельство

как остановку в эволюции Homo sapiens, поскольку невозможно отрицать эмпирически бесспорный и исторически достоверный факт растущего выявления мышления в био-ноосфере, роста сознания. Такой рост имеет в качестве своего основания не биологическую, а социальную обусловленность, идет благодаря смене социальной обстановки, т.е. связан с организованностью общественной жизни. В этом факте следует видеть *изменение природного процесса цефализации* — в биологической форме она, выработав современного человека, не охватывает вид Homo.

Растущее выявление разума в био-ноосфере идет в двух пластах времени. Оно, несомненно, происходит в масштабе биологического времени — времени жизни индивида — путем повышения духовного потенциала при взрослении и старении человека. Этот процесс выражается в обществе законом больших чисел. Другой масштаб, в котором также, в еще более ясной форме, идет стихийный рост выявления мышления — социальное, или историческое, время, в которое наблюдается историческая — более медленная и длительная — смена ментальности общества и родовой личности, эволюция типов мировоззрений.

Учитывая эти факты, необходимо подойти к пониманию биологической эволюции с точки зрения продуцирования сознания. Здесь выясняются важные отличия, существующие между организмом и человеком как личностью.

В процессе эволюции в биосфере постоянно вырабатываются новые формы живого вещества; это изменение направлено в сторону увеличения действенной биогенной энергии в земной коре. Данное эмпирическое обобщение было установлено Вернадским как *второй биогеохимический принцип* [см.: 19, с. 250, 262]. С ним необходимым образом связано обновление живого вещества. Оно вызвано, прежде всего, «моральным изно-

сом», отсталостью организма от эволюционных трансформаций биосферы, и, во-вторых, — физическим износом организма, его физиологическим старением, по всей видимости обусловленным первым обстоятельством. Все вместе это ведет к явлению смерти, которая эволюционно *оправдана* в организованности биосферы, в силу первой причины, и естественно *неизбежна*, в силу второй. Организм в ходе своих физиологических переживаний идет по нисходящей линии. Кроме того, смерть организма в биосфере становится *допустимой* при наличии биологического закона-«механизма» обязательной передачи генетической информации в младшие звенья родовой цепи. Смерть организма после генетической трансляции нормальных и мутационных свойств особи, таким образом, не только не нарушает ход биоэволюционного процесса, но служит ему и от него неотделима. «Смерть — явление историческое, она существовала не всегда, а появилась на определенном этапе развития жизни и сразу же стала важнейшим двигателем эволюции: смена поколений сделала возможным появление (и сохранение в результате естественного отбора) как раз тех организмов, которые лучше были приспособлены к окружающей среде. Mors creator vitae est — творцом жизни является смерть, не будь ее, наши звериные предки так никогда бы и не “вышли в люди”. Однако, творя новые виды, смерть установила им “естественные” сроки жизни» [33, с. 349]. Помимо сказанного следует учитывать также прямое «геохимическое значение смерти» [11, л. 179].

Совершенно иначе такой ход эволюционного процесса сказывается на психическом организме. Биологическое время человеческой личности есть, в главном содержании, ее психическое время — время ее духовных переживаний и культурной действенности. В ходе этого времени, жизни личности, ее сознание не изнашивается (за исключением случаев явной патологии).

Более того, следует признать, что оно реально расширяется, неуклонно и стремительно возрастая на временном отрезке, измеряемом немногими десятками земных лет. Для сознания в целом характерна восходящая линия. По сути, здесь имеет место самостоятельный, «отслоившийся» от организма процесс психической эволюции, идущей вне биологических законов накопления психических качеств. Совершенно ясно, что по своей генеральной направленности он полностью и точно согласуется с биоэволюцией — ростом выявления мышления в био-ноосфере. Однако, со смертью человека обнаруживается резкое нарушение этой тенденции. С точки зрения духовных возможностей человека — устойчивой активности и роста сознания — его смерть не сопряжена с эволюционной необходимостью продуцирования психики, она *не оправдана* в отношении сознания. На самом деле здесь скрыто более глубокое противоречие между биоэволюционным законом и социальным ростом сознания.

Реальный рост выявления мышления отдельной личности, взятой в точных рамках своего биологического времени, возможен за счет осмысленного восприятия природного мира, социально-исторической картины; он не связан с мутационными перестройками генетического аппарата. Накопленный в течение жизни в результате «гевристического обучения» духовный опыт, представляющий собой *состояние нервной ткани*, не учитывается наследственным законом- «механизмом» биологической эволюции и, вследствие этого, в следующее поколение не передается; со смертью личности развитое сознание безвозвратно теряется. В итоге каждое новое поколение, благодаря перерождению опытного знания в младенческое неведение — tabula rasa, — возвращается к исходному началу, повторяя весь путь образования сознания.

Индивидуальное состояние нервной ткани может частично воспроизводиться по оставленным после смерти культурно опредмеченным символам прошедшего сознания. Однако эти знаки былой мысли, которые можно принимать в качестве социального аналога генетической формулы, не являются такими же обязательными для личности и точными по смыслу, каким является генетический код в определении физической конституции организма, и потому не могут служить строгой и однозначной наследственности угасшего сознания.

С учетом этого для человека иначе, чем для бессознательного организма определяется *значение смерти.* В стихийно сложившейся организованности биосферы смерть закономерно властна. В самом организме, возникающем в ходе биологической смены поколений, заложена «программа самоликвидации»[10]. Момент ее запуска, с некоторой временной задержкой, может быть довольно точно отнесен к периоду максимальной биологической активности, наивысшего жизненного тонуса особи. Для человека он соответствует, примерно, 25-летнему возрасту и в реальной жизни совпадает с *началом* самостоятельной духовной работы личности. Существование организма после прохождения им точки биологического экстремума, по сути, лишено собственного смысла, оно есть проявление *инерции жизни.* Совершенно ясно, что духовное развитие личности, идущее в основном именно в этот период жизни, еще менее соответствует «биологической логике», выводящей явления мышления из области эволюционной целесообразности, так как развитые в психическое время индивида интеллектуальные возможности ни в какой форме не могут отразиться в структуре нервной ткани его родовых последователей.

Тем не менее, и в этом случае происходит неуклонное увеличение культурной биогенной энергии на поверхности Земли, хотя оно и не достигает своего *возможного* максимума, который в условиях *стихийной*

социальной организованности, вероятно, еще очень далек от своей абсолютной величины. Рост могущества разума быстро идет одним из реальных путей — благодаря возможно более продолжительной непрерывной работе индивидуального сознания, т.е. активной жизни психического неделимого. Однако, такой рост проявления мышления в био-ноосфере также имеет биоэволюционные пределы: смерть личности, ничуть не исчерпавшей возможности своего психического развития и быстро набирающей духовный потенциал, биологически ограничивает эту стратегию аккумуляции культурной биогенной энергии на планете. Обновление неделимых в обществе, приводящее, в конечном счете, к смерти, сбрасывает накопленный интеллектуальный ресурс личности, вызывает «экспирозис» [86, с. 218], качественный разрыв родового сознания, что в целом плохо согласуется со стремлением живого вещества к *максимальному* проявлению в биосфере своей биогенной энергии.

Вследствие этого *смерть человека приобретает*, преимущественно, *психическое значение*, ее геохимическая важность теряется в культурной работе человечества; она служит стоком духовности. Этический критерий смерти дополняет это определение острым чувством, вызванным утратой родителей.

Явление смерти психического существа приводит к тому, что процесс эволюции биологических видов в отношении к Homo sapiens не в полной мере реализует тенденцию максимального роста мышления. Организованность биосферы как бы сдерживает становление ноосферы, основанной именно на возможно более глубоком проникновении в динамическое строение планеты явлений мышления. Таким образом, законы эволюции биологических видов не обеспечивают действительно максимальное выявление сознания в структуре планеты. Это несоответствие имеет стихийно-природный характер.

Однако, как уже отмечалось, рост выявления сознания идет не только в биологическом пространстве-времени отдельной личности, выражаясь разностью ее интеллектуальных потенциалов в начальной и конечной точках жизни. Он реально сказывается в более обязательном виде — в смене мировоззрений исторических поколений, социокультурной, духовной обстановки в целом; это совершенно ясно обнаруживается через уверенный прогресс научного знания. При таком многоступенчатом акте социального опосредования процесса эволюции психики перед человечеством встают вопросы нравственного порядка. Поскольку культивирование психики за счет изменения социально-исторической среды идет в историческом масштабе времени, оно не вмещается в биологическое время личности, превосходит его. Другими словами, такой рост сопряжен со сменой поколений, и каждый очередной шаг в этом направлении необходимо требует не только смерти личности, но вымирания целых поколений. При этом результаты, добытые ценой жизней миллионов личностей — сотен их поколений — за исторически длительный отрезок времени, вмиг обесцениваются и исчезают под напором слепой, стихийной силы, легко теряются в периоды исторических потрясений, в ходе кризисных процессов нестационарной социальной динамики.

Нравственное чувство требует иного порядка, при котором круговорот, обновление, эволюционный рост сознания не достигался бы ценой миллиардов умерших безвозвратно, не бросал бы в подножие геологического сооружения разума — ноосферы — тысячи поколений обездушенных личностей.

Таким образом, выявление в абсолютной величине, ныне не достигаемой, духовных возможностей бионоосферы должно ставиться как *проблема естественной недостаточности* биоэволюционного процесса и как *задача* его *этического ограничения*, которые не могут быть

решены в условиях стихийной природной и социальной организованности. «С возникновением общества человек вышел из-под власти естественного отбора. Организм его сложился в далеком прошлом и, по-видимому, на долгие времена. А смерть? Она стала в данном случае историческим анахронизмом. Как фактор, способствующий улучшению природы человека, она не нужна. С точки зрения общества, она вредна. Исходя из задач, стоящих перед человечеством, просто нелепа» [33, с. 350]. Для нравственного существа смерть неприемлема, для духовной структуры жизни она есть невыносимый предел. Однако сознание в самом себе заключает универсальные основания эволюционного процесса, адекватного сущности человека. Они появляются благодаря функции управления, с которой связана новая — социальная — «механика» эволюции. Одновременно с этим, за счет целенаправленной действенности мышления открывается возможность более эффективного энергетического выявления человечества.

Решение вопроса жизни и смерти мыслящего существа, причем и то, и другое в аспекте вечности — либо жизнь бессмертная и творчески неостановимая, либо смерть окончательная и неперерешаемая для угасшей личности, зависит от характера организованности общества. В случае ее целенаправленности явления жизни в их разумной форме особым образом входят в геодинамику. Они изменяют строение био-ноосферы со стихийного на сознательный, социально обуславливаемый тип, что неизбежно должно проявиться в области эволюционных законов действием социальных факторов, существенно переопределяющих эволюционный процесс.

Развитие субстрата ноосферы не может всецело идти в рамках естественных закономерностей эволюции живого вещества. «Жизнь на нашей планете вступает в знаменательную эпоху, когда необычайный рост знания и мысли указывает, что эволюция высшего типа

живого находится в полном разгаре, и признаки этой эволюции всего менее подходят под установившиеся рубрики биологии. Применяясь к новому естественно-историческому факту, она должна выйти из прежних рамок и включить в свою область явления психического порядка» [80, с. 334-335]. Критической био-ноосфере соответствует собственно-определенный эволюционный процесс, который может быть понят как социальный этап эволюции. Этот вывод о неизбежности изменения характера эволюции биологических видов, имеющей место в биосфере, на социально выраженный тип развития целиком вытекает из естественнонаучного представления об организованности био-ноосферы; никакие философские или религиозные соображения здесь не представлены в собственном значении и в картину организованности не входят. Идея смены стихийно-природного начала на сознательно-целесообразный характер эволюционного «процессования человечества из формы дьявола в форму ангела» [75, л. 14-15], сформулированная «активно-эволюционной мыслью» [см.: 65] в России и выражающая суть русского космизма, была поставлена в научные рамки учения о ноосфере.

С учетом *естественных* ограничений, накладываемых природной эволюцией на процесс максимального выявления разума в структуре био-ноосферы, целью культурной, активной эволюции человеческого существа следует считать включение явлений мышления в круг генетических закономерностей, введение в биоэволюционный процесс психического критерия развития человеческого организма — задание *биологической* целесообразности эволюционного культивирования сознания. Это самым существенным образом скажется не только в анатомическом усложнении нервной ткани мозгового аппарата, но затронет все физиологические основы человека. Организм, в соответствии с психическим критерием, должен быть усовершенствован в

своих физических и физиологических принципах так, чтобы было преодолено расхождение между возвышением духовного потенциала личности и физическим разрушением организма, ведущим к полной смерти. Начальная задача в этом направлении может быть сформулирована как стремление к максимальному удлинению эволюционного «рабочего цикла» психического организма — достижению большей видовой продолжительности жизни Homo sapiens, его долголетия, и, рано или поздно, бессмертия.

В более развернутом плане это задача выработки максимально устойчивого в жизненном поле и всеобщего для различных физических сред «универсального организма» — внефизиологической формы жизнедеятельного проявления сознания. В русском космизме данная мысль спроецирована в идею человеческого бессмертия, «полноорганности» и автотрофности.

Явление рождения

Подход к пониманию культурной эволюции с *нравственных* позиций требует пересмотра — ужесточения — ее мировоззренческих оснований. Уточнение последних обусловлено этической необходимостью осуществлять целенаправленное развитие человечества с экономией организмов и их поколений, постепенным замедлением эволюционного конвейера людских жертв, в конце концов, полным прекращением циклов рождения и смерти как биологического (животного) способа эволюционирования человека.

Явление рождения характерно для организованности биосферы. В ходе эволюции вырабатываются формы живого вещества, увеличивающие биогенную миграцию атомов. Такие формы не могут быть получены на неизменной совокупности живого вещества — его

неделимые не обладают возможностью прижизненных пластических видоизменений, которые морфологически учитывали бы возникающие отклонения в информационной структуре генома. Этим обуславливается нецелесообразность и, в конечном счете, невозможность биологических форм исполнять необходимые в биосфере функции неограниченно продолжительное время, — то, что лежит в основе «естественной бедности» человека — его смертности. В этих условиях сохранение длительности жизни происходит путем размножения, совершающегося по принципу Ф.Реди — *«живое только от живого»*.

Неостановимый поток поколений, быстро коснеющих пустой породой в «вихре жизни», вызван в биосфере вследствие однократного, по сути, использования организма, которое не может быть обосновано исходя из самой сущности эволюционного процесса — развития, усложнения, качественного превращения биологического вида.

Смена поколений, являясь в целом необходимой в организованности живого вещества, биосферы, тем не менее, есть лишь часть, форма эволюционной необходимости, которая в условиях социальной организованности не может считаться обязательной и может принимать сознательную форму при иных закономерностях, присущих культурной эволюции.

К этому же выводу можно прийти иначе — из понимания бренности планеты и ее оболочки жизни.

Помимо ограничений планетного пространства — пространства жизненных ресурсов — планетная жизнь ограничена во времени — она ставится в рамки научно измеряемого времени существования Земли и Солнечной системы.

Для живого вещества земное притяжение не есть только гравитационное явление, оно в более значительной степени — биогеохимическое, понимаемое как полная материально-энергетическая зависимость живых

форм от планетной среды жизни. Организм жизненными процессами глубоко и неотрывно связан с геологической оболочкой Земли — биосферой. Человек, успешно преодолевая гравитацию и тем самым создавая возможности для снятия пространственно-ресурсных пределов, в то же время остается значительно более тесным образом связанным с Землей «органическим тяготением» — биосферным полем жизни, вырваться из которого он в нынешнем виде стихийно не может. Время земного поля жизни ограничено временем планетной структуры. В конечном счете это ограничение ставит предел проявлению земной мысли и воли человека. Время существования биосферы и действия духовного ресурса планеты *есть ограничение ее ноосферы.*

Осознание человеком планетной бренности неизбежно приводит его к пониманию недолговечности биосферного эволюционного процесса, а значит и ограниченности психофизических трансформаций человеческого организма. Эволюционный процесс не может в действительности мыслиться *космически вечным* в биосфере. Эволюция планетного живого имеет свой геологический максимум — величину, за которую бионоосфера, если она не перестанет быть геоидом, выйти не может. Ее дальнейшее развертывание возможно только вне земных условий, если не будет найден «солнцеводный» и «планетоводный» [82, т. 2, с. 251] способ избежать гибели; все это предполагает определенный эволюционный уровень самой ноосферы, и, следовательно, человеческого организма.

Геологически возможный максимум последовательных поколений человечества, могущих быть произведенными в пространстве-времени земной биосферы, определяет характер культурной эволюции, которая должна идти с экономией человеческих организмов, с максимальным сбережением сознания в био-ноосфере за счет интенсификации социального фактора эволюции.

Выработать в конечном числе поколений Homo sapiens форму, преодолевающую естественно-эсхатологическую конечность, можно за счет «свернутой», «кумулятивной» эволюции. Интенсивная эволюция человека осуществляется путем сосредоточения в психофизическом неделимом возрастающей, в пределе — бесконечной, суммы целенаправленных изменений, или придания биологической единице пространства-времени планетной жизни большей видовой пластичности. Благодаря экономии поколений происходит ускорение эволюционного процесса, т.е. экономия времени эволюционных превращений. Это одна из форм решения проблемы преодоления биологического времени ноосферы, овладения ее временем.

В социальной среде *время становится непосредственно-активным фактором эволюции* человеческого существа.

Усложнение живого вещества, как всякий длящийся процесс, тоже развертывается во времени, однако самого времени, в непосредственном значении и активном действии, в нем нет; оно неявно входит в него как тактовая частота смены поколений и выражается через изменение фазовых состояний поля жизни. Здесь время представлено числом произведенных эволюционных шагов — завершенных больших и малых биогеохимических циклов. Развитие внекультурного живого вещества обусловлено, главным образом, пространственно-ресурсными ограничениями биосферы. Этот фактор — геометрическая и материально-энергетическая ограниченность жизненного пространства Земли — проявляется в эволюции биологических видов как тенденция наилучшего приспособления организма к внешней природной данности, среде жизни. Стремясь к максимальной адаптации, видовой организм превращается в органический придаток геологической структуры, «автоматизируется» в своем жизнепроявлении и всем существом прочно врастает в биокосный монолит плане-

ты. В конечном счете, внекультурные биологические виды оказываются в хвосте мирового эволюционного процесса, становятся, в космическом масштабе времени, живыми ископаемыми, поскольку неотделимы от физической структуры планеты. Обстоятельство ограниченности биосферного времени никак не сказывается в среде организмов. Организм не знает будущего, он генетически хранит прошлое и безучастно внимает — благодаря идущим в нем мутациям — настоящему. Он потенциально чреват будущим, но его не ведает.

Однако для психического вида живого вещества его эволюция становится более существенно, *преимущественно* зависима от времени существования биосферы Земли и, следовательно, планетной системы. Характер этой зависимости проявляется в том, что эволюция Homo sapiens не только развертывается *во времени*, но и учитывает всю геологическую *«полноту времен»* биосферы, ее скоротечность и конечность. Грядущий планетный катаклизм как бы отражается на ходе процесса уже в настоящее время — «будущее "временит" настоящее» [29, с. 7]. «Живое вещество является *пластичным,* изменяется, приспособляется к изменениям среды, но, возможно, имеет и свой процесс эволюции, проявляющийся в изменении с ходом геологического времени, вне зависимости от изменения среды. На это, может быть, указывает непрерывный, с остановками рост центральной нервной системы животных в ходе геологического времени в ее значении в биосфере и в ее глубине отражения живого вещества на окружающее» [18, с. 26-27].

В эволюции живого бессознательный учет временного фактора — конечности земного бытия — осуществляется благодаря культурной работе человечества в биосфере. Общество постоянно изменяет первозданного природного «вне-человека», создавая лучшие условия для максимального проявления жизни, преимущественно в ее разумной форме. При этом, через творчество

«второй природы», человек создает новые возможности и для собственного развития, вырабатывает универсальные навыки культурного охвата природных объектов. Изменение внешней среды, таким образом, подготавливает возможность изменения природы самого человека; без необходимых навыков-функций, умения окультуривать область своей жизни человек реально не может подойти к более сложной технике личного совершенствования. «Правильное понимание явлений и свойств природы может дать нам схемы и для законов, управляющих развитием личности и человеческих обществ» [80, с. 253]. Эта подготовительная работа вызвана стихийным влиянием времени как фактора глобального развития.

В процессе организации культуры человек не может остановить охват своим трудом всей наличной природности, включая и антропный ее уровень. Культурная функция в природе — регуляция биосферы, — рано или поздно, обращается на самого человека, переходит в форму антропорегуляции. Человек неизбежно стремится расширить природную регуляцию до актов своего преображения. С пониманием *цели* этого совершенствования, которая не может не отражать сознания геологической скоротечности земного бытия, связан *сознательный* учет фактора времени в эволюции Homo sapiens. Этот учет выражается в активно-эволюционном стремлении к *космической форме жизненности*, т.е. в историческом преодолении какой-либо обусловленности — «притяжения» — человеческого организма обреченной биосферой.

Эту эволюционную схему можно философски принимать как *реально* обнаруживаемый в истории человечества путь к личному совершенству, который, конечно, не закрывает и иного, если бы тот был принят обществом в целом. Однако этот, последний, практический путь, известный по учениям восточных школ йоги, как

бы он ни был доступен и эффективен в своем непосредственном действии на человека, не имеет широкой и прочной социальной базы, и потому его историческое значение остается ограниченным.

В целом, совершенно ясно, что тенденция культурного отношения к миру по своему содержанию есть преодоление недолговечности планетной жизни — земной биосферы. Культурный организм не стремится связать себя нерасторжимыми связями с конечной во времени областью жизни; он утверждает свою самодостаточность, растущую автономность (материальную, энергетическую «автотрофность»), вырабатывая свойство универсальной культурной функции — управления. На бренной планете разум — «последняя ставка живого!» [80, с. 447].

Анализ естественных обстоятельств космической истории Земли существенен для определения характера культурной эволюции человека. Это новый аспект в рассмотрении, иной подход к явлениям рождения и смерти, смены поколений в обществе.

Исключить половое *рождение* из разряда необходимых явлений социальной жизни как биологический способ эволюционного движения можно только при переходе от родовой логики развития к индивидуальной. Очевидно, что это исключение не противоречит принципу Реди. В эволюции, возникающей на основе социальной организованности, такое развитие осуществляется не посредством *смены* «отработанного» *организма*, а за счет каскадной *смены психофизических состояний* пространства-времени, отвечающего этому организму, остающемуся эволюционно-активным неограниченное время. Иначе говоря, в ходе заданной психофизической трансформации — «пресуществления» — человека не происходит отчуждение генотипа, его наследственное обособление в автономном пространственно-временном объеме, отвечающем *потомственному* организму.

Многократно-повторное, стремящееся к бесконечности, вхождение организма своим изменяемым геномом в активную область эволюционных процессов, встраивание его в эволюционную последовательность в качественно обновленном виде, непрерывное участие в эволюции как *другого* неделимого определяет главную черту культурной формы эволюционного процесса, ее отличие от биологической. Благодаря этому в активной эволюции возможно ограничение ее субстрата конечным числом поколений, замыкание эволюции в наличном геоэтносе. Ясно, что в этом случае требование достижения максимального долголетия, в пределе — бессмертия, которое необходимо в нравственном аспекте активной эволюции, является таким же необходимым историческим обстоятельством и в природном аспекте.

Проективная, социальная по своей форме эволюция вмещает качественный континуум вырабатываемых «изотопов» человеческого организма (и в известном смысле — самой личности) в одном организме, увеличивает его эволюционную мобильность, концентрирует эволюционную мощность, распределенную в условиях биоэволюции по линии рода, в замкнутом психофизическом объеме отдельного — терминального — представителя этого рода.

Бесконечные линейные цепи родовых генетических передач зацикливаются сначала на текущих своих звеньях, а с воскрешением умерших отцов — на каждом представителе исторически полного геоэтноса. Такое внутреннее, исторически совершающееся замыкание эволюции в конечном множестве поколений сопряжено с изменением ее характера, оптимизацией и интенсификацией ее хода.

Идея интенсивной эволюции, органически свернутой, сжатой в точном биологическом объеме культурного живого вещества, ставит задачу выработки иного генетического алгоритма наследственности. Это связа-

но с тем, что в условиях биологической эволюции человек, как и всякий организм, представляет собой некоторую фиксированную «точку», морфологическую константу; он лишен свойства непрерывной анатомической перестройки собственного психофизического объема, которая динамически отражала бы его молекулярно-генетическую структуру, меняющуюся под воздействием как физиологических переживаний организма, так и духовного жизненного опыта личности. Организация прижизненных психофизических модернизаций возможна только при наличии нового реального способа введения генетической структуры в эволюционное действие — культурной органопластики, отличной от биологической передачи-наследования. Эта процедура, внутренне перерождающая родительский организм в потомственный, представляет акт генетической автовосприимчивости-самонаследования. Терминальный родовой организм, циклически совмещающий в индивидуальном психофизическом объеме-поле жизни любую пару последовательных организмов и благодаря этому вмещающий в себя всю чреду последующих поколений, должен обладать способностью генетически перевоплощаться, гибко перестраиваться в соответствии с постоянно изменяемым в нем генотипом без посредства внешних, потомственных организмов. Это путь «обвнутрения» эволюции, ее углубления; в конечном счете такое внутреннее «усиливание человечества есть процесс его бесконечного одухотворения, инволюция, поступание в себя самого; или в себе самом нарастание силы, иннервация, возврат в его собственное нутро» [76, л. 71-72].

Интенсификация эволюционного процесса, кроме того, выявляет новое значение мышления в организации культурной эволюции, или психофизической регуляции. Осуществляя ее, человек не может оставаться пассивным регистратором стихийно вырабатываемых свойств психической полноты и органической устой-

чивости, бессознательно вписываемых в его генетическую матрицу. Активная роль человека, принимающего творческий вызов социоприродной истории, должна проявляться в сознательном задании вектора своего развития в бесконечномерном пространстве возможных органических состояний, т.е. в выборе эволюционного коридора, в фокусировке мутаций и овладении законами мутационных модернизаций.

Научно пока точно не исследованные, сложные и многофакторные процессы мутаций и видоизменений подлежат сознательному охвату психофизиологической регуляцией. В ходе истории цивилизации человек стихийно и все более глубоко входит в генетическую структуру общества, участвует в процессах изменчивости; в безотчетной форме он уже сегодня влияет на морфологические и психические свойства Homo sapiens. Об этом, например, свидетельствуют факты изменения человеческого генофонда в экологически бедственных регионах. Такие изменения — область мутагенных процессов, связанных с промышленной деятельностью общества, нерегулируемой культурной функцией. Явления мутаций в живом веществе, вызванные бесконтрольным проявлением мышления в виде промышленного загрязнения природной среды, выбросов в нее химических, радиоактивных и иных концентратов, изменения ее термодинамических и электродинамических констант, в обычных условиях геологически устойчивых, могут быть сведены к действию психомутагенов. Их характер определяется конкретными экологическими обстоятельствами и может выражаться, опосредуясь, например, химическими мутагенами.

Задача психофизической регуляции в области этих явлений сводится к целенаправленному и контролируемому проявлению мутагенных свойств мышления. Видоизменение Homo sapiens, получив социальную детерминацию, в конце концов, полностью перейдет в

область действия психических факторов. Обоснованное включение явлений мышления в генетический «механизм» привело бы к целенаправленной переработке генной структуры личности, универсализации психофизической сущности человека, осуществляемой последовательностью заданных трансформаций.

Таким образом, проблема психофизиологической регуляции внутренней природы, таинство «пресуществления» данной натуры человека и его духовной сублимации имеет несколько смысловых измерений, а по своей сложности она явно превосходит явления биосферной регуляции и предполагает проективную эволюцию социоприродного Универсума.

Бессмертие человека

«Типичной неправдой», физически узаконенной в мире, является смерть, — таков один из непреложных выводов «нравственной философии» В.С.Соловьева [68, с. 307]. Федоров считал ее ярким и печальным следствием человеческого несовершеннолетия, несамостоятельной жизни.

Обобщенная система воззрений космософов развивает представление о смерти как о случайности, ненормальном и насильственном прерывании сознания; как о врожденном дефекте разумной сущности, подлежащем управлению. Тогда бесконечность личности в творческом измерении пространства-времени вселенной и вечность Космоса обретут равновеликие смыслы. Включение человеческой жизни, в ее новой природности, в круг онтологических проблем мироздания может служить верным критерием космичности рассматриваемых учений. Они охватывают тайные, научно пока неведомые глубины внутреннего мира, организованность

психофизического пространства-времени личности — антропокосмос так же глубок и бесконечен, разнообразен и сложен, как и макрореальный космос.

Бесконечность развития для ограниченного существа может пониматься либо как родовое свойство, и тогда необходимо благословлять неостановимую чреду поколений, обрекать на заклание все новые и новые органические смены во имя никем реально не достигаемого и достоверно не свидетельствуемого совершенства; либо бесконечность развития, признаваемая как актуальное творчество и самотворчество личности, неизбежно должна осуществиться в природе человека. В последнем случае задача культурно-активной эволюции («автогонии», [88, с. 299]) заключается в том, чтобы вместить бесконечное во всех смыслах усложнение, совершенствование в непрерывное пространство-время жизнемысли каждой отдельной личности, т.е. личным, беспрерывно деятельным существованием и немеркнущим сознанием охватить весь континуум морфологических, психических состояний человеческой сущности, выразив его, в конечном счете, в духовной организованности объема реальности, отвечающего этой личности.

Как уже отмечалось, смысл психофизической регуляции, если исходить из биогеохимических принципов, заключается в прогрессивном удержании в био-ноосфере сознания в состоянии его продолжающейся духовной продуктивности. Стремление к увеличению максимальной видовой продолжительности жизни Homo sapiens соответствует стремлению к возможно полному выявлению разума, действенной культурной биогенной энергии в структуре планеты. В политическом, государственном значении достижение долголетия представляет важную национальную задачу, решение которой приведет к значительному росту тезауруса — интеллектуального ресурса общества, повлечет коренную перестройку господствующего менталитета, скажется в идео-

логической, экономической, научно-технической и других сферах общественной жизни. Охватывая эту задачу с общечеловеческих позиций и ставя ее в масштаб планетных явлений, следует признать увеличение продолжительности жизни глобальной проблемой современности. Эволюционно-проективная философия осмысливает ее в предельной логической постановке — как возможность человеческого бессмертия.

Исходя из этической аксиомы «*добро есть жизнь*», программной целью деятельности человечества, в планах познания и овладения им высшей нравственностью, космософия полагает достижение бессмертия — силой науки планетарное сообщество постепенно утверждает личное бессмертие каждого человека. «В настоящем самым ценным была бы жизнь, если бы смерть не лишала ее всякой цены. Поэтому жизнь трудом восстановленная, а следовательно, *жизнь уже бессмертная и есть высшая ценность*» [82, т. 2, с. 189].

При этом *личное* бессмертие не мыслится как единоличное, эгоистическое выживание «избранных» в чреде социально-геологических катаклизмов. Личность вырабатывает бессмертную сущность только в результате *общего* дела. Его общность состоит в том, что цель здесь выражает общечеловеческую значимость бессмертия, призывая к нему каждого и не отказывая в вечной жизни ни какому из «сынов человеческих», а также в том, что бессмертие зарабатывается сообща, совместным трудом — «толоками и помочами» [82, т. 1, с. 601], оно достигается соборно.

Совершенно ясно, что задача обоснования принципиальной неизбежности смерти или, напротив, отдаленной возможности бессмертия для представителей Homo sapiens не может решаться этическими методами, она, будучи нравственно возбуждена в сознании, должна формулироваться в научных терминах[11]. В этой связи перед наукой с растущей отчетливостью вырисовывается обширный проблемный круг [см., напр.: 20].

С момента, когда мысль о возможности личного бессмертия вошла в сознание человека и, особенно, когда наука уже может силой имеющихся средств точно подходить к исследованию этого вопроса, смерть перестает быть *невольным* явлением, она становится *самоубийством* и *умышленным убийством* личностей обществом, ибо оно не делает сознательных попыток преодоления смерти. Общество, научно не занимающееся вопросами долголетия и бессмертия — их окончательным разрешением, — остается стихийно организованным; оно признает во всех смыслах целесообразной догуманную и вне-разумную основу своей организованности — безжалостный вихрь бренных неделимых. Такая организованность свидетельствует о незнании настоящей, объективно выводимой разумной цели, иной целесообразности, возникающей в ходе геологического эволюционного процесса, в условиях которой и общество, и сам стихийно начатый на Земле процесс не могут развиваться бессознательно и невольно. Однако именно динамическое строение дисперсной структуры организма, его атомно-молекулярная организованность — постоянный ток вещества, энергии и информации через организм — является необходимым условием бессмертия. Овладение законами структурного обновления организма позволит осуществлять непрерывную его перестройку без снижения его жизненности, исключить характерные в условиях биосферы старение и физическую деградацию индивида. Этим путем, частично уже реализуемым в биотехнологии клонирования клеток, возможно не только решение «санитарного вопроса» — избавление от явлений болезни, — но и прямое омоложение организма.

В связи с этим представляет несомненный интерес тот факт, что наука как бы невольно подходит к вопросам долголетия и бессмертия человека с точными методами их исследования. Учитывая современные темпы

роста научного понимания человека как объекта точного знания биологических наук и принимая в расчет прогнозы специалистов, работающих над расшифровкой генетических текстов человека, можно ожидать, что уже в следующем, XXI веке будут определены все *теоретические основы* бессмертия. Потребуется после этого еще несколько поколений, чтобы человечество практически освоило этот научный фундамент, т.е. добилось реального бессмертия. Можно сказать, что бессмертие уже сегодня становится вполне отчетливым «реальным идеалом», от достижения которого современное общество отделяет всего полтора столетия. Его осуществление непременно вызовет колоссальные политические, социальные, экологические и другие последствия, примеров которым в истории человечества не было. Ввиду такого стихийного хода научного знания в этой области перед человечеством встает новая глобальная угроза, поскольку ясно, что перспектива обретения бессмертия требует коренного и быстрого пересмотра современных норм цивилизации, господствующих мировоззренческих догм, становящихся неизмеримо более смертоносными, нежели в условиях нынешнего общественного порядка. Совершенно очевидно, что к этой глубокой работе общественное сознание, при существующих традициях регулирования планетного бытия и в современной идеологической среде, не готово.

«Полноорганность»

Другим вектором функции управления, обращенного также на человека и составляющего частную задачу психофизиологической регуляции, является культурно-эволюционная выработка совершенного человеческого организма, стремление к максимальной полноте

физического выявления духовных возможностей жизни. В целом для русского космизма это направление антропной регуляции сводится к достижению человечеством «полноорганности» — возможности «фабриковать всю свою телесную оболочку со всеми органами, кои делали бы ненужными искусственные покровы и орудия...» [82, т. 1, с. 296].

Совершенное не может находиться человеком в природе в готовом виде; оно есть совершённое (сделанное или исполненное, реализованное) им самим. Путь к совершенству, тесно связанному с обретением бессмертия, заключается в необходимом свершении, или, в терминологии проекта Федорова, — ургии. Полноорганное существо — это человек, который совершил, сотворил себя, то есть уже самодеятельный, совершенный и «совершеннолетний». Поэтому, ставя перед собой цель достигнуть совершеннолетия, человечество будущего с необходимостью должно будет заняться *«естественным тканетворением, ...органосозиданием»* [82, т. 2, с. 296]. С помощью этих органов или способов, средств он будет перемещаться и добывать себе в пространстве вселенной материалы для построения своего организма [82, т. 1, с. 318].

В этом же направлении шла «активно-эволюционная мысль» В.И.Вернадского, когда он размышлял об автотрофности — способности абиогенного, без посредничества живого вещества, синтеза пищи: «Для решения социального вопроса... необходимо изменить форму питания и источники энергии, используемые человеком» [9, с. 240].

Интересно, что еще одна гипотеза, высказанная И.А.Ефремовым, по всей видимости, на основе научно-художественного анализа учений Древнего Востока, воспринятая в контексте космософии, также выражает одну из необходимых ступеней в достижении человечеством полноорганности. Она состоит в том, что вторая

сигнальная система человека должна со временем уступить место более совершенной — третьей — сигнальной системе (общение мыслеобразами, использование телепатии, слабого энергоинформационного взаимодействия и проч.). К аналогичным выводам приходит и философ *А.К.Манеев*, гипотетически допуская возможность бессубстратного энергоинформационного обмена при переходе человека в состояние полевой реальности [36, с. 95]. В условиях быстрого роста знаний современный человек все чаще сталкивается с тем, что объемные, многомерные представления, имеющие сложную смысловую топологию, не могут системно охватываться вербальным мышлением, адекватно выражаться линейными, одномерными информационными структурами, например текстом. Переход к обмену мыслеобразами значительно расширяет формат сознания, увеличивает его информационно-смысловую мощность, а также точность и скорость информационных взаимодействий.

В более широком — федоровском — смысле, полноорганность, как вселенская архитектура разумной жизни, позволит человеку проявлять свойства, необходимые для существования во всех мирах и средах, и таким образом сделаться существом всеобщим, способным жить всюду [см.: 82, т. 1, с. 332]. В такой постановке вопрос о достижении состояния полноорганности тождественен задаче антропного выражения принципа всеобщности и всюдности жизни.

Затрагивая историю научного подхода к проблеме автотрофности, Вернадский писал: «Мне кажется, этого круга идей никто не касался, по крайней мере я не знаю» [58, с. 120]. В действительности, к концу XIX века идея полноорганности, высказанная в той или иной форме, и в особенности автотрофности, имела свою традицию.

Одним из первых проблему непосредственного синтеза питательных веществ из неорганических элементов, вне зависимости от окружающей живой природы,

поставил С.А.Подолинский. «Мыслим и другой способ возрастания питательных веществ... это непосредственный синтез веществ, служащих людям пищей, из неорганических элементов, их составляющих» [60, с. 75]. Решение этого вопроса увязывалось ученым с ростом энергобюджета планеты. «Добывание синтетическим путем органических веществ в настоящее время еще не может служить предметом промышленности, но в случае того изобилия в даровых двигателях и высоких температурах, какое обещает нам доставить солнечная машина, это препятствие совершенно отойдет на второй план» [60, с. 75]. (В этой связи интересен прогноз Вернадского, в котором в качестве возможного срока достижения автотрофности он указывал *2000-й* год [см.: 14]. Уже при жизни нынешнего поколения он будет проверен и уточнен.)

Вопросы искусственного получения питательных веществ из неорганических материалов составляли научный интерес Д.И.Менделеева и К.А.Тимирязева. Как химик, Менделеев был убежден в возможности приготовления питательных веществ «из сочетания элементов воздуха, воды и земли помимо обычной культуры, т.е. на особых фабриках и заводах» [38, с. 153]. Тимирязев, в свою очередь, считал, что когда «физиологи выяснят в малейших подробностях явления, совершающиеся в хлорофилловом зерне, химики разъяснят и воспроизведут вне организма его процессы синтеза...; физики дадут теорию фотохимических явлений и выгоднейшей утилизации солнечной энергии в химических процессах; ...тогда явится находчивый изобретатель и предложит изумленному миру аппарат, подражающий хлорофилловому зерну, — с одного конца получающий даровой воздух и солнечный свет, а с другой — подающий печеные хлебы» [79, с. 166]. Размышляя о социальной значимости открытия химиками тайны синтеза сложных органических веществ, Тимирязев ставил его как вопрос о будущих судьбах человечества.

В первом приближении современной наукой уже выработан ряд подходов к решению этой насущной проблемы. При этом важно отметить, что она не сводится исключительно к вопросам *физико-химического* синтеза, здесь могут быть использованы определенные свойства микролептонных полей [см.: 28].

Великая идея «обратить камни в хлебы», перспективы искусственного воспроизведения сахара и белка постоянно, начиная со второй половины прошлого столетия, находятся в круге проблем, охватываемых научной и социально-философской работой. В творчестве Вернадского гипотеза автотрофности стала одним из центров «притяжения» его мысли; сама идея воспринималась им как интереснейшая научная и социальная проблема. В 1919 году он записал в дневнике: «Для меня ясно, что переход человека в автотрофный организм через развитие научной работы есть естественный процесс, всецело попадающий в рамки других геохимических процессов. Точно также, как и весь рост культуры» [77, с. 70]. Эта тема получила дальнейшее развитие в статье В.И.Вернадского «Автотрофность человечества». «Непосредственный синтез пищи, без посредничества организованных существ, как только он будет открыт, коренным образом изменит будущее человека. ‹...› Нужно уже сейчас готовиться к пониманию последствий этого открытия, неизбежность которого очевидна. ‹...› Создание нового автотрофного существа даст ему доселе отсутствующие возможности использования его вековых духовных стремлений; оно реально откроет перед ним пути лучшей жизни» [9, с. 241, 243].

Решение вопроса искусственного *получения органической пищи* ведет к появлению *социального* свойства автотрофности. Однако нет никаких оснований считать социальную форму этого явления единственно допустимой. Дальнейшее научное углубление проблемы человеческого автотрофизма ставит новый вопрос — о возмож-

ности непосредственной (внепромышленной), *индивидуальной автотрофности организма,* требующей коренной перестройки физиологии питания. Последнее мыслилось в русском космизме как творческий процесс «обращения человеком элементарных, космических веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани» [82, т. 1, с. 317-318].

Открытие «внутреннего синтеза» — условий самостоятельной *выработки человеческим организмом необходимых для его жизни веществ и энергии из неорганических материалов*, а затем, идя дальше, и вне-физиологической непосредственной их аккумуляции в духовно организованном объеме-поле, отвечающем личности, неизбежно затронет все материально-энергетические основы человеческого организма, обязательно скажется на физиологическом субстрате жизнедеятельности.

К.Э.Циолковский в своей космической философии, по сути продолжая идею психофизической регуляции, утверждал неизбежность превращения человечества в «единый вид лучистой энергии» [88, с. 424]: формой жизни станет «лучевое состояние высокого порядка, которое будет все знать и ничего не желать, то есть... состояние сознания, которое разум человека считает прерогативой богов» [88, с. 426].

В этой перспективе создание автотрофного человеческого организма, связанное с «пресуществлением», «сверткой» животной физиологии, ведет к появлению всеобщего, полноорганного существа. Полноорганность не представляет неизменное, жестко фиксированное физиологическое состояние пространства-времени человеческого организма; она выражает безграничную и беспрепятственную потенцию любых необходимых органических воплощений в заданных функциональных и морфологических типах. Полноорганное существо, таким образом, не может мыслиться как органическая константа; полноорганная сущность, являясь биоло-

гическим тензором, всякий раз «пересчитывается» в необходимую в условиях различных сред форму своего максимального жизнепроявления, ее вселенское бытие есть «организм in potentia» [8, с. 80]. Биологический полиморфизм проявляется свойством универсальной предадаптивности всемирного человеческого существа к материально-энергетическим, органическим, термодинамическим и прочим условиям различных миров; он означает становление в структуре Космоса всеединой, инвариантной формы «духоносной жизни». В этом смысле полноорганность есть универсальная всеготовность, мобильность разумной жизни и сама динамически воплощающаяся сила этой жизни, ее всепроникающей вездесущности.

Таким образом, план достижения полноорганного состояния является логическим продолжением идеи автотрофизма. Из этого плана, помимо частного случая — автотрофности, — следуют и другие, пока мало поддающиеся прогнозированию, вероятные способности будущего человека жить в различных средах в форме совершенно непредставимой ныне материальности и отличной от белково-нуклеиновой организованности. Эти возможности неотделимы от статуса бессмертности человеческого существа. Примечательно в этой связи, что Вернадский именно с автотрофностью связывал возможность достижения бессмертия. «Любопытно, что переход человека к автотрофности как будто ведет его к *бессмертию*? ‹...› Для возможности бессмертия — или чрезвычайного долголетия человека — с геохимической точки зрения любопытно одно явление, которое точно связано с ростом культуры и с приближением человечества к автотрофности. Это то, что чрезвычайно увеличивается геохимическая работа человечества, не направленная на получение пищи и на питание. Несомненно, этим путем — путем развития рудного дела, торгового обмена, строительства, промышленности — постепенно заменяется целый ряд химических

процессов, связанных с гниением, ...с умиранием. Эти явления как бы заменяют, в будущем ненужную для геохимических процессов, но пока для них необходимую, смерть» [11, л. 179, 181] В других заметках, также развивая идею бессмертия с биогеохимических позиций, Вернадский резюмировал: «Вполне возможна такая структура живого вещества без нарушения его химического равновесия, когда *автотрофное человечество* бессмертно, т.е. не будет давать трупов» [12, л. 3].

Автотрофность, бессмертие, полноорганность — *атрибуты* подлинной *духовности*. Проблемы достижения этих состояний являются, по сути, разными гранями одного вопроса о возможности нравственной структуры жизни — духовной многомерности человеческого существа, творческого бытия личности. Только в духовно организованной социальной реальности нравственность выявляется в абсолютной полноте.

Проблема «нового человека» печально традиционна для общества, а в новейшей истории приобрела зловещий смысл. И тем не менее, она не может быть закрыта или полностью упрятана в идеологические постулаты современных цивилизационных норм. Так или иначе, «новый человек» явится в мир с той же неизбежностью, с которой в нем проявляется культурная биогенная энергия. Поэтому действительно напряженно-насущный вопрос заключается не в Super Homo sapiens как таковом, а в приемлемой практике его культивирования. Принципиальное решение этого вопроса русским космизмом означает не директивную переделку, а сугубо интимное и глубоко личное превозмогание, изживание «даровой природы» посредством общего дела воссоздаваемой и трудовой; в этом состоит техника и искусство самовозрастания личностей, из коих постепенно слагается, соборуется, образовывается социальное богоподобие.

Проективный человек, возникающий «на выходе» многих космистских построений, вырабатывается в жизни не на «операционном столе» социально-гуманитарных революций, путем вживления ему «доброкачественных» генов и имплантацией совершенного мозга. В каждый исторический момент степень воплощения идеала совершенного человеческого существа непрерывно соответствует культурно-эволюционным возможностям био-ноосферы. Совершенно правомерно С.Г.Семенова подчеркивает важную для точного понимания активно-эволюционной мысли русского космизма идею *органичного произрастания* эволюционно продвинутого типа Homo [см.: 66].

Принцип *«органической постепенности»* можно считать *этическим обобщением* проективной мысли русской космософии. Однако он не ограничивает возможные формы личного совершенствования исключительно *биологическими* закономерностями эволюционной трансформации. Учитывая психогенную основу активно-эволюционного процесса, следует предполагать, что пластичность культурного организма может достигаться действием не природно-генетических, а, главным образом, психических факторов и выражаться не циклами перерождений, а направленной последовательностью творческих актов пересоздания.

Психогенные процессы становятся своеобразным инструментом *психофизического самоопределения личности*. Они существенным образом меняют характер «тихой эволюции», идущей в биосфере линейным путем биологического накопления бесконечно малых разностей; критерий органической гладкости эволюционной кривой в обычном его виде нарушается, однако «священная постепенность» сохраняется в другом смысле — методы проективного совершенствования человека органичны и «естественны» в условиях активно-эволюционного процесса. Он идет в «режиме с обострением»

разрывными точками переходных состояний. Каждый акт критического перехода в иную психофизическую качественность есть точка такого разрыва.

Гипотеза *прерывной эволюции* принималась Вернадским — он отмечал в геологической истории Земли периоды резкого ускорения процесса эволюции, «как бы взрыва эволюционного процесса» [19, с. 143, 270]. Такие скачки приводили к изменениям живого вещества, в частности — к появлению Homo sapiens. В рамках этой же гипотезы Вернадский считал вероятной (хотя и в очень малой степени) возможность особых условий в геологической истории планеты, в которых мог происходить абиогенез — непосредственное создание живого организма из косной материи, т.е. в целом зарождение жизни на Земле. Этого нельзя наблюдать в современной биосфере — между ее живым и косным веществом существует резкая грань, не допускающая подобных переходов.

Предположение о прерывной эволюции высказывал также Флоренский, не раскрывая его конкретного исторического содержания [см.: 85, т. 1(2), с. 684].

Представление об особых условиях планетного и космического эволюционного процесса глубоко и очень точно характеризует самые основы космософского мировоззрения. «Эволюция биосферы связана с *усилением эволюционного процесса* живого вещества. Мы знаем теперь, что в истории земной коры выясняются критические периоды, в которые геологическая деятельность в самых разнообразных ее проявлениях усиливается в своем темпе. ‹...› Можно считать эти периоды *критическими* в истории планеты... ‹...› Эволюционный процесс совпадает в своем усилении, в своих самых больших изменениях с этими периодами» [18, с. 29].

Становление ноосферы — *антропогенное изменение эволюционного процесса* — также можно принять отвечающим очередному, в настоящее время переживаемому, критическому периоду в истории Земли — этапу

культурного освоения человечеством геологического явления. Это переживание по-настоящему еще не осмыслено в аспекте его конкретной эволюционной проблематики, однако нельзя сомневаться, что в будущих исторических эпохах этого критического периода человек, как сознательный центр планетной эволюции, перейдет к планомерному охвату природной необходимости целесообразной регуляцией. В антропорегуляции это должно проявиться, помимо прочего, исключением из организованности общества явлений болезни, рождения и смерти, «осуществлением» жизни чредой «паки-и паки-бытия» — обновлением и развитием каждого человеческого индивида вне циклов рождения и смерти, путем «духовного зачатия» и последующей «атомной сборки» (использующей совершенные *нанотехнологии*) модернизированной психофизической структуры личности. В яркой и поэтичной форме мысль о «научном преобразовании организмов» [см.: 43] выражена В.Муравьевым — глубоким и интересным социальным мыслителем: в ходе «обработки человеческой личности» каждое новое ее перевоплощение связывается с процессами двух родов: физико-химического синтеза субстрата жизни человека и определения его морфологических и психофизических свойств. «Первый будет осуществлен в лаборатории, второй же может быть совершен *путем составленного группой лиц проекта этого человека* в виде формулы, регулирующей вышеуказанный химический процесс. Так же как врач дает рецепт лекарств, группа эта вырабатывает проект нового человека, который затем будет технически осуществлен в лаборатории» [43, с. 99, 102]. При этом «самый объект творчества имеет рядом с научной еще и художественную сторону. Он представляет собой художественное произведение, вырабатываемое в научных рамках при помощи научных средств» [43, с. 103].

Помимо подобного психофизического преображения совершенствование человеческого существа мыслилось в русской космософии достижимым путем селекции. Мысль о необходимости санкционированной селекции свойственна представлениям Циолковского и Умова, она рефреном звучит в воззрениях Сухово-Кобылина: «Огонь социальной селекции... есть вернейшее и единственное средство или инструмент дальнейшего и бесконечного одухотворения... до идеальной формы абсолютного Духа» [71, л. 33].

Более обоснованная в системе взглядов мыслителей-космистов тактика самовозрастания личности, все же, связана не с селективной работой совершенных умов по улучшению «крупноинтеллектуальной породы» человека. Не генная инженерия дает ключ к управляемому метаморфозу, а этика и психология открывают путь генетике. Доминирующей в русском космизме остается идея «прорастания» человека, сообразного и соразмерного проективному миру, уравнения его с космогонической силой за счет осмысленной интенсивной психической жизни. Поиск доступных направлений духовной эволюции Homo sapiens, выработку конкретных путей его физического совершенствования русский космизм определяет как задачу науки.

Автономность и самостоятельность психофизиологической регуляции, однако, не отменяет, а наоборот, усиливает требование синхронизации, согласования частных регуляций: лишь сфокусированная в мощный поток индивидуальных пресуществлений развиваемая в ходе регуляции культурная энергия способна «пробить» метафизику общественного бытия. Кроме того, полноорганное существо не составляет всей цели; ее перспективный план задается тем, что всеединый человек после устройства планетарного бытия Земли — ноосферы, телесно претворяясь в пространстве-времени Универсума как инвариантная форма жизнемысли, при-

зван оживлять и одухотворять иные миры с их возможно мертвыми планетами и угасшими светилами. В этом русский космизм видит космологическое значение человека, духовности.

Для подобного деонтологического преображения миропорядка необходимо «просветленное и одухотворенное человечество» [85, с. 81], соединившее в своем сознании знание явного природного мира и просвещенное подсознание — «подвал» психики. Homo sapiens, по существу человек подсознания, должен быть исторически возделан и олицетворен как существо действительно сознательное — *Homo nous.*

Осмысливая эволюционные идеи Вернадского в контексте реальной исторической ситуации, сопоставляя с ней перспективы природно-социального развития, Б.Л.Личков связывал движение к ноосфере с обязательными обстоятельствами, которые сами могут быть определены как частные, самостоятельные цели: «Два момента... являются предпосылками замены антропосферы ноосферой: господство человека над внешней природой и господство в самом человеке и в человеческом обществе сил разума над низшими инстинктами» [57, с. 123-124]. Оба требуемых условия задаются в проекте регуляции и могут быть выполнены в результате целенаправленного общего дела. При этом в русском космизме, как и в контексте современных представлений о биосфере и человеке, *господство* не может мыслиться как *потребительский произвол*, а необходимо вмещает в себя разумное использование сил и вещества природы в интересах коэволюции. «Практические задачи науки о природе... сводятся к подчинению явлений природы воле человека. Но так как природа может быть покорена только путем раскрытия действующих в ней закономерностей и разумного их использования (“natura non vincitur nisi parendo”), то мы можем сказать, что, стремясь подчинить себе природу, человек

должен в то же время сам подчиняться ее законам. Слово "подчинение" здесь, следовательно, имеет двоякий смысл» [87, с. 7]. Осуществление геопланетной регуляции даст человеку целесообразное господство над внешней природой, призванное служить фактором сбалансированного развития системы «цивилизация—биосфера». В свою очередь, техника психотрансформизма и социальная регуляция способны обеспечить превентивное господство высшего начала в самом человеке, образовать психократическое совершеннолетнее общество. Культивирование духовно обогащенной природы человеческого существа позволит, рано или поздно, включить просветленное и познанное подсознание в область регулируемых сознанием процессов, расширить сознательный охват человека практикой саморегуляции. Антропорегуляция, в силу неразвитости знаний о человеке относительно разработанности естествознания внешнего мира, представляется наиболее трудоемкой задачей, а методы ее решения — едва ли не мистическими. Вместе с тем, угроза экологической катастрофы, явившаяся не единственным и далеко не последним следствием нравственного опрощения многих людей, их мировоззренческой адаптации в условиях материально-меркантильных взаимоотношений, наглядно свидетельствует, что управление внешними силами, высокими мировыми энергиями без опережающего или одновременного пресуществления внутренней натуры, без нравственного прогресса — дело не только бесполезное, но и чреватое еще большими бедствиями, нежели те, от которых человечество пытается спастись посредством биосферной, «метеорической» регуляции. Тем более фатально зависимы от регуляции антропного и социального естества исторически отдаленные стадии ноосферного строительства; переход биосферы в ноосферу, принимая, рано или поздно, форму планомерного, управляемого процесса глобального развития, тем самым в своей функ-

циональной основе и по существу становится определяемым обществом. При этом антропорегуляция является необходимым выражением, свойством социальной организованности в динамическом строении геоструктуры.

Глава 5
Активно-историческое делание

Политико-экономическая модернизация общества

Анализ в культурном аспекте процессов направленного изменения геологической и органической структур Земли выявил *естественную* сторону социальной организованности — влияние человечества на ход биосферных циклов. Полный охват свойств организованности социальной системы предполагает рассмотрение другой стороны взаимосвязи планетных явлений — отражения природного эволюционного процесса на строении самого общества, т.е. возможности преобразования общества за счет сознательного и точного учета тенденций глобального развития.

В геоструктуре общество выделяется как критическая для организованности планеты область явлений разумной жизни. Процессы мышления социального живого вещества, определяющие организованность общества, охватывая биосферное строение, формируют на

его основе новую планетную реальность — ноосферу. Обусловленная работой сознания, она, совершенно ясно, не представляет собой только идеальную структуру — особую духовную область («ауру»), аккумулирующую «чистую мысль»; ноосфера реально возникает как природная *среда проявления* сознания и, следовательно, неразрывно связана с перестройкой материально-энергетических процессов биосферы. Мысль как бы самостоятельно участвует в физических, химических и иных взаимодействиях, перерабатывая организованность биосферы. «Здесь перед нами встала новая загадка. *Мысль не есть форма энергии*. Как же может она изменять материальные процессы?» [15, с. 509].

Оставляя в стороне предположение о возможности прямого давления сознания на биосферу, ее переработки непосредственной «силой» мысли, следует признать, что все изменения биосферной организованности совершаются только путем опосредования мышления социальными «механизмами» (функциями) воздействия на среду жизни, т.е. посредством организованного культурного опыта человечества. Единственным способом, которым человек реально, с психозойского времени, меняет организованность био-ноосферы, является та или иная социальная техника культурной модуляции проявления его воли и разума; действенность сознания, в планетном масштабе ее последствий, невозможна вне человеческой культуры жизни. В этом аспекте социальная организованность представляет расширяющийся базис культурных *геологических* и *биологических функций* человечества.

Все действенные формы, исторически находимые сознанием для своего материально-энергетического выявления и роста этого выявления в структуре Земли, обязательно включаются в круг социальных факторов — культурных функций — планетной организованности; они социально оформляются и используются обществом

в ходе его развития для формирования культурной среды жизнемысли — ноосферы, реализуя тем самым объективное стремление к росту максимума мышления в био-ноосфере. Любые непосредственные проявления сознания, социально не приобщаемые к культуре жизни цивилизации, не превышают масштаба биогенного действия, характерного для биосферной организованности; психический организм, проявляющий разумную волю вне социальных процедур культурного давления на среду жизни, не превосходит заметно в своем геохимическом или ином биогенном значении другие виды живого вещества, он есть организм в обычном для биосферы смысле.

Таким образом, планетные функции человечества определены историческим состоянием социальной среды — области нового для биосферы целеполагания и роста охвата процессами мышления природных явлений. Уровень культурного давления разума на область своего проявления связан с изменением исторической обстановки. Сознательное стремление к максимальному выявлению мышления в био-ноосфере ставит вопрос социально-исторического управления, собственно *социальной регуляции*, посредством которой общество закономерно становится сознательным центром глобального эволюционного процесса. Реальное начало общему делу может быть положено только необходимыми изменениями в самом обществе, являющемся при этом и субъектом, и, одновременно, объектом социального управления.

Смена социальной обстановки, непрерывно происходящая в историческом времени, является совершенно очевидным фактом. Так же, как и изменение биосферной среды, она совершается через различные формы действенности общественного сознания. С точки зрения представления об организованности общества они являются особыми культурными планетными *функциями человечества,* направленными на его системную

природу — идеологической (целеполагания и целенаправления), научной (концентрации знаний в земной коре), политической, экономической и другими, исторически необходимыми для максимального выявления духовных свойств био-ноосферы. *Мысль,* благодаря этим социальным культурным функциям, *сама формирует условия своего наибольшего проявления.* В этом выражается основное свойство организованности исторически определенной ноосферы, или актуальной био-ноосферы.

В области *политико-экономического управления* смысл социальной регуляции заключается в сознательном овладении этими функциями, или, по смелой мысли Муравьева, — в *«организации правильного ритма коллективных человеческих действий»* [46, л. 23], т.е. в «ритмизации истории».

Целью планомерного исторического делания русская космософия полагает выработку высших форм социального единства, международной соборности всемирного человечества, достижение обществом «братского состояния» [82, т. 1, с. 1-352], в котором открывается подлинный коллективизм. «Идея об едином государственном объединении всего человечества становится реальностью... пока только реальным идеалом, в возможности которого нельзя сомневаться. Ясно, что создание такого единства есть *необходимое условие организованности ноосферы*, и к нему человечество неизбежно придет» [18, с. 82] (курсив мой. — *А.О.*). Действительное историческое единство человечества служит, посредством всемирной регуляции, осуществлению грандиозного космо-планетного проекта. Целью политики, в таком случае, должно быть «создание такого строя, который имел бы задачей объединять людей в работе над изменением мира в смысле преодоления хаотического разброда разъедающих его времен. Этот строй, по его конечной цели — власти над миром — можно назвать в последнем итоге космократией» [44, с. 110].

Уже в биосферном масштабе природная регуляция, будучи осознана как глобальная задача, требует совокупного и согласованного действия всех землян, что предполагает наличие слаженного общественного организма, в коем единство вырабатывается на основе идеи всеобщей регуляции.

Такого единства, не принимая в расчет информационный, экономический или иной паллиатив, в обозримой истории общества еще никогда не наблюдалось, что обнаруживает *«несовершеннолетие»* человечества. Конкретные причины его кроются в «небратском» состоянии общества, под которым подразумеваются «все юридико-экономические отношения, сословность и международная рознь» [82, т. 1, с. 9]. Напротив, братство у Федорова — не образ социального равенства, не символ искусственных, переродившихся общественных отношений, а буквальное и изначальное, *природное* братство — по отечеству, через любовь и принадлежность *от рождения* к общим отцам. Поэтому *восстановление* «братского» состояния есть непременное и самое естественное условие существования и дальнейшего развития человеческой популяции. В этом смысле «максимальная социальность», держащаяся родственно-любовными скрепами, не представляет исключительно «инструментальную» ценность; она, одновременно, сама есть часть проекта, выражающая стремление общества к полноте и совершенству своего бытия.

«Братотворение» сынов человеческих совершается, по проекту Федорова, признанием общих отцов, долга воскрешения единого «праотца». Такая генеалогическая ретроспекция сказывается во всех сферах жизнедеятельности общества, меняет структуру его институций.

Братское общество не может быть гражданским, построенным на правовой основе, которая к тому же всегда остается неполной, относительной в любом обществе. *Номократия* в нем может пониматься только в

первоначальном смысле — власть отцовских традиций, обычаев[12]. Свод юридических законов, практически выражающихся в *«патронимии»* [82, т. 2, с. 63], — такой свод в обществе сынов, признающих отцовские традиции своими, строится в соответствии с главным естественным для сознающего существа законом нравственного порядка, предписывающим исполнять общее дело, воскрешать умерших отцов, — отцов живых традиций. «Долг воскрешения, или любовь к отцам, и вытекающая отсюда любовь братий, соработников... и любовь к детям, как продолжателям труда воскрешения, — этими тремя заповедями и исчерпывается все законодательство» [82, т. 1, с. 275]. Современное право не включает в свой канон наиболее естественные права самосознательного человека — возможность абсолютной жизни, бессмертного совершенствования и безграничного творчества. *«Эволюция обесценивает все естественные предложения природы и естественные права человека, не имеющие прямого отношения к праву на мысль и волю»* [80, с. 323], к *праву на саму культурную эволюцию* индивида — фундаментальному творческому праву нравственной личности, являющемуся закономерной экстраполяцией права на мысль и волю. Что стоит неотчуждаемость естественных прав цивилизованного человека, если сам он неотвратимой смертью отчуждается от жизни?; если в один миг не право отнимается от него, а сам человек катастрофически отнимается от осуществления любых своих прав? Вопросы призрачного политико-юридического статуса отдельной личности обобщаются космософией на уровне этического осмысления жизненных процессов социального целого: «Какое же общество выше, то ли, в котором господствует правда, т.е. власть и суд, всем попеременно принадлежащие... или же общество, в основе коего лежит любовь, т.е. отечество и братство?» [82, т. 1, с. 195].

В естественнонаучном и, отчасти, в философском течении русского космизма искания исторической «правды» строились, конечно, на иной основе и выражались в анализе существующих «цивилизованных» путей развития социальных форм. (Циолковский, например, теоретически построил «объективную» иерархию власти в планетном сообществе и провел численные расчеты для каждого уровня [см.: 90].) Мысль о необходимости социально-исторической регуляции, в содержательном плане, обобщалась из понимания геологического и космического значения общественного развития и закономерного изменения стихийного хода глобального эволюционного процесса вследствие его все более явно выражающегося социального характера, отчетливой «социализации». «Биогеохимическая функция человека является... новой геологической силой, которая никогда еще не существовала на нашей планете в таком размере. Десятки тысяч поколений человека прошли прежде, чем он это понял, и формы его социальной и политической жизни не отвечают этому пониманию и тем возможностям, которые этим путем ему открываются» [19, с. 253].

Вернадский считал возможным научно подойти к изучению всемирной истории — ее написанию — путем выяснения характера процесса выявления мышления, культурной функции в структуре планеты. В этике научной мысли, в будущей политике он видел реальные механизмы государственного строительства ноосферы, предполагая при этом также и возможность нового религиозного творчества: «Я думаю, что религия имеет колоссальное будущее, но формы ее еще не найдены» [16, л. 56]. Все сферы этих и других социальных процессов являются специфическими областями проявления культурных функций цивилизованного человечества, объективно возникающих в условиях земной реальности. Их осмысление в политической, экономи-

ческой части приводит космософию к некоторой системе оценок, иногда резких, относительно истории и будущего цивилизации, в частности, в определении возможных государственных форм, принципов социального единства. «Преходящая форма демократического политического строя является слишком легким поверхностным явлением для построения личной морали современного ученого, мыслящего о будущем. Уже сейчас исторический процесс внес глубокое изменение в понятие демократии, ...реально поставив идею государственного объединения всего человечества для создания и осуществления ноосферы — употребление всех государственных средств и всей мощи науки на благо всего человечества» [18, с. 97].

У Федорова известная мысль Радищева «человек рожден для общежития» получила оформление в виде нравственного принципа общественного устройства — *«жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех»* [82, т. 1, с. 96], утверждение которого привело бы к совершенно новому типу социальной организованности, выражающему закон духовного самовластия совершеннолетнего общества — *психократии* (социального завершения цефализации в переживаемый период, названный американскими геологами *Д.Ле-Контом* и *Ч.Шухертом психозойской эрой*); и сами науки — психология и социология — превратились бы тогда в психократию [см.: 82, с. 37]. На смену коллективности, выработанной исторической целью обеспечения наилучшего режима потребления «сырого» вещества, должно прийти психократическое общество, в котором за счет *взаимознания и взаимомыслия* становятся возможны «единственный истинный и плодотворный коллективизм, единственная естественная, целесообразная солидарность» [82, т. 2, с. 248], происходит реальное обобществление индивидуальных психик — их динамическая композиция по законам духов-

ной соборности — для структуризации осмысливаемой и одухотворяемой материи. В психократии каждая личность «прозрачна для другой личности: все во всех, и каждый во всех, такова онтология личности» [6, с. 230].

Тонким искусством подвижнического овладения историей, личного нравственного самодвижения человека русский космизм проективно соединяет метафизический план Царства Божия с реальной планетной организованностью. Эта ургистика заключается в «ведическом» делании истории, органическом восхождении человека в своем совершенствовании от земного плана к «небесному» — духовному и превечному. Подобное «духовное зодчество и действенное зиждительство» [47, с. 422], при этом, не требует индивидуального отрешения человека, устанавливающего персональную связь с высшими мировыми энергиями; оно состоит в открытом социальном охвате всех пластов планетного бытия всеобщей регуляцией.

Стремление развернуть мысль о природном управлении и логически исчерпать смысл требования братства между сынами неизбежно приводит космософию к выводу о необходимости иного, более глубокого направления социальной регуляции. Неродственность в социальном мире проявляется не только небратством — разобщенностью живых сынов человеческих, но и «сиротством» — безнравственной отделенностью их от своих умерших отцов. Поэтому, помимо политико-экономического управления общество нуждается в упорядочении нравственных отношений.

Нравственное основание «отечества»

Нравственная регуляция восстанавливает всемирное «отечество» — преодолевает неродственность между живущими и умершими путем воскрешения, понимае-

мого прежде всего как задача этического плана: *«воскрешение... есть полное торжество нравственного закона над физическою необходимостью»* [82, т. 1, с. 131]. Именно поэтому в трудах Н.Ф.Федорова, в космософии в целом, содержится наиболее емкое понимание нравственности, ее роли в деле преображения видимого мира; нравственности, являющейся, по существу, ключевой проблемой современности (неслучайно «Супраморализм» — одно из названий «общего дела»). Путем «патрофикации» [82, т. 2, с. 267] восстанавливается *полнота* социального мира, в котором *все* люди — одновременные поколения сынов вместе с прошедшими поколениями отцов — составляют полный геоэтнос.

Библейский постулат «Бог отцов есть Бог не мертвых, а живых» открывается в учении Федорова не только провозглашением символической преемственности — через веру в единого Бога, *общего* у всех — отцов и сынов, но и более радикальным призывом, обязывающим уже не к пассивно-христианскому восприятию этой преемственности, не к признанию трансцендентно-духовной связи и осознанию родственных отношений с умершими через Бога, а к ургическому, деятельному утверждению этого должного восторжествовать заветного принципа, к восстановлению и охранению нарушенных нравственных связей: если Бог — это Бог не мертвых, а живых, и если, далее, вопреки нравственной декларации существуют целые поколения умерших (и тем самым уже утративших явную, *плотную* связь с Богом своих сынов), то неизбежно, по правилам проективной силлогистики, мертвые должны быть физически воскрешены, восстановлены для новой жизни — «паки-бытия» — и тем самым снова возвращены в лоно Божьего мира, водворены в него явным образом, телесно осуществив принцип единого для всех поколений Бога.

Задача воскрешения, являясь заветным чаянием проекта Федорова, в целом достаточно нетрадиционна для русского космизма. У Вернадского, например, ох-

ватившего своим творчеством энциклопедический круг научных, философских, историко-научных проблем, подходившего к вопросам бессмертия через автотрофность, идея воскрешения, насколько сегодня известно по опубликованным и архивным материалам, ни в научном, ни в каком ином аспекте не осмысливалась.

С позиций «научной этики» Циолковского воскрешение и вовсе неопределенная цель, излишняя и, скорее всего, вредная работа человека, нарушающая природную целесообразность.

Отходя от религиозно-философских взглядов, более точно идею воскрешения можно оценить в контексте понятия социальной организованности. Она в этом плане выражается, прежде всего, тем, что никогда никакая личность в обществе не совпадает и не повторяет ранее бывшие в нем — жившие и творившие в исторически реальной ноосфере. Никогда социальная, аксиологическая среда, общий фон духовности — быть может неизменные на значительных интервалах времени — не действуют *точно так же,* единообразно, фабрикуя грани личности. Циклы обновления — рождения и смерти — не могут обеспечивать тождества; угасшая личность не воспроизводится другим рождением. Со смертью психического организма соответствующий ему объем-поле мысли необратимо изымается из ноосферы.

В структуре ноосферы «живое» мышление — актуальное психическое состояние пространства-времени, отвечающего сознанию личности, — всегда отличается от того культурного следа, который оно оставляет в области своего проявления после смерти человека в виде материально-энергетически и (или) информационно выраженной мысли.

Культурный «осадок» сознания в структуре бионоосферы старательно транслируется в поколениях путем возможно бережного сохранения фундаментальных — «вечных» — ценностей; он достраивается и по

необходимости воспроизводится — по-новому, модифицируясь — в своих преходящих, конкретно-исторических деталях. Ноосфера непрерывно наследует культурный концентрат прежних времен благодаря сбережению его основных единиц — овеществленных или информационно опредмеченных «памятников» угасшей мысли. Культурные достижения цивилизации — следы «былых ноосфер» — непосредственно, своим материальным или информационным субстратом входят в ноосферную структуру более поздних эпох.

Этого нет в «экономии» живой мысли, никак не объективированной в культурной среде жизни. Конечно, общественное сознание — интегральное поле мысли — непрерывно удерживает исторически выработанные и устоявшиеся представления, «культурные ценности... невесомого характера» [49, л. 2] — «абсолютные» идеи, «неписанные законы», а также общие преходящие представления, постоянно дополняя и уточняя их. Однако индивидуальная часть, не выраженная внешними материальными или духовными формами, не вышедшая из личного объема-поля сознания в коллективный ментальный фонд, теряется безвозвратно со смертью личности. Это связано с тем, что мысль не обладает собственной материальной основой, не существует вне сознания человека, она есть состояние его нервной ткани; во всяком случае сегодня неизвестны условия непосредственного проявления мышления без участия сознания, без работы человеческого мозга. Субстратом мышления всегда служит нервная ткань человека. Для нее нет той долговечности, которой обладают внешние произведения мысли — психический объем-поле личности разрушается вместе с гибелью организма, духовный ресурс, отвечающий личности, иссякает и ее духовный потенциал меркнет. В жизни это проявляется тем, что произведения человеческого гения могут намного переживать своих творцов. В итоге единич-

ный объем-поле сознания безвозвратно изымается из ноосферы, заменяясь другим. В этом проявляется организованность стихийной ноосферы. В ней духовная ценность не выражается устойчивым во времени объемом-полем сознания. При этом, конечно, духовная ценность не может в действительности пониматься как самостоятельно существующая, платоновская «идея».

Между тем, совершенно очевидно, что интеллектуальная мощь, отразившаяся в запечатленной мысли, никогда не может превосходить духовную силу разума, ее проявившего; культурный символ мысли не выражает полно качественное состояние сознания, не исчерпывает его многообразия и глубины.

Наконец, важно понимать, что омертвелый культурный след уже не есть активный духовный ресурс, он не обладает непосредственной творческой способностью. Духовное открытие не может служить самостоятельной функциональной единицей *организованности*, оно статистически входит в *структуру* ноосферы и поэтому может участвовать в психических процессах исключительно благодаря мышлению какой-либо личности, учитывающей это открытие в своей работе.

Исторически накопленная человечеством культурная сумма в био-ноосфере всегда представляет лишь конечную галерею памятников угасших сознаний, не исчерпавших себя в этих зафиксированных геологией или историей актах; сознаний, неуклонно набиравших духовный потенциал с каждым таким актом, но оборванных смертью. Значение этих памятников, каким бы оно ни было важным для формирования *области* наибольшего выявления мысли, т.е. по существу — *условий* этого выявления, все же остается бесконечно малым в сравнении со значимостью самой жизнедеятельной мысли, ее «течения», актуального дления; оно мало и в сравнении с тем, какое имели бы ее последующие достижения — внешние образы этого стремительно ра-

стущего проявления — в случае более длительной непрерывной работы разума, жизни человека. Совершенные работой разума исторических эпох многочисленные духовные открытия, отчужденные от личности и вошедшие в структуру био-ноосферы, могут иметь, очевидно, только вспомогательное, второстепенное значение. Не конечные плоды творческой деятельности разума, а бесконечный потенциал духовного плодоношения — «духоносности» — выражает сущность ноосферы. Ее строение определяется непереставаемым функционированием сознания, т.е. социальной основой.

Мысль является не статистическим, а функциональным элементом био-ноосферы — она входит в ее *организованность*, формируя ноосферу. Активно-напряженное психическое состояние каждой личности, своей творческой жизнью непрерывно создающей и поддерживающей общее поле мысли, не только включается в геоструктуру, но и организует ее.

Подходя с таким критерием к пониманию генезиса ноосферы, следует признать высшей ценностью — не только этически, но и естественнонаучно выводимой — активное живое сознание и в этом смысле — каждую личность, когда-либо мелькнувшую в истории ноосферы: *«Мыслящий человек есть мера всему»* [18, с. 276]. Однако смерть подвергает сомнению ценность личности, она ставит человечество перед выбором: либо признать эту ценность преходящей, убывающей в ходе смены поколений и вырождающейся в масштабе растущих достижений цивилизации; либо принять ее абсолютной и уникальной, поскольку смерть одного человека не может быть компенсирована рождением другого.

С точки зрения бесконечных духовных возможностей каждой сознающей личности ее значение не может иметь преходящий характер и меняться при постоянной переоценке представлений, связанной с уточнением и углублением научных знаний о мире. «О личности

можно говорить только в аспекте вечности... поскольку она причастна к целому» [45, с. 112]. В организованности ноосферы человек определяется как актуальное сознание, живое психическое неделимое, т.е. он необходим в ней во всей полноте своих духовных проявлений и реальном обладании ими, как личность «абсолютная», а значит восстановленная и утвержденная в творческих правах воскрешением и бессмертной жизнью.

Идея воскрешения расширяет смысловое содержание ноосферы, которая теперь охватывает не только аккумулированный в социальное время культурный ресурс «запротоколированной» мысли и текущее состояние жизнедеятельного сознания планеты, но геологически полный, многомерный ментальный объем. Реальное сознание бывших поколений, поднятое с исторических глубин, входит не только в духовную *картину* мира, а в саму его структуру и организованность благодаря воскрешению личностей.

Ноосфера есть не только метаморфизированная биосфера, она одновременно, в такой же мере метаморфизированная структура прошлых ноосфер планеты. Она представляет собой структурно гетерогенное и гетерохромное культурное целое, синтез многих культур различных эпох. Современным технологическому и информационному типам культур предшествовали более ранние, например, мифологическая и религиозная. Ее будущее состояние будет представлено духовным типом. Однако, в стремлении к действительной полноте ноосфера не может ограничиваться исторически-символическим синтезом всех культурных пластов — интеграцией произведенной в историческое время действенной культурной биогенной энергии; она должна полно учитывать все когда-либо создававшиеся в ней духовные *возможности*, проявлявшийся творческий потенциал своих исторических форм. Полная, или голографическая ноосфера, являясь культурным экстре-

мумом единой истории человечества, требует реконструкции состояния жизнедеятельности сознания, активного поля жизнемысли всех пропавших эпох, т.е. воскрешения психических неделимых — разумных очагов былых ноосфер. Построение наибольшей геоноосферы возможно при восстановлении утраченных психо-социальных фрагментов единой, геологически максимальной ноосферы, т.е. при восстановлении полного геоэтноса.

В вопросе воскрешения требование состояния активности сознания не ограничивает мартиролог кругом избранных личностей, оставивших неоспоримые и хорошо документированные свидетельства своего духовного подвижничества. «Анастатика» — «искусство воскрешать утраченную жизнь» [41, с. 132] — занимается каждым человеком, которому когда-либо довелось «расцвесть и умереть», — даже и тем, который не вышел, быть может, в своей жизни из области обыденного сознания, ибо все равно он заключает в своем разуме все ту же бесконечную по глубине потенцию духовного самооткровения в мире.

Уже в представлении о живом веществе можно выделить ясный онтологический аспект, очень важный для неискаженного и рельефного восприятия учения русского космизма в целом. В организованности биосферы биологические неделимые своей жизнью, переживанием-функционированием и самой смертью участвуют в создании и поддержании устойчивого поля планетной жизни, своей «судьбой» проявляют ее организованность. Культурному организму своим переживанием не только физиологических процессов и состояний, но и психических, всей сознательной жизнью предопределено участвовать в переработке биосферы в новую гео-реальность; судьба человека — духовно продуктивного существа — слагает реальную, каждый раз исторически своеобразную ноосферу. Но и сам человек в этом «вихре сознания», потоке психической жизни,

культурной энергоинверсии преображается, одухотворяется. Каждый фиксированный в историческом времени уровень ноосферы служит вместе с тем олицетворением, культурным доказательством такого преображения — не только природной среды, но и ее агента — человечества. В этом смысле каждая личность — совершенно равноценная и незаменимая, наравне со всеми прочими, взятыми из толщи исторического времени, единица ноосферы, без которой полная — всеисторическая — ноосфера состояться не может.

История, в том виде, в каком она сегодня представляет знание прошедшего, не дает верной картины духовных навыков и интуиций далеких эпох. По отдельным сохранившимся фрагментам, например арийского мировоззрения, можно предполагать наличие огромного пласта бытия, ушедшего из социального и психического оборота с развитием техники и становлением рационалистической цивилизации. За прошедшие исторические сроки прогресс психики не может считаться значительным, как это часто представляется, особенно в условиях научно-технического прогресса последнего столетия. Личность, выделенная в собственном психическом значении из социально-исторического фона, вероятно, очень близка в своих возможностях к далеким предшественникам. Разность духовных возможностей индивидов различных исторических эпох не лежит в области анатомических отличий нервной ткани, она вызвана разрывом социально-исторических качеств среды проявления мышления — зрелостью собственно ноосферы. «В течение сотен тысячелетий скелеты Homo sapiens, в том числе и череп, не дают основания для рассмотрения их как принадлежащих к другому виду человека. Это допустимо только при условии, что мозг палеолитического человека не отличается сколько-нибудь существенным образом по своей структуре от мозга современного человека» [18, с. 133]. Исходя из дан-

ного антропологического факта, следует признать всех исторически преходящих представителей вида Homo sapiens потенциально равноправными участниками ноосферы зрелых форм. С этой точки зрения в определенных социальных обстоятельствах жизни воскрешение создает для каждого изжитого человеческого индивида действительно равные возможности в раскрытии его творческой сущности. В подобной оценке интеллектуальных задатков угасших личностей можно видеть, как будто, возрождение на новой основе идеи «равенства по разуму» всех людей — *«гомонойи»* древних греческих мудрецов. Та незначительная дистанция между духовными свойствами, которую можно все же допускать как обусловленную микроструктурными изменениями мозга, не может считаться непреодолимым препятствием для ноосферного будущего раннего человека; она может быть компенсирована интенсивной повоскресной психофизической регуляцией, вырабатывающей более совершенный мозговой аппарат в «новом теле».

Принцип Реди, нравственно освоенный в космософии религиозным сознанием, не есть уже просто констатация неостановимой чреды *следующих* поколений, равнодушно сменяющих предыдущие; каждому смертному он говорит, что он есть *сын* и указывает на его *отца*. Принцип Реди, получая этическую меру — чувство утраты, — подчеркивает начала *сыновнего*, а не животного. Отношение поколений сынов к поколениям отцов не есть отношение смежных членов математической последовательности; оно есть нравственное отношение, а значит признает долг воскрешения. Здесь ясно обнаруживается одна из особенностей социального порядка, которая выражается сформулированным *П.А.Кропоткиным* эволюционным законом солидарности и взаимопомощи [см.: 32]. Как факторы развития, они проявляются в зачаточном виде уже в животном мире, а в эволюционной судьбе Homo sapiens приобре-

тают первостепенное значение. В этом существенное отличие звероподобной эволюции от ее гуманистической и культурной формы. Правила взаимопомощи и солидарности, обобщенные на все поколения, требуют безусловного воскрешения умерших отцов. Эти правила могут иметь абсолютное значение только проявляясь в «целокупном человечестве»; их ограничение нарушает ход социальной эволюции — без воскрешения она теряет нравственное обоснование и наследует логику животной эволюции. Для сознательного и нравственно не бесчувственного человека-сына такая логика невыносима и этически неприемлема. Вытеснение и пожирание противоречит закону нравственного самосохранения личности и потому сменяется соучастием, сотрудничеством и воскрешением как неотъемлемыми принципами культурного эволюционного процесса. Таким образом, воскрешение может представляться как имеющая ноосферное значение в организованности общества высшая этическая функция культурного человечества.

«Разум может максимально проявляться... только при максимальном развитии основной формы биогеохимической энергии человека, т.е. при максимальном его размножении» [18, с. 134]. Однако, максимально возможная «мощность» общества (соответствующая максимуму ноосферы), его наибольшая полнота может достигаться, оставляя пока в стороне социально-политические и технические факторы, не только *размножением*, но и, в еще большей степени, — прогрессирующим увеличением видовой продолжительности жизни Homo sapiens, включая выработку бессмертных форм его жизни, и, наконец, воскрешением умерших, при котором максимум достигает своего исторического абсолюта. Стремление к воскрешению полностью соответствует стремлению к максимальной полноте сообщества мыслящих личностей, и через это — наибольшему выявлению сознания.

Если цивилизованное человечество, поставив целью воскрешение, сумеет когда-нибудь в будущем найти способ возвращать умерших к новой «нетленной» жизни — «паки-бытию», то это *не будет противоречить основному факту геологической истории Земли* — стремлению к максимальному выявлению мышления в бионоосфере, хотя, очевидно, следует признать и то, что такое воскрешение не есть *необходимое* условие *стихийного* эволюционного процесса. Однако нет никаких оснований — и русский космизм это убедительно доказывает в философских, религиозных, научных вариантах осмысления действительности — экстраполировать ныне реализуемую логику развития на отдаленные этапы планетной истории. Более того, в силу самого процесса стихийного роста культурных функций в организованности био-ноосферы следует предполагать, что нравственный критерий, с точки зрения которого воскрешение безусловно необходимо, существенно может менять законы биосферного развития.

Условие непротиворечивости, на самом деле, можно считать отражением более глубокой и пока остающейся потенциальной связи двух разнородных явлений — природного процесса ноосферогенеза и сопровождающего человека с самых ранних исторических периодов стремления к воскрешению. К факту их непротиворечивости можно подойти иначе, системно. Если какие-либо два процесса в системе не входят в противоречие, то при некоторых условиях на их основе *всегда возникает третий, более сложный и общий процесс,* включающий одновременно оба процесса как обязательные, *необходимые свои части*. Можно считать это принципом системной организованности, т.е. законом самоусложнения. Он действует только для сложных самоорганизующихся систем и не применим вне области процессов самоорганизации.

Вопрос о воскрешении, конечно же, заслуживает строгого, последовательного, не столько философского, сколько специально-научного исследования, тем более что сам план общего дела уже содержит определенные указания на способы воскрешения и форму нетленной жизни.

Воскрешение

«Технологическая» часть дела воскрешения у Федорова основана на убеждении, что все мельчайшие неделимые частицы, составлявшие некогда дисперсную психофизическую структуру определенного человека, несут на себе неизгладимую печать, информационный след принадлежности к этой «союзной системе». Элементному составу каждого организма соответствует индивидуальный, отличный от всех других, физический спектр и собственная резонансная частота. Проводя «спектральный анализ» вещества Земли и околоземного пространства и идентифицируя нестираемый временем и неповторяемый в любых других генерациях шифр (сортируя атомы по примеру демона Максвелла), можно было бы, по мысли Федорова, подбирать необходимые структурные элементы и компоновать их в психофизический объем, отвечающий воскрешаемому отцу. Такое собирание рассеянных частиц, производимое не только на Земле, но и в космосе, составляет предмет «космотеллурической науки и искусства», тогда как «сшивание» тканей есть вопрос физиологический и гистологический [82, т. 1, с. 329]. Для ритмизации процесса связывания частиц праха используется «музыка воскрешения», построенная на гармонических колебаниях индивидуальных резонансных частот. Все вместе это должно обеспечить воскрешение умерших.

Научное представление об организованности биосферы, ее живого вещества оставляет это предположение Федорова вне реальных методов патрофикации.

Биогеохимические циклы, миграция атомов, постоянный ток вещества через дисперсный организм, непрерывно и многократно обновляемый таким образом на всем протяжении своей жизни, новые вхождения элементов, безудержно «вымываемых» из одного живого или распавшегося организма в структуру других, — все эти безусловные факты делают невозможной механическую селекцию частиц по признаку принадлежности некоторому организму. Последний не есть статичный *пространственный* объем, определяемый математически; он характеризуется особым состоянием *пространства-времени* с отвечающим ему типом геометрии [см.: 17, с. 154, 18, с. 31, 273], т.е. существенным образом детерминирован *временем жизни*, задан функционально.

Механический подход принципиально не соответствует уровню сложности биосферы — организованности жизни. Однако им Федоров не ограничивает возможности воскрешения.

В качестве необходимого метода «анастатики» выступает также генетический анализ. Законы наследственности, будучи применены в деле воскрешения, а также и преображения несовершенной натуры человека, по сути, обращаются в законы предшественности («завещательности»), поскольку установление родовых закономерностей происходит в обратном направлении — по наследственному генотипу сына делается обоснованное суждение о генной структуре отца. Воскрешение должно начаться с предварительного — информационного — воссоздания личности отца, определения его генетического «кода». Важную роль в «знании отцов» [82, т. 1, с. 320] призваны играть психофизиологические дневники, ведущиеся каждым смертным, на основании которых могут быть открываемы и корректируемы гене-

тические правила и которые в значительной степени должны способствовать воскрешению каждого отдельного человека — автора дневника, генерирующего данную психофизиологическую индивидуальность и строящего диаграмму его свойств. Эти же дневники служат основой для становления психократического общества.

Примечательно, что мысль Н.А.Умова — человек есть «не более, как нумер» [80, с. 55] — очень точно соответствует научному изображению личности в виде генотипа, выделяющего информационную сущность человеческого организма. Этот «нумер» может мыслиться как заключающий в себе не только генетически определенный физический, но и духовный код, формулу, неповторяющуюся в личностях и закономерно меняющуюся от поколения к поколению. Можно сказать, что и само общество в каждый исторический миг есть составной шифр — формульный ряд, строго определенная последовательность личных единиц — «нумеров»; это *код исторической эпохи*. Тогда итоговое число полного геоэтноса, позиционно упорядоченное, представляет нумерическое выражение всемирной истории Земли.

Информационный подход к проблеме воскрешения ставит ее в другую плоскость. Воскрешение в этом случае есть воспроизведение в новых условиях прежней формулы, воссоздание единственного в своем роде «нумера» по известной психофизической записи. «Воскрешение существа возможно только, поскольку каждый индивид есть известная комбинация элементов мира, каковая комбинация может быть выражена определенной формулой. ‹...› Воскрешение вещи значит только повторение бывшей подобной комбинации множества элементов, составляющих вещь или влияющих на нее» [44, с. 106].

Эта формула должна отражать, прежде всего, духовную, психическую сторону личности, тогда как в отношении физической конституции она заключает общие структурные принципы — организмы в преде-

лах вида Homo sapiens однородны. Кроме того, точное воспроизведение организма не является необходимым условием воскрешения человека, поскольку он должен иметь более устойчивую жизненную форму. В связи с этим представляет интерес современная гипотеза, выдвинутая *А.К.Манеевым*, допускающая существование субстанции полевого типа, на основании которой возникает особая биопсиполевая формация, связанная с человеком. В ней фиксируются и надежно хранятся сведения обо всех — телесных и, главным образом, психических — свойствах индивида, в том числе и приобретаемых им в течение жизни. На основе этой информационной голограммы, согласно гипотезе, в принципе возможно восстановление субъекта в прежней полноте его жизнепроявлений и последующее целостное преобразование его в устойчивую невещественную реальность [см.: 36, с. 94-95; а также: 35]. Ф.М.Достоевский, сочувствовавший идее воскрешения, предполагал, например, что «тела в первом воскресении, назначенном быть на земле, будут иные тела, не теперешние, т.е. такие может быть, как Христово тело по воскресении Его до вознесения, в Пятидесятницу» [59, с. 317].

Воскресение в новых телах само по себе еще не дает совершенного физического и духовного состояния человека, не отрешенного психофизической саморегуляцией от прежних физиологических и психических переживаний. Кроме того, личность в своем подсознании хранит опыт жизни в былом организме — «память» организма о самом себе, безусловно, сказывается на содержательности мышления. Всякое сознание несет определенный отпечаток личных морфологических и физиологических особенностей, связанных с конкретным организмом. Это влияние имеет значение в процессе повоскресного изживания, пресуществления человека — освобождения его сознания от органической рефлексии.

Таковы закономерные проявления социальной регуляции, составляющей необходимое условие организации всемирного естественноисторического процесса и перехода к более значимым формам выражения управления в Универсуме со стороны общества.

Глава 6
Духовный тип организованности общества

«Космократия» — творчество метаистории

Выявление духовности в геологической структуре Земли должно пониматься как исторический этап, возможно имеющий инопланетную альтернативу, более общего — космического — эволюционного процесса. Будущие вершины эволюции земного органического разума лежат вне пределов биосферы и Солнечной системы. Однако, космическое продолжение человеческой истории возможно только при условии точной синхронизации глобального эволюционного процесса с космическими циклами планетного развития. Эта необходимость связана с преходящим характером ноосферы, требующим понимания и исторического учета факта конечности земного бытия, его космической бренности, измеряемой научно точно и выражаемой известным астрономическим числом.

Угроза гибели Земли как космического очага биосферы является одним из фундаментальных ограничений планетной реальности. Поставленное в социальную плоскость, оно открывается вопросом о космической истории человечества — станет ли оно выразителем принципа космической вечности жизни или же олицетворит лишь одну из случайных точек в континууме жизненных форм вселенной, выражающих организованность Космоса. Ибо вечность *космической* жизни не означает гарантии бессмертия *земной* общественной жизни, постоянности человечества. Для взглядов, не признающих космическую вечность жизни, не допускающих ее наличие вне биосферы Земли, т.е. принимающих ее «сотворенной» в единственном экземпляре при уникальных условиях в результате сосредоточения потенциала всего мироздания («жизнь есть пасынок вселенной», по выразительной мысли Умова [80, с. 445]) или действия трансцендентных энергий (религиозное направление космософии), земная жизнь тем более является абсолютной ценностью, вверенной сознанию человечества: «ценность и значение земли и человека превышают весь природный мир...» [4, с. 311].

Природа в сумме своих явлений напоминает о грядущей печальной участи Земли, каждым конкретным явлением смерти она указывает на возможный, остающийся условно-неизбежным апокалиптический исход — всеобщий акт гибели, как самой планеты, так и, вместе с ней, — всего на ней сущего. Человек сознал себя не просто жителем планеты, а жителем *конечной* во времени планеты.

С другой стороны, человеку свойственно «родовое» чувство, сознание себя частью единого человечества во всей толще исторического времени — прошлого и будущего. Он воспринимает события, факты прошлой жизни как свою историю, а образы будущего планетарного общества предстают в его сознании как его судьба. *Единство человечества во времени* есть труднопости-

жимый *фактор сознательной деятельности*, открывающийся только эмпирическим путем, непосредственным опытом переживания истории. Сознание человека неразрывно соединяет в себе историческую память минувшего и историческое предчувствие будущего. «Человек невидимыми и обычно неощутимыми нитями связан со всем человеческим родом, в нем завито прошедшее, в котором содержится и будущее, насколько оно определяется не только свободой, но и закономерностью» [6, с. 359].

Это характернейшее свойство социального психического организма — сознание единства человечества всех исторических эпох, неизменно проявляющееся в каждом новом поколении — каким-то образом накладывает отпечаток на духовную структуру личности, влияет на весь жизнестрой общества и индивида, сказывается в поле мысли особого рода целеполаганием.

Понимание человеком скоропреходящего характера личного бытия, бренности планеты, земного социума и ноосферы вместе с чувством единства человечества всех его поколений (общее сыновнее и отеческое чувство) и сознанием причастности ко *всей* — прошлой и предстоящей — *истории* человечества, принуждает его к поиску возможностей преодоления тех ограничений, которые эсхатологически накладываются на земной разум слепыми космическими силами. Признание *вселенской ценности* планетарного разума, сокрушение о предстоящей его утрате в тот момент, когда оно достигает наибольшей полноты, наивысшей духовой мощности в геологической истории планеты, тем отчетливее и требовательнее побуждают к действию, чем более высоких духовных вершин достигает сам разум.

Вопрос о временных пределах ноосферы должен быть поставлен как вопрос о времени существования самой планеты. Неизбежно при этом следует сделать вывод о конечности *планетной* ноосферы. Два сцена-

рия могут здесь выражать полярные альтернативы: 1) либо ноосфера, преодолев физическое и биологическое «притяжение» Земли, непосредственно войдет в структуру космоса, т.е. перестанет быть *геологической сферой,* духовным *геоидом,* а выработается в полевую реальность — космо-ноотензор; 2) либо стоически встретит гибель Солнечной системы, которую оно предусмотрительно не пересилило, не избежало и которую не переживет вместе с планетой. В последнем случае все человечество вместе с ноосферой повторит гибельный путь обычного организма — смерти после временного существования.

Для человечества «стихийный апокалипсис» является условным, ибо остается открытой стратегия активно-исторического преодоления как временных, так и пространственных пределов био-ноосферы, перспектива отслоения ноосферы от своей биосферной основы, ее космического выхода во вне-геоид. Бесконечность развития человечества, мыслимая как актуальная, требует физической, материально-энергетически выраженной бесконечности, непрерывности пространства-времени поля жизнемысли.

Социальное бессмертие, благодаря освобождению человечества в материально-энергетической зависимости от биосферы Земли, совершается в ходе целесообразного, сознательно направленного исторического процесса, согласованного в своих параметрах с точно устанавливаемыми геологическими и космологическими условиями. По своему смыслу такой процесс есть *овладение временем,* необходимым для активно-исторической эсхатологии — творческого завершения *земной* истории и выхода в метаисторию. Ресурс геосоциального времени — стихийно установленный бюджет земного исторического времени человечества — определяет «полноту времен», свершение которой либо выводит ноосферу как самостоятельную творческую единицу на ру-

бежи истории космической, с обретением ею нового объема возможных стратегий эволюционного усложнения, либо приводит к принудительному и потому неизбежно катастрофическому окончанию развития и к полной энтропии планетной организованности. Оставаясь в биосферно-историческом, конечном времени, в отличие от времени космического, человечество осуждает себя на физическую гибель в катаклизме Солнечной системы.

С момента сознания конечности бытия должен начаться сознательный этап исторического овладения новым жизненным ресурсом — временем, а значит и новый — ноосферный — период эволюции, организующий жизнь в космическом масштабе времени и знаменующий переход человечества в иное временное измерение — в мир космических процессов и явлений. *Овладение временем, как форма исторической регуляции,* включает духовные возможности ноосферы в организованность космоса. Задача овладения временем впервые и в очень ясной форме была поставлена В.Н.Муравьевым [см.: 44].

Признавая единосущие пространства и времени, следует понимать «времявластие» как средство регуляции неделимого пространства-времени, его творческого построения. В таком случае введенная Сухово-Кобылиным норма могущества человечества по степени «негоции» пространственной протяженности [75, л. 4, 12] — расширяющемуся захвату жизнью космической области для своего проявления — дополняется другой, сопряженной нормой, введенной Муравьевым — овладения временем, в которую входит не только «негоция» временной протяженности — длительности, — но само творчество времени, «времяобразующая деятельность» [44, с. 21].

Исходя из реального единства пространства-времени, можно принимать, что обе нормы выражают один генеральный критерий исторического развития — ре-

гуляцию и овладение данным миром в его пространственном и временном измерениях и задание его новых онтологических проекций.

Требование овладения временем, по существу, заложено в проекте Федорова: искание бессмертия для человека и есть стремление к овладению человеческим существом своим индивидуальным биологическим временем — временем его жизни, к обладанию вечной жизнью; в задаче воскрешения оно выражается овладением историческим временем. В самом общем плане осуществление проекта приводит к овладению мировым хронометром — переходу от «экономии мирового процесса» [5, ч. 1, с. 100] к его творчеству.

Мера освоенности мирового пространства-времени разумной жизнью является в учении космизма важным критерием общественного развития. Исходя из него, Сухово-Кобылин предложил периодизацию истории. «Первый момент есть *теллурическое*, или *земное человечество*, заключенное в тесных границах нами обитаемого земного Шара. Второй момент — *солярное человечество*, т.е. то, которое является как Всекупота обитателей нашей солнечной Системы. Третий момент — *сидерическое*, или *всемирное человечество*, т.е. вся тотальность миров, человечеством обитаемых, во всей бесконечности Вселенной» [72, л. 83]. Для сидерического — универсального и бесконечного — человечества становится возможной *«мгновенность передвижения*, или чистое совершившееся и совершенное упразднение протяженности и потому абсолютное идеальное и реальное исхождение человечества в *абсолютный Дух* и его единение с всесильным и вездесущим Богом» [70, л. 54]. У Муравьева этапы исторического развития выражаются степенями общности мирового самодержавия разумной жизни — *космократией* и *пантократией*. «Преобразование космоса и актуальная космократия и пантократия, обеспечивающая для человека возможность

жить во всем мире, во всех средах, оживотворяя и оживляя всю природу и превращая ее из современного стихийно-хаотического, неразумного мира всяческих противоборств в мир, как совершенное целое, пронизанное разумом и вполне подчиненное ему, — такова основная задача для всего человечества, освобожденного от угнетающих его внутренних противоборств» [41, с. 140]. В этой перспективе становление ноосферы по своему значению в общественной жизни есть «исторически-культурный основополагающий акт» [см.: 44, с. 72-74], закладывающий фундамент принципиально новых, не бывалых в условиях биосферы и космогонических по своим последствиям возможностей самоорганизации социальной системы. «Человечество должно быть организовано во вселенском масштабе с целью совершения им общего дела преображения мира. Эта организация и есть... всемирная космократия» [48, л. 25].

Соборные начала духовности

Осуществление политико-экономической (организующей живущие поколения в братское общество) и нравственной (связывающей прах отцов) регуляции приведет к восстановлению полной генеалогии человечества, проявлению родственных связей — не только мысленное, исторически достоверное изображение родословного древа человечества, а строго фактическое олицетворение и *воплощение* этого древа в совокупности физически воскрешенных и реально живущих личностей. С этой позиции русским космизмом открываются дальнейшие перспективы для общества и Земли: «Объединенный на всей земле человеческий род станет сознанием земной планеты, сознанием ее отношений к другим небесным мирам» [82, т. 1, с. 54]. Для этого

творческий труд над природой, расширенный до космического размаха, должен быть положен во главу угла [см.: 3, с. 141] и обратиться в общемировую регуляцию, а не ограничиваться пределами Земли. Это будет означать лучшую организованность всего Космоса, послужит не только наведению истинного порядка на Земле, сохранению ее биосферы, но и явится гарантией от расхищения, деградации и уничтожения живой и косной пленки вселенной. Человек же в этом миропорядке приобретает статус свободно творящей личности; становится бесконечной по своей мощи и разнообразию проявлений космогонической силой, приближающейся в могуществе к божественной воле. «Исторический процесс есть долгий и трудный *переход* от *зверочеловечества* к *богочеловечеству...*» [68, с. 226].

Уподобление Божеству должно не открываться в тайный момент слияния с Ним, а идти, возвышаясь, через искание и требование дела, вызревать в общем деле мировой регуляции, а значит и само быть регулируемо. «Если все существующее (в природе или мировой душе) должно соединиться с Божеством — а в этом цель всего бытия, — то это единство, чтобы быть действительным единством, очевидно должно быть обоюдным, т.е. идти не только от Бога, но и от природы, быть и ее собственным делом» [69, с. 137]. Вселенской литургией человечество, ставшее космическим *экстраэтносом* и могущее свидетельствовать собой о всюдности жизни, способно успешно преодолеть наиболее трагическую неродственность — отчужденность человека и мира от Бога. В русском космизме эта идейная линия представлена религиозно-философской мыслью. «Чуждость Богу будет устранена, когда все тела будут выражением мысли и чувства, когда весь мир, который стоит между нами и Богом, будет освещен сознанием, управляем волею. Для нас и нет иного пути к общению с Высшим Существом, кроме такого управления миром» [82, т. 1, с. 179].

Таким образом, все виды регуляции слагаются в иерархически организованную систему, венчающуюся идеей «высшего блага», одновременно выступающей и как цель, и как средство, и как формула интеграции частных регуляций. В эту вершину — проект восстановления былой связи и близости человека с Богом, слияния человека с миром в Боге, сходятся все частные цели. Можно сказать, что преодоление отчуждения между человеком и Богом — *теорегуляция* — и есть истинная и единственная цель общего дела. Все остальные подцели — необходимые его логические звенья; именно общим делом заслуживается равнославие человека с Богом. «Когда все будет делом, — делом, конечно, воссозданным, а не созданным, тогда не будет ничего искусственного, а все естественное, *тогда существующее*, правимое разумом, *и будет воссоздатель и Создатель*» [82, т. 1, с. 512]. В результате всеобщей регуляции человек и мир приходят, *возвращаются* к Богу, это и есть собирательный идеал регуляции, ее высший смысловой уровень. В этом «бесконечном сближении человечества к Богу» [73, л. 96] организованность общества представляет собой систему социальных условий духовного подвижничества, нацеленного на сознательное «стяжание Св. Духа». Человеческая история осознается в русском космизме (в его религиозном течении, поскольку научная мысль не могла входить в эту проблемную область с точными методами естествознания) как «теогонический процесс» [см.: 69, с. 142-145]. В связи с этим можно отметить близость к космософии идеи Тейяра де Шардена о «христогенезе» как продолжении ноогенеза в духовно конвергирующем мире [см.: 78, с. 12].

В точном смысле употребляемых понятий жизнедеятельность, функционирование социальной системы, по проекту Федорова, не есть уже *организованность*; общество, устроенное «по образу Св. Троицы», а не «по типу организма» [82, т. 1, с. 349], есть социально воп-

лощенная *духовность*. Употребление термина «организованность» при анализе социологии общего дела может иметь, в данном случае, расширительный смысл — описание принципов обновления и взаимобытия социальных элементов, синархии и функциональной синхронии ноосферных общественных процессов. В Св. Троице «ищется и провозглашается некий образ соединения при нераздельности и различения при неслиянности, который тем не менее свободен от склонения в ту или другую сторону» [6, с. 221]. По мере культурной переработки биосферы в ноосферу планетная организованность, в социальной ее части, трансформируется в духовное качество, переходит в состояние духовности — явления мышления, сознание, процессы творчества входят в структуру космоса не на органической основе, т.е. они не связаны в своем проявлении с физиологией организма. В этом проявляется новый тип организованности, иное, отличное от механизма и организма, динамическое строение реальности.

Идея социальной организованности в русском космизме собирает в себе представления о движении к духовности, понимаемой как нравственный тип общественного устройства и планетной динамики. Становление духовной структуры связано с рядом обстоятельств, к которым следует отнести, прежде всего, культурно-эволюционную регуляцию психофизической реальности человека, достижение им высших органических возможностей в биосфере и переход к вне-физиологическим формам космического бытия. Кроме условия антропорегуляции должен быть выполнен также принцип соборной социальной организованности разума. Эти обстоятельства, в плане достижения духовности, не могут быть произвольно разорваны; только совместное их выполнение обеспечивает эволюционно обоснованное движение к духовности.

В этом явлении психофизическая сущность Homo sapiens выступает в био-ноосфере как новая биологическая *культура — Homo creator* [41, с. 131, 132], как трансфизиологическая, геологически преходящая, форма организованности разума. Homo creator в ходе активной эволюции и исторической ургистики вырабатывает геологически новый культурный тип сознания в биосфере, создает творческое культурное естество человека и реальность духовного порядка.

Подлинная духовность не совместима с физиологической основой сознания, с любой животной нуждой, неизбежной при функционировании организма человека. Поэтому возможность духовной организованности культурного вида живого вещества связана с выработкой иной формы жизнедеятельности разума, отличной от биологического пространства-времени, занимаемого дискретным объемом физиологических процессов. Одновременно это есть достижение максимальной нравственности. Духовность есть нравственно организованное общество, или нравственная социальная организованность. Именно как организованную нравственность понимал общество Соловьев [68, с. 329]. Он полагал, что, имея своей задачей осуществление безусловных норм добра, или деятельного (практического) совершенства, «нравственная организация человеческой жизни определяется вообще как *совершенствование*» [68, с. 505]. Конкретным историческим воплощением этой нравственной социальной «стройности» в геологических условиях Земли можно принимать ноосферу.

Ноосфера как структура-аттрактор эволюции организованности геосистемы есть *культурно организованная материально-духовная реальность проявления сознания*. В материальном плане она представляет кристаллизованную культуру и в этой части смыкается с преобразованным «вне-человеком» и техносферой, с технической и технологической базой, научным аппа-

ратом цивилизации. В духовном плане ноосфера есть живая, пульсирующая ткань мысли, проявляющаяся эффектом актуального мышления в организованности глобальной структуры.

Изменение организованности — ее рост, усложнение и смена типов — идет в сторону духовного устройства, неуклонного упрочения духовных основ жизни. *Организованность* стремится проявиться как *духовность*, это ее эволюционный предел. Функциональное строение особым образом структурированной и организованной реальности, отвечающей ноосфере, можно определить как духовность, или духовный тип организованности.

Духовность как организованность ноосферы и форма жизнемысли представляет, таким образом, особый тип динамики со свойственным ей физическим принципом взаимосвязи и собственным классом фундаментальных взаимодействий. «Та скрепа, которая создается в физическом мире взаимопритяжением элементов, составляющих целое, в человеческих группах заменяется психическим притяжением или побуждением к известным поступкам» [46, л. 22].

В современном значении термина духовность понимается как «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными» [52, с. 185], т.е. служит абстрактной, чаще мистифицированной, нормативной идеей, категорией нравственной философии. Такого понимания недостаточно для охвата физической стороны психических взаимодействий в обществе. В условиях ноосферной организованности духовность выражается не только *состоянием сознания* отдельной личности — ее психическим модусом, но и самой динамической *структурой пространства-времени,* отвечающего этой личности в ее социальном интеграле. В социальной жизни это сказывается тем, что духовность, как атрибут совершеннолетнего общества, предстает в виде *реальных физических основ* его *строения* — духовность в нем осуществляется не только *в мысли* (как проявление интеллектуаль-

ных запросов), но прежде всего за счет *структуры* этого общества, организованности ноосферы в целом. Можно сказать, что в этом случае духовность — явление и соответствующее ему понятие, выходящие за рамки этики и принадлежащие физике.

При этом духовность как онтологический статус культурного организма достигается только в условиях социального единства и соборности. По сути, и соборность, и духовность — неотъемлемые одновременные свойства социального уровня организованности, при котором возможно осуществление другого свойства — всеобщности и всюдности земной жизнемысли за счет универсальной формы ее проявления. Законы духовной жизни таковы, что духовность прямо связана с общежитием: духовная сила достигает своего максимума только в неразлучном обществе, в тесноте и духоте *общей* жизни [85, т. 1(1), с. 441-443].

Духовность и *соборность* — две важнейшие взаимосвязанные характеристики эволюционного вектора планетной организованности, взятой в социальном аспекте. Соборность не может строиться вне духовных основ, вне психократических принципов нравственной организованности человечества. Одновременно, и духовность, в смысле строения и подвижной структурной целостности социальной системы, не может достигаться помимо соборной формы проявления сознания этой целостности. В социальном фокусе этих качеств возникает «единство в любви», которое является «не фактом, но актом» [85, т. 1(1), с. 325, 326]. В этом аспекте планетное значение культуры заключается в синтетическом сплочении дискретной общественной воли, в полном слиянии, «конъюгации психических комплексов» [5, ч. 2, с. 69], в собирании и соборовании рассеянных в био-ноосфере импульсных творческих локусов, индивидуальных интеллектуально-нравственных ресурсов в единое *сплошное*, непрерывно-напряженное сознание, в самостоятельно творящее Целое — богообразное, богоподобное и боговидное Существо. В нем

любовь — фундаментальное многополярное взаимодействие в мире, обладающее сверхбиологической интенсивностью связи — «как начало связующее и организующее, как всеобщее взаимное тяготение» [6, с. 130], достигает наибольшей мощности и своего высшего онтологического выражения в состоянии пространства-времени космоса; она организуется в духовной форме как «вселенская космическая *соборность* конкретного всеединства» [6, с. 127]. Любовь, актуализируя духовные принципы соборования общества, определенные законы многополярной физической суперпозиции объемов-полей, отвечающих сознанию культурных организмов, и их синергетического взаимодействия, воссоединяет коллективное сознание в многоликое, самосущее Единство — «духовный всеорганизм» [6, с. 130] — ***эгрегор***[13] древних мыслителей. Это расширенный и усложненный человеческий союз, воплощенный «в виде коллективного социального живого существа» [46, л. 7], которое обладает сигнальной системой третьего и более высокого порядка — для него характерно духовное сотрудничество его элементов — ипостасийное взаимодействие частей и, за счет этого, их единое общее действие [42, л. 14]. Совершенно ясно, что такое внутреннее и внешнее согласие выражает совершенно новую социальную динамику, или организованность. Культурный, социально организованный эгрегор как самостоятельная, особым образом структурированная область явлений разумной жизни, по сути, идентичен ноосфере в ее общественном выражении. Социальную организованность ноосферы можно принять тождественной духовной соборности человечества.

Становление духовной структуры пространства-времени, отвечающего ноосфере, связано с новым критическим периодом в геологической истории Земли, в который происходит дальнейшее расщепление синкретической структуры космоса, расслоение организованности мира по уровням-пластам различной сложности. В этом смысле и косное, и живое вещество пла-

неты также есть произведения ранее пережитых различных критических периодов. Дальнейшее развертывание на Земле космического эволюционного процесса, со всей очевидностью, ведет к появлению между *психическим* и *живым веществом* такого же, в конце концов, *резкого отличия*, какое наблюдается в современной биосфере между ее живым и косным веществом. Существующее ныне отличие живого от косного до сих пор не получило удовлетворительного объяснения в науке, его ранние формы теряются в первоначальной истории планеты. Напротив, резкая грань между духовным и живым есть результат не *изначальной,* а эволюционно-*итоговой* дифференциации единого субстрата жизни; в масштабе короткого отрезка исторического времени это отличие сознания от живого вещества еще не обозначено резкой и непереходимой гранью.

Таким образом, идея социальной организованности развертывается в русском космизме представлением о новом состоянии реальности Земли и космоса, охватываемой жизнедеятельностью «социального вещества» планеты. При этом само общество выявляется как область переходных процессов био-ноосферы; его динамическое строение выражает стремление к духовности — высшей форме проявления социальной организованности. Этому эволюционному, абсолютно устойчивому в Универсуме строению жизнемысли отвечает особое состояние пространства-времени процессов разумной жизни. Благодаря этому духовность, проявляясь в атомной и органической структуре мира космогоническим эффектом сознания, в конечном счете есть модифицированная организованность космоса.

ЧАСТЬ II
НООСФЕРОГЕНЕЗ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В начале века почти одновременно возникли, сосуществуют поныне и развиваются две по существу разные интерпретации ноосферы [см.: 1; 18]. Такое положение сложилось следующим образом. В 1923 году в Сорбонне В.И.Вернадский изложил эволюционно-проективные соображения о превращении человека в мощную геологическую силу, способную перестроить в своих интересах биосферу Земли. Эти идеи были подхвачены и специфически интерпретированы П.Тейяром де Шарденом и философом-бергсонианцем Э.Леруа. В свою очередь, термином «ноосфера», введенным ими для обозначения нового состояния в эволюции природы, связанного с появлением человеческого сознания, Вернадский стал называть этап эволюции биосферы, обусловленный целенаправленной природопреобразующей

деятельностью. Так в науке соединились имена и идеи мыслителей, которые, однако, в силу своих мировоззренческих представлений, дали разные толкования объективных процессов современного этапа и будущего развития человечества, его роли и места в природе и создали поэтому две различные концепции ноосферы.

Глава 1
Ноосферный проект П.Тейяра де Шардена

Французский католический ученый — геолог, палеонтолог-эволюционист, член Французской Академии наук — Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955), постоянно заявлявший о своем нежелании вторгаться в область метафизики, оставил нам богатое философское наследие, в котором самым причудливым образом переплелись наука и религия, объективная реальность и божественное начало, рационализм и мистика, эволюция, преформизм и спасение души. Являясь членом «Ордена Иисуса», он был постоянно гоним католической церковью, иерархи которой наложили запрет на публикацию его научных и теологических трудов. Стремясь оставаться в рамках ортодоксального христианства, он фактически реформировал христианское вероучение, стал знаменем современного неортодоксального католицизма.

В силу многих внутренних противоречий, расплывчатости формулировок, метафорического изложения наследие П.Тейяра де Шардена истолковывается неоднозначно.

Принимая во внимание уже сделанное по осмыслению тейярдизма как философско-религиозного учения и общественно-политического течения, обратимся непосредственно к его эволюционно-проективной интерпретации социоприродной истории и перспектив бытия человека и цивилизации.

П.Тейяр де Шарден стремился объективно представить современное состояние космогенеза, а затем, опираясь на полученные данные, реконструировать естественноисторический процесс эволюции мира и наметить перспективы человечества в будущем. Решение этой задачи он связывал с реализацией феноменологического метода исследования действительности, который предполагает рассмотрение предмета (феномена) объективно — как он есть сам по себе, — в кульминационный момент его развития. Причем избранный феномен предполагалось исследовать вне контекста каких-либо заранее имеющихся теоретических представлений. Названным требованиям, по мнению Тейяра, отвечает феномен человека, поскольку последний не только действительный факт природы, но и центр мира, вокруг которого располагаются предметы и силы природы. Человек, представляя собой «индивидуально и социально, наиболее синтетическое состояние, в котором нам доступна ткань универсума» [19, с. 276], — вершина антропогенеза, венчающего космогенез. Он «ось и вершина эволюции» и поэтому — ключ к пониманию универсума. Такое положение человека объясняется двумя причинами. Тем, что сейчас человечество оказалось в уникальной — переломной точке генезиса универсума, в узловом пункте развития космоса, открытом для нашего понимания, и тем, что с появлением человека разлитое повсюду в природе сознание впервые ста-

новится объектом рефлексии, т.е. перед человеком открывается возможность «сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом» [19, с. 165]. Иными словами, с осознанием человеком своего места в трансформации мирового целого, эволюция обретает способность осознать самое себя. Будучи центром перспективы пространственно-временного развертывания универсума, человек одновременно становится центром конструирования последнего, обретает возможность влиять на его изменения, становится важным фактором, субъектом этого процесса, в то время как на всех предшествовавших этапах естественной эволюции живые организмы оставались лишь пассивными объектами трансформации универсума.

П.Тейяр де Шарден один из первых зафиксировал действительный *перелом в эволюции природы,* связанный с появлением и развитием сознательных существ. В универсуме, согласно Тейяру, в зачаточном, эмбриональном состоянии присутствует все то, что встречается в развитом виде на более высоких ступенях эволюции. Это относится и к сознанию. Пронизывая весь процесс эволюции, оно в разной мере проявляется на этапе геогенеза (физико-химической трансформации универсума) и биогенеза (эволюции живого вещества), который, в конечном счете, представляет собой *психогенез.* В высшей фазе развития жизни, в результате биологических изменений, происходит мгновенный скачек от биологического инстинкта к качественно новому состоянию — мысли. Психогенез, приведший к возникновению человека, «стушевывается» и сменяется «развитием духа — ноогенезом». Только с функционированием сознания в форме мышления, мысли оно проявляется с очевидностью и начинается «новая эра» эволюции универсума, в которой все большую роль приобретает влияние человека, обусловленное не просто его биологическим существованием, подобно живому веществу биосферы, а его сознательным компонентом, на-

чинается, как мы бы сказали сейчас, социоприродная история — взаимообусловленное сосуществование природы и общества.

Уже с самого начала обладание разумом дает человеку коренной перевес над всей предшествовавшей ему жизнью. В дальнейшем процессе ноогенеза влияние человека на эволюцию универсума неуклонно возрастает. Однако, в этой постоянной трансформации Тейяр особо выделяет ряд вех. Первая из них — зарождение в конце третичного периода ноосферы.

Ноосфера, в понимании П.Тейяра де Шардена, представляет собой качественно новое состояние концентрации сознания, которое образует особую пленку или сферу духа, «мыслящий пласт», покрывающий Землю. Подобно биосфере, это — еще одна земная оболочка, покров, разворачивающийся «над миром растений и животных — вне биосферы и над ней» [19, с. 181]. Это не просто мириады крупинок мысли, а единая мыслящая оболочка, образующая субстанцию мысли, в которой множество индивидуальных мышлений группируется и усиливается в акте единого мышления. Ноосфера, следовательно, не простая сумма индивидуальных рефлектирующих сознаний людей, а качественно новый сверхиндивидуальный феномен, охватывающий целиком все человечество. Поэтому ноосфера как целое больше, чем простая сумма образующих его элементов.

Как видим, ноосфера уже с самого начала своего генезиса — сугубо идеальное образование, мыслящая субстанция, которая в процессе дальнейшего развития окончательно теряет свою связь с человеком и превращается в трансцендентальную точку Омега — деперсонализированного христианского бога, который представляется Тейяром то в виде некоторого сверхличного феномена, то в виде сознания, разлитого в мире на манер пантеизма («бог весь во всем»), то в виде центра концентрации центров сознания, выступающего, в конечном счете, перводвигателем всего процесса эволюции универсума.

Надо заметить следующее. Тейяр отступает от одного из принципов, провозглашенного им феноменологического метода. Ему самому не удалось избежать предвзятого подхода, который, по его мнению, не позволил предшественникам объективно показать эволюцию мира, поскольку все прежние, даже самые объективные наблюдения, были «целиком пропитаны исходными посылками, а также формами или навыками мышления, выработанными в ходе исторического развития научного исследования» [19, с. 34]. Все проблемы, исследуемые Тейяром де Шарденом (процесс эволюции универсума, развертывание ноосферы, космогенез в целом и др.), рассматриваются католическим богословом через призму христианского мировоззрения и получают поэтому, в конечном счете, религиозно-мистическую интерпретацию.

Непоследовательность Тейяра вытекает из стремления примирить науку и веру. В тех случаях, когда богослов исследует объективные процессы как ученый, он невольно отступает от своих теистических мировоззренческих постулатов, противоречит своим мировоззренческим обобщениям. Содержательный анализ изображаемого Тейяром процесса развертывания ноосферы отрицает оторванность последней от человека, вскрывает неразрывную связь ноогенеза с практической деятельностью людей, признает единство социоприродной истории. Фактически, как мы увидим ниже, Тейяр в некоторых положениях близок к интерпретации ноосферы Э.Леруа, указывавшего на генетическую взаимосвязь ноосферы с биосферой. Согласно Леруа, до тех пор, пока ноосфера не достигла кульминации своей эволюции — слияния в мистической точке Омега, она развивается в биосфере. На этом этапе эволюции биосфера и ноосфера «различаются не в пространственном отношении». «Во многом они проникают друг друга, вторая является преобразованием первой» [20, p. 54].

Человек не вырван из природы, мощь его воздействия на природу связана с тем, что в ходе эволюции в биосфере, «являясь ее продолжением, существует человеческая сфера, сфера размышления и свободного изобретения, мысли в собственном смысле слова, короче, сфера духа или ноосфера» [20, p. 46].

Действительно, человек как рефлектирующее существо возникает исторически, как продукт эволюции сначала неживой, а затем живой материи. Он взаимосвязан с окружающей природой. Его индивидуальная и коллективная мысль направлены на решение практических задач обеспечения своего физического бытия — на преобразование окружающего мира. «Со времени своего зарождения наука[14] развивалась, побуждаемая, главным образом, необходимостью разрешить какую-нибудь проблему жизни; ее самые возвышенные теории всегда витали бы беспочвенные в сфере человеческой мысли, если бы они немедленно не воплощались в какой-то способ покорения мира. Благодаря этому человечество, продолжая движение всех других одушевленных форм, несомненно, идет в направлении завоевания материи, поставленной на службу духу» [19, с. 245]. Суть ноогенеза — «больше действовать, чтобы полнее существовать». В ходе ноогенеза время и пространство действительно очеловечиваются.

В понимании Тейяра становление ноосферы по сути дела совпадает с *процессом гоминизации* — развитием самого человека и собственно человеческого мира, его истории. Гоминизация проявляется в образовании специфически человеческих реальностей, в одухотворении естественного, физического и органического мира и возникновении искусственных — моральных, юридических и других — реальностей, которые являются одновременно «структурными законами ноосферы». Гоминизация — необходимый момент эволюции ноосферы, поскольку однажды возникший «рефлектирующий

психический центр... может продолжить существование лишь путем единого двустороннего развития, которое состоит в дальнейшем самососредоточении, путем проникновения в новое пространство и, одновременно, в сосредоточении вокруг себя остального мира, путем установления в окружающей реальности все более стройной и лучше организованной перспективы» [19, с. 172]. Одним словом, развитие ноосферы не мыслимо без гоминизации — совершенствования человека и созданного им специфически человеческого мира.

Свидетельством возникновения и существования ноосферы на Земле как для нас самих, так и для тех, кто значительно позже станет изучать наш мир, или для какого-нибудь пришельца из космоса будут объекты материально преобразованной действительности: заводы и поля, средства транспорта и связи, творения искусства, измененные человеком формы жизни и т.п.

Феномен ноосферы существует с того момента, когда в результате все большего увеличения плотности народонаселения, экономических, культурных и других связей люди консолидируются в единое человечество, когда вся Земля становится предметом духовного и практического освоения людьми. Однако, ноосфера, по Тейяру, не есть сама преобразованная действительность. Последняя — только материальная матрица, форма воплощения духа.

На первом этапе ноогенеза развитие ноосферы определялось, главным образом, ростом населения планеты — количественным увеличением «мыслящих центров» и наследованием ими всего предшествовавшего человеческого опыта. Функция социального наследования заключается в том, что посредством воспитания, образования, традиций и т.п. в коллективной памяти и коллективном разуме человечества необратимо происходит накопление, передача и обмен идей. «Наследственность, перенесенная человеком в мыслящий слой Зем-

ли... переходит в опоясывающие Землю пласты ноосферы». Начиная с этого момента, наследственность в человеческом обществе сводится «к простой передаче приобретенных духовных сокровищ» [19, с. 222]. Гоминизируясь, наследственность в своей ноосферической форме чрезвычайно ускоряет процесс ноогенеза, усиливает влияние человека на эволюцию окружающей действительности и развитие самой ноосферы.

В силу того, что долгое время обширные пространства планеты не стесняли распространение людей по ее поверхности, процесс социальной эволюции человечества, концентрации людей и их сознания (что равносильно росту ноосферы) был очень медленным. Только с началом неолита произошло заметное ускорение ноогенеза. В этот период на смену довольно слабо взаимосвязанным группам бродячих охотников приходит оседлое и организованное человечество. Рост населения привел не только к простому увеличению концентрации людей, но и к дальнейшей концентрации сознания, равносильной ускорению социализации. Потребность обеспечения физического существования растущего человечества и организации совместной жизни людей обусловили необходимость производства и воспроизводства того, что раньше находилось в природе готовым, а также совершенствование общественных структур и законов. В это же время разгорается вкус к исследованиям и потребность в них. Появление искусственных сооружений и изобретений Тейяр оценивает как революционный акт в процессе эволюции не только человека, но и универсума в целом. Созданные человеком орудия позволяют ему бесконечно разнообразить и усиливать свое воздействие на природу, увеличивают свободу его развития, открывая тем самым совершенно новый этап эволюции, связанный с возможностью влиять на собственный процесс филогенеза, оставаясь биологически практически неизменным. С возникновением цивилизации, какой бы

«тонкой и зернистой ни была эта первая пленка ноосферы, она начала замыкаться и уже сомкнулась, окружив Землю» [19, с. 204].

Тейяр де Шарден считает: все историческое время — какие-нибудь шесть тысяч лет, от которых до нас дошли письменные или датированные документы — это прямое продолжение неолита. На этом этапе истории постоянно усиливается гоминизация человека. Несмотря на наличие множества учреждений, народов, империй, религиозных верований, социальных институтов, происходит нормальное развитие Homo sapiens в социальной атмосфере. Благодаря все более тесному взаимодействию и взаимопроникновению народов, углубляется биологический и социальный синтез человечества. Неолитическая мозаика очагов цивилизации (предзнаменование и прелюдия высшего и нового состояния ноосферы) постепенно эволюционирует к самой передовой форме — западной. Поэтому Тейяр связывает дальнейший прогресс ноогенеза с тенденциями развития именно этого типа цивилизации.

В настоящее время, — констатирует Тейяр, — мы переживаем период изменения эры — взрывное ускорение ноогенеза. Первые его признаки начали проявляться в эпоху Возрождения, а к концу XVIII века на Западе был сделан явный поворот в истории. На смену земледельческой цивилизации пришла промышленная, которая привела не только к изменению социальных структур и форм развития, но и к овладению человеком новыми формами энергии (нефть, электричество, атом), орудиями труда (машины), научными достижениями и т.д. В результате этого неизмеримо увеличилось физическое влияние каждого человека на окружающий мир, а современные средства связи позволяют каждому индивиду активно или пассивно одновременно находиться на всех морях и континентах, во всех

точках Земли. Такая энергичная концентрация сознания образует «почти твердую массу гоминизированной субстанции» [19, с. 236].

Невиданная материальная мощь человеческой цивилизации и достижения науки открыли перед людьми возможность подчинить себе развитие нашего тела и мозга, контролировать механизмы органической наследственности, синтезируя белки, искусственно производить «неожизнь», создавать живые организмы. Перед коллективным человечеством открылась перспектива «овладеть лежащей за пределами всех атомных и молекулярных свойств основной энергией... и, объединив всех вместе, взять в свои руки штурвал мира, отыскать саму пружину эволюции» [19, с. 246], обеспечив тем самым возможность преодоления своего конечного существования. Роль науки, следовательно, не ограничивается только *познанием* окружающего мира, а вырастает до *творчества,* создания нового. Это творчество распространяется на обеспечение дальнейшей — проективной — эволюции универсума, на преодоление ограниченности заданного «кванта» энергии эволюции, введенного ранее Тейяром в соответствии с идеей креационизма и первотолчка, что в конечном счете предполагает неизбежность финала эволюции.

Оказавшись у руля эволюции, обретя свободу располагать собой — «продолжать себя или отвергнуть», люди осознали противоречия социоприродной эволюции, заметили грозные проблемы, сопутствующие осуществлению человеческих проективных устремлений. Действительно, трудом и разумом создав материальные и научные предпосылки преодоления естественных ограничений своего существования, антропогенного обеспечения условий безграничного развития общества, человек оказался перед лицом совокупности чрезвычайно сложных проблем, называемых ныне глобальными, которые ставят под сомнение реализацию этой воз-

можности. Особую тревогу вызывают у Тейяра такие препятствующие прогрессу ноосферы явления как: стремление подчинить науку и производство созданию средств ведения войны; сосредоточение деятельности людей в сфере производства материального, а не духовного богатства; расизм; рост индустриализации и индивидуализма, а в связи с этим — и поляризация интересов и стремлений отдельных людей; трудности обеспечения социально разрозненного человечества сырьем, энергией и продовольствием в условиях быстрого демографического роста на конечной по своим пространственно-временным параметрам планете и т.п. Перед Тейяром встает проблема: сможет ли человечество удержаться в русле ноогенеза? Каковы перспективы социоприродной истории?

Способность рефлектирующего сознания критиковать саму жизнь и судить о ней привела людей к открытию того, что «нечто развивается в мире через посредство нас, может быть, за наш счет, и, что еще важнее, мы замечаем, что в этой великой игре мы одновременно игроки, карты и ставки» [19, с. 225-226]. Эта весьма современно звучащая мысль вытекает из системного представления Тейяра о взаимосвязи всего существующего в мире. Совершенно справедливо, например, он полагает, что нарушение функционирования отдельных организмов (элементов) биосферы может привести к нарушению всей сети (системы) биосферы. В результате неверного понимания действительности практическая деятельность человека по обеспечению условий своего существования может привести к неблагоприятному для него ходу эволюции и его собственного будущего, поскольку в системе любой элемент может развиваться лишь в связи со всеми другими элементами и через них.

Кроме того, реалии западной цивилизации противоречат дальнейшему развитию человека и в целом единению человеческого духа в ноосфере. Тейяр полагал,

что современное ему состояние общества чревато «угрозой забастовки в ноосфере», поскольку оно противоречит внутренним законам ее эволюции.

Основная угроза прогрессу человечества видится Тейяру в конфронтации социальных сил, существующей дивергенции народов, государств, цивилизаций, коллективов и отдельных людей. Все это противоречит уровню уже достигнутого сообществом сплочения, «планетизации» человечества и возможности его расти лишь взаимопроникая друг в друга. Предпринимавшиеся попытки «коллективизации человечества приводят... к порабощению сознаний». Поэтому будущее ноосферы он связал с преодолением этих явлений общественного развития, с консолидацией человечества, объединением его в одну человеческую цивилизацию, способную решить проблему духовного единения людей и на этой основе высвобождающиеся благодаря научно-техническому прогрессу духовные силы переключить из сферы материализации духа (его возврата в изначальное состояние) в сферу духовного развития — ноогенеза, развития ноосферы.

Тейяр убежден: «Для человека нет будущего, ожидаемого в результате эволюции, вне его объединения с другими людьми» [19, с. 242]. Это сообщество, называемое католическим богословом человечеством, претерпевает в его концепции странную метаморфозу и мыслится им как сверхиндивидуальная реальность особого рода, лишенная «телесных, осязаемых конструкций», как «специфический тип сознательного синтеза» — «суперагрегации душ» [19, с. 244]. В конечном счете человечество определяется им именно как дух. Поэтому, фактически единение человечества равносильно достижению общности сознаний, которое, в свою очередь, эквивалентно сверхсознанию — богу. Только такое сознание и может удовлетворить богослова, ибо «человек никогда не сумеет превзойти человека, объединяясь с самим собой» [19, с. 249] в его действительном земном существовании.

По всей видимости, в силу недостаточного развития науки и техники во времена написания «Феномена человека» и своего социального положения, Тейяр де Шарден не смог увидеть силы, способные изменить реалии традиционного индустриального общества, коренным образом трансформировать присущие ему тенденции обострения внутренних социальных противоречий, решить проблему объединения человечества, преодолеть кризис бытия индустриальной цивилизации и нащупать перспективы социоприродной истории. Отсюда пессимистический прогноз Тейяра и обращение к вере, как средству, способному дать людям стимул «двигать вперед ноогенез» к высшему совершенству. Но так как для теолога таким совершенством является божественное существование и слияние человеческого духа с ним, то единственный путь к его достижению — освобождение души от бренности земного существования, т.е. конец жизни. Вместо решения земных жизненных проблем предлагается божественное утешение — спасение души, сверхжизнь. По сути дела, для теолога и нет другого исхода, ибо «по природе творения и соответственно по требованию творца» финал существованию жизни на Земле фатально предопределен[15].

Столь же предопределен он и в случае свободной — не направляемой верой — деятельности людей, поскольку свободные, случайные действия отдельных индивидов, в конечном счете, уравновешиваются тенденцией «неминуемости» эволюции, свойственной большим ансамблям, подобным человечеству. Под влиянием общей тенденции космогенеза к кульминации в высшем сознании «растут шансы на успех со стороны случая, уменьшаются шансы на отказ или ошибку со стороны свободы» [19, с. 293].

«Конец света» — финал для Духа Земли и увенчание (спасение). Это внутренний возврат к себе целиком всей ноосферы, достигшей, одновременно, край-

ней степени своей сложности и своей сосредоточенности вокруг центральной точки концентрации выделяемых ноогенезом сознаний, где отдельные крупинки мысли не обезличиваются, а, напротив, находят свое наивысшее воплощение. Тейяр считает, что на уровне человека «гоминизируется сама смерть» — погибает только органическое тело, а высвобождающиеся души уносят «ношу сознания» и ноосфера коллективно достигает своей точки конвергенции в «конце света».

При этом Тейяр решительно отрицает возможность конца света в результате какого-либо несчастья: космического катаклизма (энтропии, столкновения с болидом и пр.) или внутренних угроз, возникающих в лоне биосферы и ноосферы (нашествия микробов, войны, революции). Согласно преформистской идее, в процессе эволюции «человек незаменим. Значит, сколь бы невероятной ни была перспектива, он должен достигнуть конечной цели, несомненно, не по необходимости, но неминуемо» [19, с. 271].

По аналогии с длительностью эволюции прежних пластов жизни процесс конвергенции представляется Тейяру растянутым на несколько миллионов лет. Этот период ноогенеза полон противоречий и осуществление конвергенции может происходить разными путями.

Судя по нынешнему состоянию ноосферы возможными считаются три линии дальнейшего развития. Идеальным представляется будущее, обусловленное синтезом гуманистически ориентированной науки и религии. Хотя современный мир революционизирован наукой, последняя, к сожалению, до сего времени ориентирована не столько на удовлетворение человеческих потребностей, сколько на противоположные цели: «Все для производства. Все для вооружений». Однако наука, чтобы оправдать надежды эволюции, должна быть направлена на человека, ибо познать человека — «значит, в сущности, попытаться узнать, как образовался мир и

как он должен продолжать образовываться. Наука о человеке — теоретическая и практическая наука о гоминизации» [19, с. 276]. Гуманистически ориентированная наука открывает возможность не только поддержания здоровья и совершенствования тела человека, но и обеспечения разумной организации общества, его будущего путем гармонизации свободы и планирования, распределения природных ресурсов, оптимального использования материальных и духовных сил, рациональной организации Земли в целом. Но, по убеждению Тейяра, наука сама по себе не в состоянии решить все проблемы, так как ее познавательный потенциал ограничен внешней стороной существующих и существовавших вещей. Когда же обращаются к будущему и познанию внутренней основы эволюции, без религии не обойтись. Для того, чтобы творить будущее необходим «притягательный центр», нужна вера, «что универсум имеет смысл и что он может и даже должен... прийти к какому-то необратимому совершенству» [19, с. 278]. Нужна вера в прогресс. Таким образом, для Тейяра «религия и наука — две неразрывно связанные стороны, или фазы, одного и того же полного акта познания, — который только один смог бы охватить прошлое и будущее эволюции, чтобы их рассмотреть, измерить и завершить» [19, с. 279]. Синтез науки и религии реализуется тем полнее, чем больше наука сосредоточивается на человеке. Это, одновременно, предпосылка бесконфликтного полного слияния ноосферы с богом.

Но ноосфера, в силу непримиримой вражды между «двумя антагонистическими полюсами поклонения» — науки и религии, может быть разорвана. Согласно этому варианту, только устремленная к богу часть ноосферы (человеческого духа) достигнет центра Омега.

Возможен и третий, наиболее апокалипсический, вариант, связанный со смертью материально исчерпавшей себя планеты, разрывом ноосферы, разделившей-

ся по вопросу о форме, в которую необходимо облечь свое единство, и поляризацией устремлений единичных сознаний. При этом центра центров достигнут лишь немногие, обращенные к богу крупинки мысли.

Идя от феномена человека в его глубокую предысторию, рассматривая предшествующие этапы эволюции, Тейяр стремился опираться на реальные факты и в силу этого ему порой удавалось удерживаться на уровне констатации действительных процессов развития. Однако, религиозное мировоззрение, игнорирующее объективные законы саморазвития материи — природы и общества — позволило ему лишь более или менее правдоподобно выстроить цепочку естественнонаучных фактов, отражающих различные этапы эволюции материи, но отнюдь не вскрыть подлинные внутренние источники и движущие силы ее саморазвития. Поэтому, для него двигатель эволюции — любовь, энергия единения или закон усложнения сознания, что выражается одним словом — бог; переход от одного этапа эволюции к другому — процесс увеличения сознания, психизма (социализации); а сама эволюция, сплошь пронизанная редукционизмом (социальное сводится к биологическому, и, вообще, эволюция универсума рассматривается как эволюция духа, поскольку сам универсум отождествляется с духом [см.: 19, с. 254]), получает преформистскую интерпретацию.

Методология Тейяра де Шардена оказалась несостоятельной в изображении будущего. Здесь он был вынужден отказаться от претензий на научность и призвать на помощь веру, окончательно смешав монизм и пантеизм, эволюцию и преформизм, креационизм, вечность и несотворимость мира, имманентность и трансцендентность бога мировому целому и т.п. Отсутствие реальной основы научного прогнозирования будущего — объективных законов развития природы и общества — обращает Тейяра на стезю мистицизма, видя-

щего перспективу человечества и ноосферы в спасении души в конечном трансцендентальном пункте конвергенции ноосферы — в точке Омега, где ноосфера окончательно лишается своей материальной основы, превращаясь фактически в бога, который сам, являясь альфой и омегой мира, определяет наблюдаемое нами свое собственное саморазвитие в форме универсума, а ноосфера выступает лишь наивысшей формой проявления духа на определенной стадии космогенеза. Словом, это одна из вариаций христианской идеи спасения души, попытка снять якобы неразрешимые на Земле противоречия социального бытия, избежать трудности взаимодействия общества с природой, преодолеть угрозу конечности бытия природы Земли и существования людей.

«Рациональное приглашение к акту верования» оказалось наиболее слабым фрагментом в концепции ноосферы Тейяра де Шардена. В нем в предельно ясной форме проявился пессимизм и финализм христианского вероучения, не видящего реальных перспектив бытия общества и человека вне бога, неверие в творческие силы человека обеспечить свое будущее существование на Земле.

На наш взгляд, Тейяр пришел к апокалипсической идее конца человечества на Земле и возможности лишь духовного бессмертия человечества — божественного спасения — не только в силу своих мировоззренческих представлений, но и потому, что реалии традиционного индустриального общества не дали мыслителю достаточно материала для оптимистического прогнозирования. Экономические трудности, увеличение эксплуатации и подавление духовного развития человека, обострение классовой борьбы, индивидуализм, усугубляющий эти трудности, и т.п. порождали неуверенность людей в «надлежащем исходе... эволюции» [19, с. 225].

Несомненно, эта концепция ноосферы, пронизанная мистицизмом, далека от подлинно научной интерпретации современного этапа социоприродной эволю-

ции, от понимания сущности перемен, происходящих в развитии человечества и взаимодействия общества с природой; однако, присущие ей гуманистические нотки, критическая оценка цивилизации индустриального типа, призыв к разоружению и миру, равноправному национальному и культурному сотрудничеству и единению перед лицом общечеловеческих проблем, постановка проблемы возрастания роли научной, духовной, проективной деятельности и ответственности людей в процессе преобразования своего бытия заслуживают одобрения и требуют адекватной оценки творчества Тейяра де Шардена.

С возникновением человеческого сознания и наук, действительно, складывается и все больше расширяется, обретая планетарное значение, идеальная деятельность, реальность которой невозможно отрицать, которая, материализуясь в деятельности людей, способна оказывать влияние на естественный процесс бытия природы и общества. Эта идея Тейяра оказалась весьма плодотворной. Несколько трансформированная, освобожденная от теологических мистификаций, она лежит в основе многих современных концепций, видящих в сознании, науке, информации и т.п. высшее воплощение всеобщего разума, способного разрешить все земные проблемы. Для трактовок ноосферы, опирающихся на подобные представления, порой присуще умаление материальной обусловленности развития идеального, духовного производства, а следовательно, и его связи с практикой общественной жизнедеятельности. Они исходят из положения о первичности духа над материей и поэтому, абсолютизируя роль идеальной деятельности в истории, отводят ей определяющее место в решении современных проблем взаимодействия общества и природы.

Глава 2
Генезис концепции ноосферы В.И.Вернадского

Выдающийся русский ученый, основоположник геохимии, биогеохимии, радиогеологии, учения о биосфере, историк и организатор науки, академик В.И.Вернадский (1863–1945) на протяжении многих десятилетий работал над синтетической концепцией проективной эволюции социоприродного Универсума. К сожалению, он не оставил нам обобщающий труд о новом этапе социоприродной истории — ноосфере. В своих работах он поставил проблему, развил, углубил и создал фундамент концепции, однако, судя по тому, что основной его труд, посвященный ноосфере — «Научная мысль как планетное явление» — не был при жизни автора опубликован, видно: ученый не был удовлетворен достигнутыми результатами. О правоте такого суждения говорит и сам текст работы, где явно ощущается поиск Вернадским критериев отсчета начала ноосферы, противоречивые

высказывания, мучительные попытки увязать естественнонаучную теорию геохимической миграции вещества и энергии с развитием общества. Только тщательная реконструкция генезиса представлений ученого о ноосфере позволяет во всей полноте выявить мировоззренческую значимость и эвристический потенциал его концепции. В то же время, теоретическое наследие Вернадского отразило сложный путь исканий истины: выдвижение гипотез, их развитие и опровержение. Многолетняя работа над этой проблемой осуществлялась в переломный период развития науки, техники, всей социоприродной истории. Наука и практика постоянно вносили существенные коррективы в понимание процесса становления ноосферы. Воспроизведение творческого процесса разработки этой концепции помогает выявить многие недостатки, свойственные современным интерпретациям ноосферогенеза, которые были преодолены уже самим ее основоположником и вытекают из фрагментарного восприятия творческого наследия Вернадского и русского космизма в целом.

Начав свою деятельность как кристаллограф и минералог, Вернадский заинтересовался проблемой миграции химических элементов, а затем и энергии в природе. Эта проблема была подвергнута им всестороннему анализу — от миграции элементов, атомных частиц до «вселенского», космического масштаба обмена вещества и энергии в природе. В результате были выявлены различные факторы миграции химических элементов; роль физических процессов, влияние жизни и «живого вещества» (совокупности живых организмов) на формирование биосферы и обратного воздействия природной среды на живые организмы; наконец, место и роль социальной жизнедеятельности в этом процессе, т.е. специфика изменения биогеохимической миграции вещества и энергии под воздействием человеческой деятельности. Осуществление таких разносторон-

них и глубоких исследований требовало выхода за рамки эмпирического материала и методологии конкретных естественных наук, обращения к гуманитарным наукам и перехода к философским обобщениям.

Научная значимость учения Вернадского о ноосфере состоит в том, что он как естествоиспытатель, исследуя геохимические процессы миграции вещества и энергии в природе, выявил геологическую роль жизни, живого вещества в планетарных процессах, в становлении и последующем поддержании динамического равновесия биосферы — продукта жизнедеятельности и среды существования живых существ. В этом живом веществе он выделил человека как геологическую силу, изменяющую естественные биогеохимические процессы планеты, способную перестроить согласно своим представлениям складывавшиеся на протяжении многих геологических эпох естественные циклы миграции вещества и энергии и изменить таким образом биосферу Земли.

В тоже время, в отличие от идеалистических построений, для Вернадского становление ноосферы «не случайное явление на нашей планете, создание «свободного разума», «человеческого гения», а природное явление, резко материально проявляющееся в своих следствиях в окружающей человека среде» [9, с. 282-283], т.е. результат трудовой деятельности сознательных существ — людей опирающихся на достижения созданных ими науки и техники. Это положение, выдвинутое еще в 30-е годы, совершенно определенно указывает на необоснованность попыток некоторых авторов, ссылаясь на авторитет Вернадского и его отдельные, вырванные из контекста высказывания, свести ноосферу к явлениям сознания, «научной мысли», идеальных образов, где «встречается сказка с научной фантазией, древнейший миф — с новейшей научной теорией» [3, с. 113]; представить ноосферу только как «новый идеальный компонент планеты», пусть даже и опирающийся на техносферный базис [12, с. 248].

В основание материалистической концепции ноосферы Вернадского были положены идеи об объективном процессе преобразования человеком природы «в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого», ибо ноосфера понималась им как окружающая человека среда, природное явление, новое состояние биосферы, а созидание ее — как контролируемый и регулируемый обществом процесс обмена веществом и энергией общества с природой, т.е. как разумное, согласно данным науки, преобразование природы.

Сами по себе эти идеи в последующем не подвергались сомнению ни Вернадским, ни его последователями. Трудность для Вернадского как натуралиста и естествоиспытателя состояла в том, что, исследуя влияние человека, общества на природу Земли, он столкнулся с качественно отличной от всех иных форм движения материи реальностью, подчиненной своим специфическим законам, собственное развитие и взаимодействие которой с природой не может быть отождествлено или редуцировано к биологической форме движения материи или к физическим и химическим закономерностям, присущим живой и тем более неживой природе. Чувствуя возможность такого редукционизма, ученый не раз указывал на недопустимость забвения качественного отличия и несводимости живого вещества к косной материи. Он особенно отмечал, что при изучении геохимического значения человечества опрометчиво «сводить его целиком к весу, составу и энергии». Поскольку биогенная миграция атомов, вызываемая Homo sapiens (в отличие от других форм живого вещества), определяется его разумом и трудом, «человек глубоко отличается от других организмов по своему действию на окружающую среду» [4, с. 53].

Преодоление естественнонаучного редукционизма — не единственная проблема для естествоиспытателя, затрагивающего в своих исследованиях качественно различные формы движения материи. Главная трудность

состоит в том, чтобы показать особенности использования обществом в своей жизни наиболее общих законов природы, специфику взаимодействия социальной формы движения материи с иными ее формами. Тем более это трудно сделать исследователю, у которого не было систематических знаний об историческом процессе.

От естественнонаучного материализма к пониманию роли социальных факторов в историческом процессе развития гуманистической цивилизации он шел своим путем, порой вопреки собственным общефилософским представлениям. Но под влиянием углубленного рассмотрения объективной диалектики социального и природного бытия он должен был вначале еще стихийно и не всегда последовательно, но все чаще применять комплексный системный метод анализа действительности.

К проблеме ноосферы Вернадский пришел от геохимии и биохимии. Эта естественнонаучная ориентация в исследовании роли человека в биогеохимических процессах долго превалировала в его учении о ноосфере, сдерживала осмысление специфики человека и его социальной жизнедеятельности в геохимической миграции и тяжело преодолевалась в течение многих лет. Поскольку в методе биогеохимии главное — это «влияние атомов, строящих живой организм, на геохимию биосферы, на ее атомную структуру», то, «определяя все явления живого организма и его самого точно — химически, геометрически и физически, она (биогеохимия — *Ю.О.*) сводит организм на меру и на число, точно определенные, позволяет сводить его к числовым константам» [9, с. 166]. Человек при таком подходе рассматривается как часть и определенная *функция биосферы,* а действительная специфика воздействия общества на природу, заключенная в способе материального производства, т.е. в уровне развития производительных сил и характера производственных отношений,

упускается из виду. Однако, в своей работе естествоиспытателя Вернадский, как и многие другие представители естественных наук, через данные своей науки по-своему подходил к осознанию роли материальной производственной и социально-политической деятельности людей в преобразовании взаимодействия общества с природой. Не всегда четко осознавая принципы социального развития в раскрытии проблем взаимодействия общества и природы, он связывал, в конечном счете, осуществление ноосферы с движением общества в направлении создания такой всемирной ассоциации людей, которая бы отвечала общечеловеческим идеалам равенства всех людей и социального прогресса человечества.

Несмотря на упорные поиски критерия переломного момента в биогеохимической миграции вещества и энергии, определившего начало становления ноосферы, Вернадскому не сразу удалось точно и однозначно его установить. В зависимости от того, *что* понималось им в качестве исходного момента процесса — появление разумных существ, научной мысли, науки в собственном смысле, объединение человечества в мировое сообщество свободных людей — временные рамки начала становления ноосферы постоянно отодвигались.

Сначала ее проявление связывалось с первыми признаками разумных действий животных предков человека, с появлением Homo sapiens, потом ими представлялись такие поворотные пункты в истории человеческой жизнедеятельности, как зарождение земледелия и возникновение цивилизации, систематизация знаний в древнегреческой философии и науке, и, наконец, преобразование биосферы в ноосферу связывалось со взрывом научного творчества, с научными открытиями конца XIX — начала XX вв. и с перспективой коммунистического развития человечества, превращением последнего в единую ассоциацию людей, сознательно преобразующих свою жизнедеятельность согласно гуманистическим идеалам.

Предпосылки становления ноосферы и возникновения человеческого разума как главного условия ее реализации создавались, по мнению Вернадского, в ходе естественного процесса цефализации еще во времена животных предшественников Homo sapiens. Это движение началось миллионы лет тому назад, в конце третичного времени, но только с человеком, несомненно, появилась новая огромная геологическая сила на поверхности нашей планеты. Появление человека как нового геологического фактора в биосфере ученый связывал с деятельностью человечества как основанного на биологической общности людей единого целого, отличного по образу воздействия на природу, от других «рас» (форм) живого вещества. Однако, необходимо было выделить специфическое свойство этой общности, качественно отличающее ее от других живых организмов и их сообществ. Таким свойством, вероятно, мог стать способный познавать и охватывать биосферу разум или способность человека перестраивать биосферу согласно разумным принципам, т.е. способность превратить биосферу в царство разума — ноосферу. Но факты свидетельствуют, что, несмотря на наличие разума и накопление сведений об окружающем мире, долгое время жизнедеятельность людей мало отличалась от жизнедеятельности других живых существ. Так, первобытные собиратели и охотники оказывали на биогеохимические процессы незначительное воздействие и изменяли окружающую среду немногим больше хищных зверей стадного образа жизни.

Специфически социально обусловленное геологическое действие человечества в перестройке биосферы сказалось только много времени спустя после его появления в биосфере. Это влияние заметно усилилось с овладением огнем, позволившим вносить нечто новое в естественные химические процессы. Действительно ощутимое влияние человека на биогеохимические

процессы Земли началось с возникновением земледелия и скотоводства, которые повлекли за собой зарождение городов, развитие ремесленной техники и начало цивилизации. Открытие земледелия определило все будущее человечества. Изменяя этим путем жизнь автотрофных зеленых организмов, человек создал такой рычаг для своей деятельности, последствия которого в истории планеты были решающими. Человек этим путем овладел всем живым веществом, мало-помалу изменил действительность согласно своим целям и потребностям.

Благодаря сельскохозяйственной деятельности люди освободились от стихийной зависимости от окружающей природы в обеспечении себя продовольствием, вывели новые породы животных и культурных растений, преобразовали течение всех геохимических процессов и лик планеты, который пришел в состояние непрестанных потрясений.

Однако, ни достигнутые на основе земледелия успехи, ни рост научной мысли, ни начатые в IV столетии до новой эры древними греками систематизация и соответствующее ей описание всех явлений и естественных тел реальности, т.е. создание «научного аппарата» (формированию которого ученый на определенном этапе своих поисков отводил большую роль в становлении ноосферы) все же не позволяли утверждать о ее окончательном возникновении. Даже ренессанс греческой науки в средние века и предшествующий промышленной революции XVIII — XIX вв. подъем науки, да и сама эта революция, хотя и рассматривались Вернадским как важные этапы на пути формирования ноосферы, не были приняты в качестве поворотных пунктов ее целенаправленного становления. Им не стало и объединение человечества «в единое экономическое целое» в результате создания мирового капиталистического хозяйства.

Поиски такого уровня развития человечества, который можно было бы принять в качестве критерия его зрелости как геологической силы, способной не сти-

хийно, подобно природным процессам, а планомерно, организованно, в масштабах всей планеты изменять биосферу, привели натуралиста Вернадского к признанию того, что объяснить диалектику преобразования биосферы в ноосферу невозможно лишь на основе данных и методов естественных наук, что «биогеохимия должна глубочайшим образом соприкасаться с науками не только о жизни, но и о человеке, с науками гуманитарными» [9, с. 127].

Более глубокое проникновение в социальную проблематику позволило поднять на новую высоту разработку проблемы и увидеть ряд факторов в жизнедеятельности общества, наличие которых, несмотря на достижения науки, техники и в целом увеличение масштаба и интенсивности воздействия общества на природу, на преобразование биосферы, не позволяло утверждать, что человек рационально преобразует среду своей жизни.

К этому времени ученым уже совершенно определенно были установлены присущие только человеку средства и способы преобразования окружающей природы, была выявлена специфика человеческой геохимической деятельности в биосфере. В отличие от химической миграции элементов биосферы путем их прохождения через тела живых организмов в геохимической деятельности человечества, масса которого по сравнению с массой биосферы незначительна, важнейшим фактором становится техническая деятельность, создающая современную цивилизацию. Мощь воздействия человечества на природу обусловлена тем, что «человек ввел в структуру планеты новую форму действия живого вещества на обмен атомов живого вещества с косной материей. Раньше организмы влияли на историю только тех атомов, которые были нужны для их роста, размножения, питания, дыхания. Человек расширил этот круг, влияя на элементы, нужные для техники и для

создания цивилизационных форм жизни» [5, с. 183]. Именно такая деятельность человека изменила традиционный «вечный бег геохимических циклов». В этом свете иначе предстала и проблема возникновения научной мысли, влияние и обусловленность развития науки в обществе. Оказалось, что наука не есть результат стихийного, естественного развития разума, процесса цефализации, а представляет собой ответ на потребность удовлетворения запросов социальной жизнедеятельности общества, «технической работы, вызванной потребностями быта».

Введение в анализ планетарной миграции вещества и энергии социального исторического процесса и выделение в нем уровня развития техники, науки и человеческого труда (развития производительных сил) как факторов, определяющих мощь антропогенной геологической силы, оказывающей давление на среду, позволило ученому наметить основные вехи, определившие масштаб и интенсивность изменения человеком энергетического и химического состояния биосферы. Такими вехами стали: мускульная сила человека, кооперация труда, использование огня, возникновение земледелия и скотоводства, овладение энергией воды, ветра, химических процессов, использование пара, электричества и, наконец, атомной энергии. С помощью этих сил науки и труда человек, «в сущности, овладел планетой не только в ее веществе, но и в ее энергии, стал творческой сознательной геологической силой» [10, с. 276].

Превращение биосферы в ноосферу все теснее стало связываться именно с прогрессом производительных сил общества. Однако, для создания ноосферы оказалось недостаточно ни развития техники, ни применения различных форм энергии, ни могущества науки. Исторический опыт показал, что достигнутые в течение многих столетий путем страданий, крови и насилия успехи в материальном производстве и науке не

позволяют еще разрешить проблемы голода, нищеты, неравенства, болезней; что эти достижения часто используются для создания орудий уничтожения людей, разрушения цивилизации, культуры и ухудшения условий существования человека.

Это лишний раз доказывает: процесс создания ноосферы в силу ряда обстоятельств может замедлиться, а в условиях обострения политической конфронтации различных общественных систем, жизнь идет против основного условия создания ноосферы. Такой ход эволюции ученый объяснял тем, что научная мысль не охватила еще широкие массы людей, и они не могут правильно судить о многих вопросах, касающихся их социальной жизнедеятельности. Причина непонимания биогеохимической функции человека, его роли как геологической силы, а следовательно, и замедления процесса становления ноосферы человеком коренится в том, что формы его социальной и политической жизни не отвечают этому. Процессу становления ноосферы, с точки зрения Вернадского, препятствуют «государственные образования, идейно не признающие равенства и единства всех людей» [9, с. 34]. Они даже, не стесняясь в средствах, пытаются остановить этот объективный процесс. Но идея социального равенства и единства всего человечества, идея объединения усилий людей и потребность применения ими средств природы на благо народных масс, обретает силу для своего реального воплощения в широких социальных демократических движениях, способных подчинить достижения науки и техники гуманистическому их использованию. До тех же пор, пока фактически человечество социально и политически разрозненно, геохимические процессы антропогенного преобразования биосферы идут по двум направлениям — биосфера изменяется человеком сознательно и, главным образом, бессознательно, т.е.

поступая в каждом конкретном случае обдуманно, люди, одаренные сознанием, не всегда в состоянии предвидеть конечные результаты их собственной деятельности.

Анализируя весь путь, проделанный человеком, Вернадский делает вывод не только с точки зрения натуралиста, но и с точки зрения историка и философа: в процессе становления ноосферы «вся человеческая работа была проведена человеческим сознанием, но не преднамеренно — процесс создания не был осознан» [6, с. 51]. Этим утверждением, по сути дела, констатируется наличие в становлении ноосферы определенного длительного периода, главным образом, неосознанного, стихийного накопления научных знаний, овладения производительными силами, развитие самого человека и его способностей к труду, совершенствование социальных и политических структур, одним словом, стихийное развитие материальных и духовных предпосылок для целенаправленного, сознательного преобразования биосферы — природы Земли — в интересах всего человечества.

Преодоление стихийности развития науки, техники и воздействия человечества на природу, стихийности проявления человечества как геологической силы и подчинение ее удовлетворению материальных потребностей людей Вернадский связывал с выступлением на социальную арену мощного фактора человеческой истории — народных масс как политической сознательной силы. Только государственно объединенные и организованные усилия свободного человечества могут «чрезвычайно расширить свою силу и влияние в биосфере — создать для ближайших поколений сознательной государственной научной работой неизмеримо лучшие условия жизни. Такое новое направление государственной деятельности, — писал ученый, — мне представляется неизбежным» [9, с. 91]. В сущности это — государственное проявление перехода биосферы в ноосферу. При этом возникновение демократическо-

го государства, являющегося орудием и условием преобразования биосферы, Вернадский рассматривал как следствие естественноисторического становления ноосферы.

Уяснение громадной роли социально-политических факторов в жизнедеятельности общества и в реализации сознательного, планомерного преобразования природного и социального бытия человека явилось поворотным пунктом в развитии идеи ноосферы, дало новый импульс для активизации разработки этой проблемы. В своих последних работах и в частной переписке Вернадский существенно продвинул вперед понимание сути, условий и путей построения ноосферы. Именно в конце 40-х годов разработка грандиозной материалистической концепции ноосферы вступила в фазу своей принципиальной социально-исторической конкретизации.

Проанализировав изменение положения ученых и науки в обществе, развитие его производительных сил и социальных структур, Вернадский пришел к выводу, что лишь социальная отсталость мешает проявиться процессу создания ноосферы в его реальной силе. Однако, в результате борьбы народных масс создаются новые формы государственной жизни, характеризующиеся увеличением гуманистических, коллективистских отношений. Именно с социализацией, открывающей возможности для планомерного, целенаправленного развития науки и техники и максимального использования их в интересах народных масс, связывается теперь реализация ноосферы[16], сознательное стремление к ее построению, поскольку здесь «создание ноосферы в ее полном проявлении... станет целью государственной политики и социального строя» [9, с. 92]. В этом Вернадский видел «начало перехода к государственному строю сознательного воплощения ноосферы» [цит. по: 17, с. 290] — овладения природой для блага народных масс. Превращение возможности создания ноосферы в действительность связывается с тем перио-

дом в развитии социума, когда развитие общества достигло определенного состояния и люди становятся способными организовать свою совместную жизнедеятельность сознательно: подчиняя ее достижению научно определенных и планомерно осуществляемых общих целей бытия, т.е. с гуманистически ориентированным способом производства и воспроизводства общественной жизнедеятельности и соответствующим ему способом преобразования природной среды. Именно эти условия отвечают процессу целенаправленного создания человеком условий существования, которые соответствуют его сознанию и должны быть созданы им самим. Таким образом, напомним, в процессе становления ноосферы следует различать *стихийный* и *целенаправленный* этапы. Первый этап формирования предпосылок становления ноосферы начался с появлением человека. Второй — этап действительно сознательного, разумного, творческого, планомерного преобразования обществом природы в интересах настоящего и будущих поколений людей.

В ходе планомерного целенаправленного преобразования биосферы в ноосферу создается подлинное единство человека и природы. Единство не только в том, что человек не может существовать вне природы, но и в том, что природа не может существовать в своем преобразованном виде без функционирования управляемых человеком технических средств. Таковыми в настоящее время являются обширные аграрные комплексы, гидротехнические сооружения, сельскохозяйственные животные и растения как результат селекции, т.е. эволюции, направляемой и управляемой человеком.

Вернадский подчеркивал одну из важнейших особенностей современного этапа социоприродной эволюции: «В живом веществе, — говорил он,— создалась новая геологическая сила ума и техники, раньше на нашей планете не бывалая, которая нам кажется бес-

предельной и возможно в будущем выходящей за пределы планеты... «Homo sapiens» охватил планету и подходит к переработке ее в ноосферу» [10, с. 56]. Переход в ноосферу становится возможным только на основе развития науки и технического прогресса, позволяющих активно и целесообразно воздействовать на природу, предвидя не только ближайшие, но и отдаленные последствия этого воздействия. «Биосфера XX столетия превращается в ноосферу, создаваемую, прежде всего, ростом науки, научного понимания и основанного на ней социального труда человечества» [9, с. 44], — констатировал Вернадский. Это взаимодействие и единство созданной человеком техники, науки и биосферы и создает новое планетарное явление, новый этап социоприродной истории, в связи с которым и возникает проблема ноосферы.

Еще раз подчеркнем методологическую важность указаний Вернадского о том, что ноосферу следует рассматривать, во-первых, как *материальное образование,* как результат естественноисторического развития материального мира; во-вторых, как *результат и сферу планомерного труда;* в-третьих, в *неразрывной связи* с определенными *социальными условиями*. Объективная диалектика бытия различных сторон действительности заставила исследователя обратить внимание на их взаимообусловленность, что нашло адекватное отражение в научных выводах, интегрировавших в себе закономерности развития мирового целого как единой органической целостности.

Следует отметить большую эвристическую значимость наследия Вернадского. В создании своего учения о ноосфере ученый исходил не только из точно установленных наукой законов и фактов. Он не смог бы поднять эту идею до высоты научной концепции, если бы не предвидел (почти на полвека опередив свое время) еще только нарождающиеся и незаметные для дру-

гих зачатки тенденций будущего развития науки, потребностей материального производства, развития общества и связанных с их осуществлением проблем. Сейчас, опираясь на достижения современной науки и практики, мы понимаем противоречивое влияние НТР на жизнедеятельность общества, видим обострение глобальных проблем современности, обусловленное уровнем развития материального производства, способа воздействия общества на природу; обострение проблемы энергетических, продовольственных и минеральных ресурсов, ухудшение мировой экологической ситуации; социально-классовые противоречия современной эпохи; военные конфликты, экономическую зависимость развивающихся стран и их превращение в места вывоза «грязной» технологии и складирования токсичных отходов производства; явления духовной деградации и т.п.

Все это предвидел Вернадский и связывал с не преодоленным еще способом воздействия общества на природу, при котором человек действует, как и прежде: «Захватывая техникой своей жизни все новые и новые формы энергии и перерабатывая их своим разумом и трудом для текущих целей своей жизни, не задумываясь о последствиях» [10, с. 279]. Вернадский наметил основные тенденции и пути преодоления ставших сейчас реальностью трудностей. Вместе с тем, он с оптимизмом смотрел в будущее, верил в торжество разумного, счастливого будущего человечества, но со всей определенностью предупреждал: «В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и труд на самоистребление» [10, с. 327].

Гуманист Вернадский видел, что для осуществления перехода биосферы в ноосферу созданы реальные объективные предпосылки: произошла величайшая научная революция, открывшая путь для безграничного увеличения материальных и духовных сил человечества,

совершились глубокие демократические преобразования, начался процесс экономического и социального объединения человечества в единую мировую ассоциацию. Эти предпосылки должны стать той стихийно создававшейся на протяжении многих тысяч лет основой, на достижениях которой человек только теперь может сознательно воплотить в жизнь свою идею о преобразовании биосферы в ноосферу, подчинить своей воле и разуму стихийные процессы миграции вещества и энергии и общественных трансформаций для обеспечения своего беспредельного прогрессивного развития.

Подводя итог реконструкции генезиса естественнонаучной концепции ноосферы Вернадского и вычленения этапов естественноисторического процесса ее становления, можно, учитывая общее направление мысли ученого и методологию исследования социоприродной эволюции, предложить следующий вывод. Генезис трансформации биосферы в ноосферу, начавшийся с появлением Homo sapiens как стихийный процесс изменения человеком природной среды (биосферы) для удовлетворения своих непосредственных жизненных потребностей, на определенном этапе развития производительных сил (НТР) и производственных отношений, вступает в новый этап сознательного целенаправленного преобразования природы для ныне живущих и будущих поколений людей. Одним словом, процесс сознательного формирования ноосферы обусловлен двумя величайшими, слившимися в один поток революционными преобразованиями современной эпохи: научно-технической революцией, обусловливающей изменение способа воздействия общества на природу, и социальными трансформациями, изменяющими характер отношения общества к природе.

Концепция ноосферы была сформулирована Вернадским до начала развертывания научно-технической революции и модернизации индустриального общества.

Поэтому структуру и проблематику этой концепции нельзя считать завершенной. Ясно другое: она является наиболее универсальной общенаучной концепцией, позволяющей синтетически охватить в контексте взаимодействия общества и природы новейшие достижения естественных, технических и общественных наук. В ней «в один узел оказались завязанными процессы эволюции неживой природы, живой материи и развития человеческого общества. Была заложена основа некой единой инфранауки, объединяющей все три фундаментальные области человеческого знания» [16, с. 9].

Концепция ноосферы Вернадского со всей определенностью показывает ее мировоззренческую значимость и недопустимость попыток ее узкого, однобокого толкования, сводящих на нет научную и практическую значимость целостного осмысления качественно нового этапа социоприродной эволюции.

С этой токи зрения становится видна эвристическая ограниченность узкой трактовки ноосферы, когда она представляется всего лишь как идеальное образование, «продукт интеллектуальной индустрии» [13, с. 121; 14, с. 220-221], «мыслесфера», которая благодаря современным средствам связи «сомкнулась над планетой, стала еще одной ее оболочкой» [12, с. 250]. В таком понимании ноосферы в значительной мере утрачивается мировоззренческое видение становления ноосферы как закономерного процесса духовно-практического преобразования природного мира и факт социальной обусловленности изменения форм природопользования. Более того, сведение ноосферы лишь к идеальному образованию чревато опасностью размывания границ между материалистической и идеалистической концепциями ноосферы, приводит, в конечном счете, к их отождествлению и необоснованным заявлениям будто «В.И.Вернадский... заимствовал термин, а в известном смысле и понятие «ноосфера» у представи-

телей идеалистической философии, что было определенной данью идеалистическому мировоззрению» [2, с. 38-39]. Вместе с отходом от намеченного Вернадским целостного рассмотрения ноосферы как естественноисторического процесса утрачивается синтетический мировоззренческий характер, интегрирующий фундаментальные представления о развитии природы и общества и практическую природопреобразующую деятельность в единую проективную стратегию социоприродной эволюции.

Концепция ноосферы обедняется и тогда, когда ее становление связывается только с фактом превращения человека в геологическую силу, способную принципиально изменить естественную миграцию химических элементов на планете. Но этого, если следовать Вернадскому, недостаточно для становления ноосферы. Геохимическая активность человека осуществляется не как чисто природный биологический процесс, а необходимо опосредована сложными социальными отношениями, складывающимися между людьми. Чтобы материально-практическая деятельность по изменению природной среды не приняла угрожающую форму экологического кризиса, она необходимо должна сопровождаться коренными социальными изменениями. Без таких социальных преобразований не может быть осуществлен рациональный обмен веществ с природой в интересах всех людей. Ноосфера несовместима с антропогенной деградацией природной среды. Поэтому определяющим признаком создания ноосферы будет преодоление опасности глобального антропогенного экологического кризиса.

Другая крайность — попытка связать ноосферу с сугубо социальными переменами. При этом из поля зрения выпадают научные и материально-технические факторы обеспечения изменения способа воздействия общества на природу, позволяющие управлять необхо-

димым для поддержания биогенных констант процессом биогеохимической миграции вещества и энергии. В забвении материальных факторов становления ноосферы кроется опасность забегания вперед, представления желаемого действительным. Весь мировой опыт природопользования показывает объективные социальные и научно-технические трудности, длительность процесса формирования подлинно гуманистического взаимодействия общества с природой — ноосферы.

Неправомерно и отождествление границ ноосферы со сферой деятельности человека. Ноосфера, согласно Вернадскому, это преобразованная в интересах человека природа, равновесное состояние которой поддерживается целенаправленной деятельностью обобществившегося человечества. Сфера же деятельности охватывает все области природного мира, куда проникает человек или созданные им аппараты и приборы, не оказывая принципиального влияния на них. Следовательно, границы ноосферы уже сферы деятельности человека.

Становление ноосферы немыслимо без очеловеченной природы, но это не есть сама очеловеченная природа. Надо иметь в виду два момента. Очеловеченная природа появляется вместе с человеком, когда он еще не в состоянии регулировать протекание глобальных процессов природы. Ноосфера же — *сознательно* создаваемое человеком состояние природной среды. Она включена в постоянное развертывание естественных процессов природы, но это контролируемая человеком природная среда его существования. Поскольку такое состояние еще не достигнуто, то преждевременно современный этап изменения биосферы называть ноосферой, а то, что Вернадский понимал под таковой, именовать «интеллектосферой» [см.: 11, с. 93].

Современное человечество еще не преодолело опасности возникновения разрушительных войн, расхищения ресурсов биогеосферы, загрязнения природной сре-

ды и т.п. Однако, современное состояние взаимодействия общества с природой не может быть причиной пессимистических сомнений в возможности реализации ноосферы. Можно согласиться с тем, что сейчас о ноосфере как о *совершенно случившемся* явлении утверждать не приходится, но о *становлении* ноосферы в наши дни говорить вполне правомерно, ибо «на наших глазах совершается революционный переход от эволюции, управляемой стихийными биологическими факторами (период биогенеза), к эволюции, управляемой человеческим сознанием, к периоду ноогенеза» [15, с. 74].

Необходимо напомнить краеугольное положение Вернадского о том, что подлинное становление ноосферы следует связывать не с появлением сознания, сознательных существ, а с периодом, когда люди становятся способными организовать свою совместную деятельность сознательно; о том, что только тогда, когда люди, познав законы природы и общества, будут использовать их в своих общих целях, они станут действительными творцами своего собственного бытия и обеспечения биогенных условий своего существования.

Возрастание роли субъективного фактора в процессе взаимодействия природы и общества связано с расширением сферы целесообразной деятельности. Человеческая деятельность, обретшая в настоящее время поистине геологические масштабы, значительно расширила сферу очеловеченной природы и область природной среды, испытывающую влияние общества. В сферу практики людей все более включается деятельность по сознательному целесообразному преобразованию общественных отношений. Распространение объективного процесса — целесообразной деятельности — на сознательное формирование общественных отношений делает ее всеобщей. С преодолением стихийности развития общества целесообразная деятельность человека становится вполне развитой. Это способствует преодолению

субъективных и волюнтаристских решений, влияющих на характер взаимодействия природы и общества, дает возможность подчинить воздействие общества на природу гуманистическим целям развития общества и человека. Общество, становясь решающей силой взаимодействия с природой благодаря своей целесообразной деятельности, используя законы природы, становится способным к осуществлению коэволюции с природой. Именно с таким расширением и углублением сферы действия объективного процесса и связывается становление ноосферы, сознательное создание людьми всего природного комплекса своего непосредственного обитания и управления им. Только при таких условиях биосфера действительно трудом и разумом человека преобразуется в ноосферу, реальностью становится целенаправленная проективная эволюция социоприродного Универсума.

Глава 3
Метод осмысления В.И.Вернадским социоприродной эволюции

После рассмотрения генезиса концепции ноосферы Вернадского легко реконструировать метод, с помощью которого ученым осуществлялось постижение глобальных планетарных процессов и социоприродной эволюции.

Не принимая в целом методологические учения той или иной философской системы, Вернадский всегда относился к ним скептически; он твердо стоял на принципах естественнонаучного материализма и практически применял системно-структурный метод анализа действительности, стремился рассматривать предмет синтетически: как целостное образование в его развитии и взаимосвязи с другими предметами и системными образованиями. «Синтетическое изучение объектов природы — ее естественных тел и ее самой, как «целого» — неизбежно вскрывает черты строения, упускаемые при аналитическом подходе к ним, и дает новое. Этот син-

тетический подход характерен для *нашего времени* в научных и философских исканиях. Он ярко проявляется в том, что в наше время грани между науками стираются, мы научно работаем по *проблемам*, не считаясь с научными рамками» [7, с. 288-289].

Для Вернадского стимулом практической реализации такого метода исследования оказались не философские системы, а собственная логика анализа и развития реальных предметов, явлений и процессов, практика жизнедеятельности общества и его взаимодействия с природой.

Пожалуй, исходным пунктом становления интересующего нас процесса стало осознание Вернадским роли живых организмов в миграции химических элементов на Земле и создание науки биогеохимии, для которой жизнь выступает в несколько ином качестве, чем для биологии. «Перед грандиозностью геологических процессов исчезает организм, выступает их совокупность — живая материя» [6, с. 56]. Рассмотрение совокупности живых организмов как одного из важнейших факторов геохимических процессов, отличающегося способом и скоростью миграции химических элементов в природе Земли, вызвало потребность выхода на новый уровень так называемых эмпирических обобщений, т.е. сведения суммативно регистрируемых эмпирически наблюдаемых фактов к явлениям особого рода, выступающим как нерасчлененные целостные образования, и введения новых обобщающих понятий: «живое вещество», «косное вещество», «биокосное вещество», «биогенная миграция» химических элементов и т.п.

Более углубленный конкретный анализ обмена химического состава и энергетики живого вещества привел к выводу не только о его целостности как специфического фактора геохимической миграции на планете, но и осознанию его внутренней целостности, имеющей свою собственную специфическую организацию химического состава и круговоротов химических элементов.

Здесь биогеохимик, имеющий дело с биологическими проявлениями жизни, с совокупностями живых организмов встречается с резким, непроходимым отличием живого вещества от вещества косного.

Осуществление этих эмпирических обобщений явилось важным этапом познания действительности, восхождением на новую ступень теоретического знания. Выделение живого вещества и его влияния на геохимические процессы как особого образования среди других природных веществ, процессов и явлений означало, по сути дела, вычленение биологической формы движения материи из всех остальных природных форм ее бытия. На пути теоретического отражения действительности эта логическая операция восхождения от абстрактного к конкретному, от наиболее общих понятий и представлений к их дифференциации и дальнейшему синтезу, а в целом — к более глубокому познанию действительности позволила подняться к осмыслению закономерностей собственного развития биологической формы движения материи и ее взаимосвязи и взаимодействия с неживой природой, открыла новые горизонты проникновения в сущность живого, экологических условий и законов его бытия и, в свою очередь, стимулировало новые эмпирические обобщения.

Таковым стало представление о биосфере как особом способе бытия живого вещества, которая одновременно является продуктом жизнедеятельности всех живых организмов и непременным условием сохранения жизни в целом и в ее конкретных проявлениях. Биосфера, будучи биогенным образованием (созданным жизнью и необходимым для ее поддержания), имеет свой внутренний источник и движущие силы саморазвития. В ходе жизнедеятельности живых организмов она постоянно изменяется, стимулируя видоизменение химического состава собственного живого вещества и его природного окружения.

Существенным при этом является то, что в большие геологические промежутки времени эти изменения колеблются в пределах установившихся планетарных констант и не нарушают их. Только выход за рамки этих глобальных — планетарных — констант приводит к коренному изменению состояния биосферы и состава ее живого вещества. В результате ряда глобальных экологических потрясений происходит естественная эволюция биосферы из одного качественного состояния в другое.

Сосредоточив внимание на анализе миграции химических элементов и энергии под влиянием живого вещества, В.И.Вернадский, как естествоиспытатель, констатировал факт специфики химической миграции, вызванной деятельностью человека. Рассматривая (по методу эмпирических обобщений) человечество как особое образование, исследователь сразу столкнулся с новыми свойствами живого вещества и последствиями его деятельности.

В отличие от биохимической миграции, порождаемой жизнедеятельностью всех иных биологических видов и форм жизни, человек влияет на эти процессы не только собственной жизнедеятельностью как определенного биологического вида, а, прежде всего, материально-преобразующей деятельностью. Биогеохимическая деятельность человека по своему объему и интенсивности во много раз превосходит миграцию, обусловленную собственно биологическими процессами. (Позднее А.Е.Ферсман назовет эту форму миграции химических элементов «техногенной».) Более того, по своему влиянию на биогенные процессы миграции в биосфере и вообще биогеохимические круговороты вещества и энергии на Земле человек со временем начинает превосходить в целом биосферные планетарные процессы, нарушает химический состав, планетарные биосферные константы, изменяет лик планеты, глубоко химически перестраивает ее структуры, создает «новый химический состав планеты», новое состояние биосферы, «становится все более независимым от других форм жизни».

Осознание человеческой деятельности как планетарной геологической силы вновь приводит к эмпирическим обобщениям, выводу человека за пределы представлений, рассматривающих его как одного из представителей ряда биологических видов. Человечество, взятое как целое, имеет специфические способы бытия в биосфере и вообще в природе. Его жизнедеятельность нельзя сводить к чисто биологической. Она осуществляется по своим законам. Биогенная миграция атомов, вызываемая человеческим разумом и трудом, резко отделяет Homo sapiens faber от всего живого вещества. Здесь опять происходит фактическое вычленение новой формы движения материи (социальной), отличной не только от бытия неживой природы, но качественно иной в среде самого живого вещества.

Воспроизведенный нами процесс восхождения от живого созерцания к абстрактному мышлению, а от него — к конкретному, на теоретическом уровне с помощью эмпирических обобщений занял в творчестве естествоиспытателя многие десятилетия, стоил колоссальных усилий и не был столь прямолинейным. Чем глубже проникал ученый в суть изучаемых процессов миграции химических элементов на планете, чем сложнее оказывался предмет рассмотрения, чем выше уровень организации материи, тем труднее и мучительнее были поиски истины, тем шире должен был быть взгляд на мир.

Особенно трудным, как мы уже показали, оказалось формирование и разработка концепции ноосферы. Ее научное обоснование связывалось с пониманием специфики способа жизнедеятельности общества в природе, с осознанием материально-преобразующей деятельности человека в природе как способа существования общества, а так же с уяснением реальных социальных сил, способных подчинить стихийные процессы глобального преобразования природного окружения гуманистическим целям развития человечества как целого.

На этапе завершения учения о биосфере и формирования представлений о ноосфере и уяснения закономерностей взаимодействия различных форм движения материи: добиологических, биологической и социальной, метод эмпирических обобщений оказался весьма плодотворным и привел Вернадского к ряду выдающихся научных достижений в силу следующих причин.

Занимаясь проблемами геохимии, анализируя количественные характеристики процесса миграции химических элементов, ученый эмпирически мог наблюдать различные качественные проявления этих процессов в неживой и живой природе, особенности этой миграции под влиянием социальной жизни и, принимая в качестве логического основания интенсивность и масштаб миграции химических элементов, провести классификацию качественно различных проявлений этой миграции и их носителей. В то же время, выбранное ученым основание для классификации оказалось реальностью, интегрирующей специфические образования — неживую природу, живое вещество и общество — в определенную целостность, связанную единством вещества и энергии.

Для Вернадского переход от одной, ступени качественного усложнения движения материи к другой представлялся естественным процессом их вырастания из одного основания. Для него не было проблемы обоснования генетической и структурной взаимосвязи неживой природы, биосферы и человеческого общества, а следовательно, и социоприродной истории. Они вырастают из одного общего начала, как структурные элементы одного целого. Мир представлялся ученому как системное целое, состоящее из различных генетически связанных и объединенных единством геохимических круговоротов вещества и энергии элементов. «Этот способ рассмотрения является совершенно неизбежным для натуралиста, объемлющего природу как единое целое,

как космос» [6, с. 312]. Вернадский считает: «...лишь благодаря условностям цивилизации... неразрывная и кровная связь человечества с остальным живым миром забывается и человек пытается рассматривать отдельно от живого мира бытие цивилизованного человечества. Но эти попытки искусственны и неизбежно разлетаются, когда мы подходим к изучению человечества в общей связи со всей природой» [6, с. 313].

Неживое вещество служит исходным условием становления и бытия живого и биосферы в целом. Человек и вся совокупность людей неразрывно связаны с биосферой, которая, в свою очередь, становится для человека средой его жизни, без которой немыслимо существование человека. Разорвать их единство можно только в абстракции. Но и человек оказывает все большее влияние на свое природное окружение и в перспективе способен определяющим образом влиять на природную среду, поскольку, овладевая силами природы, он обретает энергетический потенциал неживой природы, превосходящий энергетику биосферы, и опираясь на него, может коренным образом влиять на биогеохимические процессы на Земле, т.е. изменять структуру самих основ сложившейся биогеохимической целостности на планете.

Такой подход позволил ученому в дальнейшем, поднявшись на уровень анализа закономерностей взаимодействия различных форм движения материи, рассмотреть универсум как определенную взаимосвязанную и взаимообусловленную систему, проследить динамику глобальной системы «природа—общество», вскрыть тенденции взаимодействия и перспективы бытия обоих компонентов этой целостной системы.

Выход на предельный уровень эмпирических обобщений, вплоть до форм движения материи, взгляд на мир как целое, естественно, были, хотя и главной, но не единственной составляющей успехов Вернадского в

осмыслении тенденций социоприродной эволюции. Его научная деятельность базировалась на кропотливом изучении конкретных естественных предметов, явлений и процессов. Из его переписки особенно ясно видно, как настойчиво он добивался точности во всех, казалось бы, мелочах естественнонаучных исследований. Еще одной из составляющих было глубокое знание достижений мировой науки, постоянное стремление к расширению области научных исследований и овладению знаниями, накопленными человечеством, а так же постоянная, на протяжении всей долгой жизни, верификация полученных выводов с высоты новых достижений науки.

Рассмотрение закономерностей развития глобальной системы на предельном уровне ее структурной организации — различных форм движения материи — дает возможность, отвлекаясь от частных, локальных особенностей, фиксировать наиболее общие, существенные моменты, показатели и другие критерии социоприродной эволюции Универсума.

Современные исследователи сумели оценить вклад ученого в постановку и разработку глобальных проблем эволюции только тогда, когда сами вышли на предельный уровень обобщений и стали отслеживать процессы взаимодействия различных уровней организации материи как целостного системного комплекса. Таковыми стали системные разработки Римского клуба, советская и американская модели возможных экологических последствий ядерной войны, модели глобальной экологии как взаимодействия природы и общества, осмысление перспектив бытия человеческой цивилизации в условиях безграничного накопления военного потенциала и ограниченного биогенного потенциала биосферы, осмысление технологических возможностей удовлетворения растущих потребностей в промышленных товарах и продовольствии и возможного влияния интенсификации производства на природную среду.

По сути дела, выход на глобальный уровень рассмотрения проблемы бытия общества в природе повлек за собой коренное изменение мировоззренческих представлений о месте и роли человека в природе, в которых отразилось осознание человечеством новой реальности — превращения человечества в силу, способную совместными действиями обеспечить условия своего безграничного развития в природе — достигнуть состояния ноосферы — или уничтожить себя и все живое, прекратить эволюцию жизни на Земле.

Вернадский ощутил это раньше других. Еще в начале века, только начиная путь к раскрытию планетарных процессов взаимодействия живой и неживой природы, он столкнулся с проблемами мировоззренческого порядка, обусловленными изменением естественнонаучных представлений. Вернадский вспоминал: «...в 1916 году и позже передо мною стала необходимость ясно установить мое философское мировоззрение. Ибо в это время я подошел к научным проблемам, имеющим по существу, помимо большого научного значения, не меньшую философскую значимость — к биогеохимическим процессам, к положению жизни на нашей планете, к ее влиянию на геологические, главным образом, геохимические процессы, к механизму биосферы» [8, с. 403].

Позднее, разрабатывая концепцию становления ноосферы и анализируя процессы взаимодействия природы и общества, порожденные глобальной природопреобразующей деятельностью человечества, ученый, естественно, столкнулся с более широким кругом мировоззренческих проблем, требующих переосмысления. Новая историческая ситуация взаимодействия общества с природой, реалии бытия человеческой цивилизации поставили множество разнообразных конкретнонаучных, практических, философских проблем, связанных с изменением роли и места человека в мире.

Поэтому в последние годы жизни Вернадский особенно много внимания уделял мировоззренческим и связанным с ними проблемам: этическим (ответственности ученых и вообще людей перед обществом и жизнью на Земле); социально-политическим (объединению человечества в одно целое и превращения интересов народных масс в мощную политическую силу, определяющую историю человечества); философским (обоснованию возможности существования ноосферы в условиях конечного бытия конкретных природных объектов); конкретнонаучным (обеспечения материальными ресурсами бытия общества и сохранения биосферных условий для развития человека и существования живого вещества биосферы, автотрофности человечества и др.).

Сейчас в интенсивно развивающейся глобалистике идет процесс поиска оснований для вычленения глобальных проблем и определения их субординации. Спектр проблем, причисляемых различными авторами к разряду глобальных, весьма широк. Сюда порой включают практически всю актуальную проблематику современной эпохи, вплоть до сугубо частных: этических, эстетических, экономических, социально-политических, конкретнонаучных и пр. Не останавливаясь на этом вопросе специально, отметим, что на наш взгляд, решение глобальных проблем складывается из совокупности практических решений всех актуальных проблем бытия современной человеческой цивилизации, однако, *собственно глобальные (планетарные) проблемы возникают на уровне взаимодействия качественно различных форм движения материи,* в процессе взаимодействия соответствующих элементов системы «природа—общество»: неживой природы, биосферы (живой природы) и общества. Это процессы, оказывающие определяющее влияние на состояние и перспективы развития главных составляющих системного комплекса «природа—общество» и в конечном счете — всей этой системы как целого.

Ноосферная концепция проективной эволюции социоприродного Универсума оказалась не только созвучной вековым чаяниям человечества о гармоничной социальной жизнедеятельности людей в благоприятных природных условиях, но и позволила предвидеть, дать объяснение и предложить конкретные пути решения ряда современных практических проблем, подтвердив тем самым свой научный статус и эвристический потенциал. Особенно зримо это проявилось с обострением так называемых современных глобальных проблем.

Идейный потенциал научного наследия Вернадского еще не освоен в должной мере. Овладение его богатством позволит дальше продвинуться в осмыслении и решении актуальных ныне философских, конкретнонаучных и практических проблем. Однако, справедливо оценивая непреходящий вклад Вернадского в понимание нового этапа социоприродной истории и в целом разделяя его исторический оптимизм, сегодня нельзя не видеть трудности на пути коэволюции природы и общества, связанные с развитием постиндустриального общества. Как ни велик был гений Вернадского, он не мог предвидеть всю совокупность современных перемен во всех областях жизнедеятельности общества, возникновения новых, гораздо более сложных проблем, встающих на пути воплощения ноосферы в жизнь. Вернадский был сыном своего времени. Будучи одним из первых, кто понял ограниченность механистической картины мира, лапласовского детерминизма и всячески пытаясь преодолеть их, он все же отдал им дань, особенно в оценке роли науки и ее влияния на сознание и практику природопреобразовательной деятельности людей на начальном этапе становления ноосферы. Верификация концепции ноосферы и анализ практического воплощения ноосферы в условиях современной цивилизации — предмет дальнейшего развития эволюционно-проективной философии.

Заключение

В конце 60-х — начале 70-х годов обострение экологической ситуации за рубежом активизировало интерес к проблеме взаимодействия природы и общества, антропогенного влияния на биосферу Земли. В связи с этим отечественные исследователи обратились к наследию основоположника биосферологии — В.И.Вернадскому. Но так как у последнего процесс эволюции биосферы тесно увязывается с цефализацией и целеполагающей жизнедеятельностью человека, задающей социоприродной эволюции определенный вектор, то, естественно, в фокус внимания попала и проблема ноосферы, а затем и сопутствующая ей проблематика космопланетарной эволюции, разрабатывавшаяся русскими космистами.

Сейчас термин «ноосфера» приобрел известную популярность. Из области философских исследований он перекочевал на страницы публицистических и пропагандистских изданий, его к месту и не к месту склоняют на радио и телевидении, его можно встретить даже в бульварных листках. Все это вызывает обоснованную тревогу: как бы этот термин, а вместе с ним и саму идею не постигла судьба понятия «экология», превратившегося в результате расхожего применения в многозначное, аморфное понятие с множеством предикатов, не имеющих никакого реального смысла и содержания.

Вместе с тем идея ноосферы чрезвычайно плодотворна. Она, несомненно, является определяющей в формировании концепций коэволюции природы и общества и экологического производства, оказала влияние на неортодоксальное христианство, на трансформацию современных мировоззренческих представлений; ее проективная доминанта созвучна идеям социального прогресса, а нравственный компонент «общего дела» четко вписывается в контекст Русской идеи — «русской правды» о соборном бытии и коллективном спасении; ее влияние заметно в современной прогностике, в попытках создания концепции устойчивого развития. Этот ряд можно было бы продолжить. Ясно другое. Еще не в полной мере выявлен эвристический потенциал идеи ноосферы и эволюционно-проективной философии в целом. Дальнейшее

историко-философское исследование наследия русского космизма и глобального эволюционизма, углубление идей проективной философии социоприродной эволюции Универсума могут дать новый синтез знаний, который окажет решающее влияние на формирование адекватной современному развитию цивилизации системы мировоззренческих представлений и соответствующего бытия общества в природе, определит ценностную ориентацию цивилизационного и культурного развития России и, вполне возможно, — всего человечества.

Литература

Часть I

1. *Бердяев Н.А.* Воля к жизни и воля к культуре // *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990. С. 162-174.

2. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990.

3. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990.

4. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.

5. *Богданов А.А.* Всеобщая организационная наука: (Текстология). Ч. 1-3. Л.; М.: Книга, 1925-1929. Ч. 1. 1925; Ч. 2. 1927.

6. *Булгаков С.Н.* Агнец Божий: О богочеловечестве. Париж: Ymca-Press, 1933. Ч. 1.

7. *Булгаков С.Н.* Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. 1-2. М.: Путь, 1911. Т. 1.

8. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Путь, 1912. Ч. 1: Мир как хозяйство.

9. *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // *Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии. М., 1980. С. 228-245.

10. *Вернадский В.И.* Живое вещество. М.: Наука, 1978.

11. *Вернадский В.И.* Живое вещество в земной коре // АРАН. Ф. 518, оп. 1, ед. хр. 50.

12. *Вернадский В.И.* Замечания для живого вещества. Мысли. [1920-1921 гг.] // АРАН. Ф. 518, оп. 1, ед. хр. 51.

13. *Вернадский В.И.* Из дневника // Прометей. М., 1988. Т. 15. С. 112-119.

14. *Вернадский В.И.* Несколько замечаний о значении изучения геохимических явлений для решения исторических вопросов // АРАН. Ф. 518, оп. 1, ед. хр. 50, л. 216-242.

15. *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 503-512.

16. *Вернадский В.И.* Письмо к Е.Г.Ольденбург от 26 мая 1943 г. // АРАН. Ф. 518, оп. 2, ед. хр. 57.

17. *Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии // Труды биогеохим. лаб. М., 1980. Т. 16.

18. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.

19. *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 1987.

20. *Вишев И.В.* Проблема личного бессмертия. Новосибирск: Наука, 1990.

22. *Горский А.К.* Организация мировоздействия // Русский космизм: Антология филос. мысли. М., 1993. С. 214-238.

23. *Горшков В.Г.* Физические и биологические основы устойчивости жизни. М., 1995.

24. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1988. Т. 13. 1975.

25. *Ефремов И.А.* Собрание сочинений: В 6 т. М.: Сов. писатель, 1992. Т. 3: Туманность Андромеды: Роман; Повести. 1992.

26. *Зеньковский В.В.* История русской философии. Paris: Ymca-Press, 1989. Т. 2.

27. *Казначеев В.П.* Предисловие // *Шипунов Ф.Я.* Организованность биосферы. М., 1980. С. 3-6.

28. Клаузура ноосферы: (Тез. ста докл. на науч.-практ. конф. «Ноосфера — настоящее и будущее человечества») / Отв. ред. И.И.Мочалов. Ч. 1-2. М.: Ноосфера, 1988.

29. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: диалог с И.Пригожиным // Вопр. философии. 1992. № 12. С. 3-20.

31. *Коптюг В.А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.): Информ. обзор. Новосибирск, 1992.

32. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков, 1919.

33. *Купревич В.Ф.* Долголетие: реальность мечты // Русский космизм: Антология филос. мысли. М., 1993. С. 347-351.

34. *Ленский В.В., Кочнев А.Г.* Основы многополярности. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986.

35. *Манеев А.К.* Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека // Русский космизм: Антология филос. мысли. М., 1993. С. 354-366.

36. *Манеев А.К.* Субстанция, биопсиполе, бессмертие // Русский космизм (по материалам II и III Всесоюз. Федоровских чтений, 1989-1990 гг.). М., 1990. Ч. 1. С. 94-96.

38. *Менделеев Д.И.* Заветные мысли. СПб., 1903-1904.

39. *Моисеев Н.Н.* Экологический императив // Коммунист. 1986. № 12. С. 110-120.

41. *Муравьев В.Н.* Всеобщая производительная математика // Вселенское дело. Рига, 1934. Вып. 2. С. 116-140.

42. *Муравьев В.Н.* Ипостасийность // ОР РГБ. Ф. 189, п. 12, д. 19.

43. *Муравьев В.Н.* Научное преобразование организмов (Отрывок из работы «Культура будущего») // Библиография. 1993. № 1. С. 98-104.

44. *Муравьев В.Н.* Овладение временем как основная задача организации труда. М., 1924.

45. *Муравьев В.Н.* Письма. Внутренний путь. Философские заметки, афоризмы // Вопр. философии. 1992. № 1. С. 97-114.

46. *Муравьев В.Н.* Преобразование общества // ОР РГБ. Ф. 189, п. 13, д. 10.

47. *Муравьев В.Н.* Рев племени // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 402-423.

48. *Муравьев В.Н.* Софья и Китоврас // ОР РГБ. Ф. 189, п. 18, д. 17.

49. *Муравьев В.Н.* Статья без заглавия о космической задаче труда // ОР РГБ. Ф. 189, п. 13, д. 6.

50. *Назаров А.Г.* Открытие биосферы // Прометей. М., 1988. Т. 15. С. 172-181.

51. Непериодические быстропротекающие явления в окружающей среде: (Тез. докл. Междисциплинар. науч.-техн. шк.-семинара, 18-24 апр. 1988 г., г. Томск) /Отв. ред. А.Г.Бакиров. Ч. 1-3. Томск, 1988.

52. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992.

55. *Оносов А.А.* Идея социальной организованности в русском космизме: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1994.

56. Парниковый эффект, изменение климата и экосистемы /Б.Болин, Дж.Ягер, Б.Р.Десс и др. Л.: Гидрометеоиздат, 1989.

57. Переписка В.И.Вернадского с Б.Л.Личковым (1940-1944). М.: Наука, 1980.

58. Письма В.И.Вернадского А.Е.Ферсману (1907-1944). М.: Наука, 1985.

59. Письмо Ф.М.Достоевского Н.П.Петерсону от 24 марта 1887 г. // Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам В.А.Кожевникова. М., 1908. Ч. 1. С. 316-317.

60. *Подолинский С.А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: Ноосфера, 1991.

62. *Радищев А.Н.* О человеке, о его смертности и бессмертии // *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. М.;Л., 1941. Т. 2. С. 37-141.

63. Русский космизм (по материалам II и III Всесоюзных Федоровских чтений, 1989-1990 гг.). Ч. 1-2. М., 1990.

64. Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993.

65. *Семенова С.Г.* Активно-эволюционная мысль Вернадского // Прометей. М., 1988. Т. 15. С. 221-248.

66. *Семенова С.Г.* Понятие «прогресса» в русском космизме // Человек, космос, эволюция: (Традиции русской религиозной философии и современность). М., 1992. С. 56-66.

67. *Сетницкий Н.А.* Об идеале // Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993. С. 242-257.

68. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия. СПб.; М., 1899.

69. *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2.

70. *Сухово-Кобылин А.В.* Воля // ЦГАЛИ. Ф. 438, оп. 1, ед.хр. 161.

71. *Сухово-Кобылин А.В.* Вселенский Суд Истории // ЦГАЛИ. Ф. 438, оп. 1, ед. хр. 149.

72. *Сухово-Кобылин А.В.* Первая наброска социологии как философии истории человечества в его трех моментах: теллурическом человечестве, солярном и сидерическом // ЦГАЛИ. Ф. 438, оп. 1, ед. хр. 146.

73. *Сухово-Кобылин А.В.* Селекция, Страшный Суд или История человечества // ЦГАЛИ. Ф. 438, оп. 1, ед. хр. 150.

74. *Сухово-Кобылин А.В.* Универсальный процесс или процессование духа // ЦГАЛИ. Ф. 438, оп. 1, ед. хр. 158.

75. *Сухово-Кобылин А.В.* Философия летания // ЦГАЛИ. Ф. 438, оп. 1, ед. хр. 157.

76. *Сухово-Кобылин А.В.* Философия селекции // ЦГАЛИ. Ф. 438, оп. 1, ед.хр. 149.

77. *Сытник К.М, Апанович Е.М., Стойко Е.М.* В.И.Вернадский: Жизнь и деятельность на Украине. Киев: Наук. думка, 1988.

78. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987.

79. *Тимирязев К.А.* Избранные сочинения: В 4 т. М.: Сельхозгиз, 1948-1949. Т. 1. 1948.

80. *Умов Н.А.* Собрание сочинений. М., 1916. Т. 3.

81. *Фаддеев Е.Т.* Проблема экологического производства // Философские проблемы глобальной экологии. М., 1983. С. 310-329.

82. *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела. Т. 1-2. Верный; М., 1906-1913. Т. 1. Верный, 1906; Т. 2. М., 1913.

83. *Федотов А.* Планета Земля, человечество, экономика // Экономист. М., 1995. № 11. С. 43–56.

84. Философский словарь /Под ред. И.Т.Фролова. М.: Политиздат, 1991.

85. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990.

86. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1.

87. *Холодный Н.Г.* Мысли дарвиниста о природе и человеке. Ереван, 1944.

88. *Циолковский К.Э.* Грезы о земле и небе: Научно-фантастические произведения. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986.

89. *Циолковский К.Э.* Живая вселенная // Вопр. философии. 1992. № 6. С. 135-158.

90. *Циолковский К.Э.* Общественная организация человечества (Вычисления и таблицы). Калуга, 1928.

91. *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1973.

92. *Чижевский А.Л.* Теория космических эр // *Циолковский К.Э.* Грезы о земле и небе. Тула, 1986. С. 419-427.

93. *Шипунов Ф.Я.* Организованность биосферы. М.: Наука, 1980.

94. Электромагнитные поля в биосфере. В 2 т. М., 1984.

Часть II

1. *Антонов Н.Н., Барякин В.Н.* О двух концепциях ноосферы // Филос. науки. 1978. № 6.

2. *Анучин В.А.* Географический фактор в развитии общества. М., 1982.

3. *Баландин Р.К.* Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. М., 1979.

4. *Вернадский В.И.* Биогеохимические очерки. М., 1940.

5. *Вернадский В.И.* Биосфера. Избр. тр. по биогеохимии. М., 1976.

6. *Вернадский В.И.* Живое вещество. М., 1978.

7. *Вернадский В.И.* Избр. тр. по истории науки. М., 1981.

8. *Вернадский В.И.* Изв. АН СССР. Отделение математики и естественных наук. Сер. 7. 1933. № 3.

9. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988.

10. *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.

11. *Голубец М.А.* Актуальные проблемы экологии. Киев, 1982.

12. *Забелин И.М.* Физическая география в современном естествознании: (Вопросы истории и теории). М., 1977.

13. *Забелин И.М.* Физическая география и наука будущего. М., 1970.

14. *Забелин И.М.* Человек и человечество. М., 1970.

15. *Камшилов М.И.* Научно-технический прогресс и эволюция биосферы // Вопр. философии. 1973. № 4.

16. *Моисеев Н.Н., Александров В.В., Тарко А.М.* Человек и биосфера: опыт системного анализа и эксперименты с моделями. М., 1985.

17. *Мочалов И.И.* Владимир Иванович Вернадский. 1863-1945 гг. М., 1982.

18. *Олейников Ю.В.* Экологические альтернативы НТР. М., 1987.

19. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1965.

20. *Le Roy E.* L'Exgence idealiste et le fait d'evolution. Paris. 1927.

Примечания

1 Аттрактор (от лат. *attraho*) — привлекающий, притягивающий к себе.

2 Говоря о *геологическом* эффекте культурных биогенных процессов, необходимо признать, что он имеет помимо геохимического и иные, *нехимические* выражения в земной коре.

3 Здесь культура понимается в широком смысле — как «творческая деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания» [84, с. 210-211]. В конечном итоге «культура есть мир, измененный и изменяемый человеком, согласно идеалам его разума» [41, с. 125].

4 В полной мере осуществить научную разработку темы сознательно-деятельного становления ноосферы Вернадский намеревался в оставшейся ненаписанной части его «главной книги» — «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения».

5 Ургия (от греч. ***ergon*** — работа) — возделывание, мастерство; искусство приготовления, творение.

6 Используя термины «неравновесность», «квазиравновесность», «неустойчивое равновесие», следует всякий раз оговаривать *масштаб* рассмотрения биосферных явлений. Проявляясь в *историческом масштабе* времени как неустойчивое равновесие (или квазиравновесие), в ином, *геологическом масштабе* динамическое состояние био-ноосферы выступает уже как направленная неравновесность.

7 Согласно арийскому мировоззрению, *Навь* — потусторонний мир, обиталище умерших — в онтологическом отношении оппозиционна *Яви* — явному, реально ощущаемому миру, миру явлений жизни.

8 Данная проблема требует особого обсуждения.

9 Латинское *religio /re...* — приставка, указывающая на повторное, возобновляемое действие; ***ligo*** — связываю/ означает постоянное восстановление, возобновление связей, регулярное пересвязывание и воссоединение распавшихся частей мирового целого, приведение его в должный и бывший (проективное исторически должное тождественно изначальному — доисторически — бывшему) совершенный порядок — «благолепие нетления и неразрушимости». «Религия есть универсальное единящее начало» [7, с. VII)].

10 Генетика насчитывает у человека несколько генов «старости» и «смерти», выражающих в совокупности эволюционную необходимость его смерти в сложившихся условиях организованности биосферы.

11 Прочные эмпирические основания для точного анализа проблем долголетия, бессмертия, решения вопроса о более жизнеустойчивых формах человеческого организма создают экспериментальные данные теории многополярности [см.: 34, с. 121–183, а также работы в области клонирования и автотрофизма].

[12] Греческое ***nomos*** — обычай, закон; обычай, следовательно, и есть основополагающая юридическая норма традиционного общества.

[13] Понятие «эгрегор» осмысливалось в работах *Муравьева* и, согласно его представлениям, обозначает сверхорганическое целое — социальное тело, являющее собой «живое объединение воль» [см.: 44, с. 59], физико-социологическую взаимосогласованность мыслей. Это некая материальная система особой природы с высокой степенью связанности ее частей, обладающая потенцией абсолютной жизненности [см: 46, л. 1]. Свойством эгрегора является синархическое и синхроническое единство, гармонически проявляющее свою организованность и отвечающее в физической реальности космоса новому состоянию целостности — соборности.

[14] Для Тейяра наука и мысль, возникающие вместе, практически тождественные понятия.

[15] «Для верующего христианина, — замечает Тейяр де Шарден, — конечный успех гоминизации (и, значит, космического усложнения) положительно гарантирован “воскресительной благодатью” бога, воплощенного в своем творении» [19, с. 293].

[16] Вернадский видел многие проблемы реального социализма и неоднократно критиковал их. Вместе с тем, идея социализации — реального, а не формального обобществления материальных условий жизнедеятельности общества, рассматривалась им как необходимая предпосылка становления ноосферы.

Содержание

Предисловие 3

Часть I. КУЛЬТУРНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕКТОР ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОСМИЗМА 6

Глава 1. Естественнонаучные и философские основания ноосферного проекта 6

Глава 2. Мир как всеобщее предприятие регуляции 25

Глава 3. Социальная организованность как культурная форма геологического единства биосферы и человека 41

Глава 4. Культурная эволюция человека 62

Глава 5. Активно-историческое делание 107

Глава 6. Духовный тип организованности общества 132

Часть II. НООСФЕРОГЕНЕЗ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА 147

Глава 1.Ноосферный проект П.Тейяра де Шардена 149

Глава 2.Генезис концепции ноосферы В.И.Вернадского 167

Глава 3.Метод осмысления В.И.Вернадским социоприродной эволюции 189

Заключение 200

Литература 202

Примечания 208

Научное издание

ОЛЕЙНИКОВ Юрий Васильевич
ОНОСОВ Александр Аркадьевич

Ноосферный проект социоприродной эволюции

Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН

В авторской редакции
Художник: *В.К.Кузнецов*
Технический редактор: *Н.Б.Ларионова*
Корректор: *Т.М.Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 18.05.99.
Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 06,56. Уч.-изд. л. 08,63. Тираж 500 экз. Заказ № 019.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор: *А.А.Оносов*
Компьютерная верстка: *Ю.А.Аношина, Т.В.Прохорова*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119842, Москва, Волхонка, 14